

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 4 (106) октябрь – декабрь 2021 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Комитетом РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 4 (106) October – December 2021

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate III No 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder
Federal State Institution
“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

4 НОЯБРЯ — ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

<i>Дню народного единства посвящается</i>	9
Горизонтов Л.Е. Восточнославянский вектор миграционной политики современной Польши в свете её исторического опыта	11
Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы	21

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Исаева Е.В., Воротникова И.А., Девятов С.В. Московский Кремль XX столетия	35
---	----

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Кириллов А.А. Политики медиа	57
Дементьев А.Н. Проблемы территориальной организации местного самоуправления как одного из уровней публичной власти	66

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Сергеева-Клятис А.Ю., Купцова О.Н. «За пядью пядь»: Летопись жизни и творчества Б.Л. Пастернака	76
Катермина В.В., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Лингвистические модели социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве	87

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Куфтяк Е.В. Здоровье и благополучие в детском возрасте: вклад привязанности	101
---	-----

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Еремеев И.И. Предварительные итоги археологических исследований средневекового Усвята в 2019–2021 гг.	110
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Журова Л.И., Шпилов И.А. IV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии», посвящённая 90-летию академика РАН Н.Н. Покровского (Новосибирск, 9–11 ноября 2020 г.)	122
Шиповалова Л.В. Второй Международный конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2020 г.)	127

МИР КНИГИ РФФИ

Минаков А.С. — Раздорский А.И. Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: Сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. — 976 с.	132
Лещёв С.В., Хрусталёв Е.Ю. — Инструментально-методический подход к адаптации модели тройной спирали для условий России с учётом исторической ретроспективы: Монография / Под ред. Е.А. Пахомовой. М.: ИНФРА-М, 2021. — 275 с. — (Научная мысль)	137
Московская Д.С. — Летопись жизни и творчества М. Горького в Италии: Капри (по материалам Архива А.М. Горького) / Авт.-сост. М.А. Ариас-Вихиль. М.: ИМЛИ РАН; ЛЕКSRУС, 2020. — 475 с.	142
Акимова А.С. — «Очень прошу ответить мне по существу...» Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955. Научное издание / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 848 с.: ил.	146
Миколайчик В.И. — Большой персидско-русский словарь: В 3 т. Т. 1 / Сост. В.Б. Иванов; Общ. ред. Е.Л. Гладкова; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука, 2020. — 932 с.	149
ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2021 г.	153
ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» № 5 ЗА 2020 г.	156
<i>Академику РАН В.А. Тишкову — 80 лет</i>	158

CONTENTS

NOVEMBER 4: NATIONAL UNITY DAY

<i>National Unity Day Dedicated</i>	9
Gorizontov L.E. East Slavic Vector of Contemporary Poland's Migration Policy in the Light of its Historical Experience	11
Kodin E.V., Rodionov I.I. Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1919–1922	21

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Isaeva E.V., Vorotnikova I.A., Deviatov S.V. The Moscow Kremlin of the 20 th Century	35
---	----

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Kirillov A.A. Politics of Media	57
Dementyev A.N. Problems of Territorial Organization of Local Self-Government as One of the Levels of Public Power	66

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Sergeeva-Klyatis A.Yu., Kuptsova O.N. “Inch by Inch”: Chronicle of Life and Creativity of Pasternak	76
Katermina V.V., Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. Linguistic Models of Social and Political Communication in Online Space	87

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Kuftyak E.V. Health and Well-Being in Childhood: Role Attachment	101
--	-----

FIELD RESEARCH

Eremeev I.I. Preliminary Results of Archaeological Research on the Medieval Town of Usyat in 2019–2021	110
--	-----

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Zhurova L.I., Shipilov I.A. The 4 th All-Russian Academic Conference: “Actual Problems of National History, Source Study, and Archaeography” Dedicated to the RAS Academician N. Pokrovsky's 90 th Birthday (Novosibirsk, November 9–11, 2020)	122
Shipovalova L.V. The Second International Congress of Russian Society for History and Philosophy of Science “Science as a Public Good” (Saint Petersburg, November 27–29, 2020)	127

THE RFBR BOOK WORLD

Minakov A.S. —

Razdorsky A.I. Printed Humble Reports of Viceroys, Governorates-general, Governors, and Mayors of the Russian Empire. 1845–1916. The summary catalog. St. Petersburg: Dmirty Bulanin, 2020. 976 p. 132

Leshchev S.V., Khrustalev E.Yu. —

Instrumental and Methodological Approach to the Adaptation of the Triple Helix Model for the Conditions of Russia, Taking into Account Historical Retrospect: Monography / Ed. by E.A. Pakhomova. Moscow: INFRA-M, 2021. 275 p. (Nauchnaya mysl') 137

Moskovskaya D.S. —

Chronicles of Life and Work of M. Gorky in Italy: Capri (based on the materials of the A.M. Gorky's archive). Author-compiler M.A. Arias-Vikhil. Moscow: IMLI RAS, Lexrus. 2020. 475 p. 142

Akimova A.S. —

"I Beg You to Reply Me to the Point..." Readers' letters to M.A. Sholokhov. 1929–1955. Scientific edition. Ed. by N.V. Kornienko. Moscow: IWL RAS, 2020. 848 p.: illustrated 146

Mikolaychik V.I. —

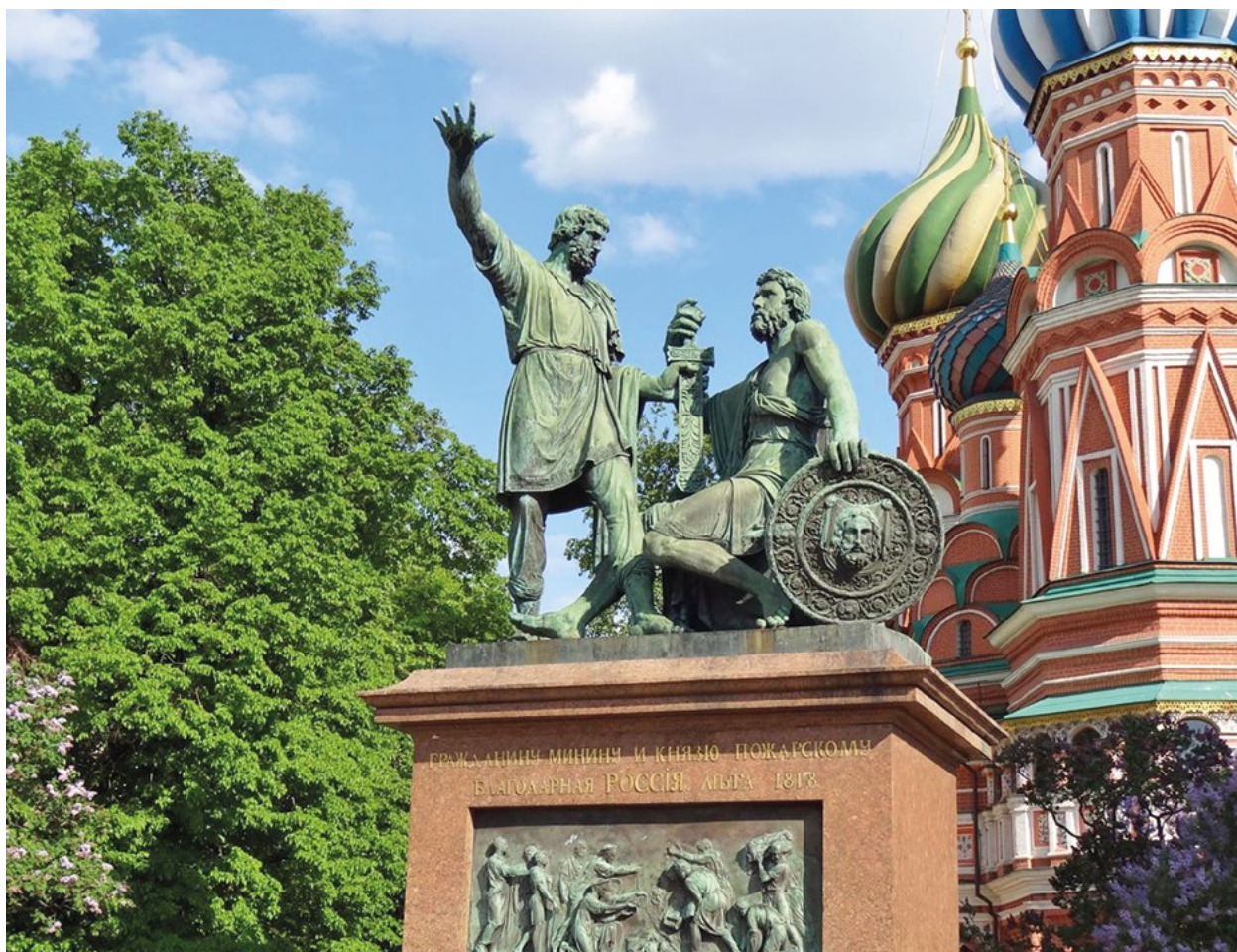
The Big Persian-Russian Dictionary. In 3 vol. Vol. 1 / V.B. Ivanov; General ed. by E.L. Gladkova; Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University. Moscow: Nauka, 2020. 932 p. 149

LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN THE "RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH JOURNAL. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES" IN 2021 153

LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN THE "RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH JOURNAL. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES" No 5, 2020 156

The 80th Anniversary of Valery Aleksandrovich Tishkov, Academician of RAS 158

4 НОЯБРЯ — ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

Памятник Минину и Пожарскому в Москве

Каждый год 4-го ноября в России отмечается День народного единства. Этот праздник был учреждён в память о событиях 1612 года, когда народное ополчение под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского освободило Москву от польских интервентов.

Россия и Польша — соседние страны со славянским большинством населения — имеют многовековую и весьма непростую историю взаимоотношений. Это яркий случай общей, неделимой, транснациональной истории. Речь идёт и о внутреннем развитии государств, геополитические контуры и стратегические

приоритеты которых неоднократно менялись, и о международной политике, в которой российско-польские отношения были вплетены в сложную ткань мировой архитектуры, и о политической, экономической, социальной, интеллектуальной истории, истории культуры. Российско-польский материал важен для таких актуальных исследовательских направлений, как изучение империй, наций и исторической памяти, историческая антропология.

Отношения между русскими и поляками, знавшие полосы войны и мира, сотрудничества и конфронтации, оказали

большое влияние на судьбы целого ряда народов Восточной Европы. Имагологические исследования убедили в огромной роли восприятия других этнокультурных общностей в процессе складывания собственной идентичности. Межнациональные и межгосударственные отношения не только воздействовали на макроисторические процессы, но и определяли жизнь конкретных людей, среди которых как известные политические и общественные деятели, творцы культуры, так и рядовые представители больших социальных групп.

Продолжительная и насыщенная общая история способна не только объединять, мотивируя к поиску плоскостей взаимопонимания, но и служить питательной почвой для эскалации противоречий. Одни и те же события, явления, процессы зачастую по-разному видятся в контексте различных историко-культурных традиций, обретая неодинаковые масштабы и значение, оценки и интерпретации. Особенно драматичным был XX век, закрепивший многие прежние исторические стереотипы и породивший новые, крайне конфликтогенные «места памяти», нередко связанные с применением массового насилия

и человеческими страданиями, большим числом жертв.

Прошлое — как весьма далёкое, так и сравнительно недавнее — постоянно и очень заметно присутствует в современной повестке российско-польского взаимодействия. Сегодня вопросы истории привлекают внимание политологов и культурологов, представителей других гуманитарных и общественных наук, живо обсуждаются в медийном пространстве. Резонансные текущие события неизбежно стимулируют обращение к тем или иным составляющим обширного исторического багажа.

В данном номере журнала публикуются статьи на темы, представляющие как научный, так и широкий общественный интерес. В первой из них характеризуется современная миграционная политика Польши, являющаяся одновременно специфическим ответом на вызовы глобализации и многоплановым осмыслением исторического опыта. Вторая статья посвящена судьбе польских военнопленных в Советской России начала 1920-х годов — последствиям крупного военного конфликта, определившего отношения между только что возникшими восточно-европейскими государствами.

Л.Е. ГОРИЗОНТОВ*

Восточнославянский вектор миграционной политики современной Польши в свете её исторического опыта

В последние годы в связи с беспрецедентным притоком мигрантов Польша активно разрабатывает свою миграционную политику, играющую важную роль в позиционировании страны как в Европейском союзе, так и в Восточной Европе. В отличие от западноевропейских государств и России, трудовые мигранты представлены в Польше прежде всего восточными славянами — выходцами из соседних с ней постсоветских Украины и Белоруссии. Именно они признаны желательными мигрантами ввиду прогнозируемой способности интегрироваться в польское общество. В украинцах и белорусах видится альтернатива мигрантам из Азии и Африки. Польская миграционная политика встраивается в многочисленные исторические контексты, формируемые влиятельными традициями и стереотипами. В их числе представления о Польше как оборонительном рубеже Европы, память о многонациональных версиях Речи Посполитой и концепция Центрально-Восточной Европы, стратегии Ю. Пилсудского и Р. Дмовского, идея славянской взаимности, традиции конфликтных отношений с Россией и Германией. В статье использованы новейшие документы, обосновывающие польскую миграционную политику.

Ключевые слова: современная Польша, Восточная Европа, трудовые мигранты, миграционная политика, исторические традиции, украинцы, белорусы, межнациональные отношения

Связанные с миграционными процессами проблемы в последние годы приобрели для Польши большую значимость и остроту. Без их учёта стало невозможным позиционирование страны в региональном и глобальном пространстве. Приток мигрантов меняет социально-экономическую ситуацию, влияет на межнациональные и межгосударственные отношения, занимает видное место во внутривнутриполитической

повестке. Одним из ориентиров при разработке базовых принципов польской миграционной политики послужило обращение к богатому опыту этнокультурного взаимодействия и историческим прецедентам.

Важнейшей точкой отсчёта стала середина второго десятилетия XXI в., на которую пришлось пик миграционного кризиса в Европейском союзе и нарастание кризисных явлений в экономике соседней

* **Горизонтов Леонид Ефремович** — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель проекта «Миграционная политика постсоциалистической Польши и её историческая обусловленность» (20-09-00330).
E-mail: lgorizontov@hse.ru

Украины. В разработке миграционной политики активно участвуют как государственные структуры, так и экспертное сообщество Польши [1].

В конце 2020 – первой половине 2021 г. основные положения обновлённой, более гибкой и комплексной, по мысли её создателей, версии миграционной политики были зафиксированы в таких документах, как «Миграционная политика Польши – диагностика исходного состояния» и «Миграционная политика Польши – направления действий в 2021–2022 гг.» [2, 3]. Они содержат большой массив статистических и социологических данных, правовой информации и экспертных оценок, в том числе прогнозов, а также исторические экскурсы, позволяющие проследить динамику миграционных процессов и эволюцию миграционной политики. Несмотря на перечисление «вызовов и рисков», ситуация в названных документах оценивается в целом оптимистически.

Моно- или полиэтническое государство?

Согласно традиционным польским представлениям, многие из которых, используя принятую в российской и польской науке терминологию, можно квалифицировать как этнополитические мифы [4, S. 18, 46], миссия Польши состоит в выполнении функций оборонительного рубежа Европы на востоке и активном культуртрегерстве, призванном цивилизовать её окраину. При этом современная Польша готова защищать традиционные устои европейской цивилизации, идя наперекор мейнстриму западноевропейских элит. В миграционной сфере объектом сдерживания выступают прежде всего мусульмане, в том числе выходцы из постсоветской Центральной Азии. Драматические события на белорусско-польской границе в ноябре 2021 г. продемонстрировали крайнюю жёсткость позиции Польши. Возлагая на себя ответственность за за-

щиту важного отрезка внешнего периметра Европейского союза, Польша одновременно стремится контролировать его восточную политику, что не встречает безоговорочной поддержки в ЕС.

В историческом багаже поляков сосуществуют традиции национально-освободительной борьбы, которую П. Вандыч предлагал считать общей чертой судеб народов Центральной Европы [5], и строительства многонациональных государств имперского типа. Исключительно высокая после Второй мировой войны этническая однородность Польши способствовала утверждению национального государства в качестве значимой ценности, а нарушение этнокультурной монолитности социума стало восприниматься как серьёзная угроза. И это несмотря на культивирование отрицательного образа Польской Народной Республики.

Вместе с тем в коллективной памяти поляков видное место принадлежит многонациональной Речи Посполитой в двух её исторических версиях – 1569–1795 и 1918–1939 гг., когда опыт межэтнической коммуникации складывался в значительной степени благодаря расширению государства на восток (ил. 1, 2). Утвердился положительный образ руководящей роли поляков в многонациональном государстве, который уже давно начал трансформироваться в представления о региональном лидерстве Польши. Сегодня польские геополитические построения выходят далеко за рамки былой Речи Посполитой, но неизменно критически важными остаются украинское и белорусское направления.

Первая Речь Посполитая видится предтечей Европейского союза и экспериментальным полем для выработки современных политико-правовых практик коллективного Запада. Подобная интерпретация продвигалась, например, во время недавнего празднования 230-летия Конституции 3 мая 1791 г. В силу этого Польша не склонна считать себя частью «новой» или «молодой» Европы.

Образ толерантной Речи Посполитой формируется прежде всего на материале её «золотого века» с добровольной полонизацией, предоставлением убежища евреям и ренессансной открытостью культуры. Иная, далёкая от идиллической, картина складывается после победы Контрреформации, закрепившей долгосрочные тренды в сфере межнациональных отношений. Упадок Речи Посполитой сопровождался острыми конфессиональными противоречиями и форсированной полонизацией. Схожие процессы наблюдались и в канун гибели Второй Речи Посполитой, преемственность с которой декларируется в современной Польше.

В польском историческом опыте присутствует как пястовская модель государства — этнически однородного и смещённого на запад, так и ягеллонская модель полиэтнического и смещённого на восток государства. Традиция династии Ягеллонов получила продолжение в межвоенной Речи Посполитой. Традиция средневековой династии Пястов была продолжена после Второй мировой войны возрождённой по решению великих держав Польшей. Отказ от их противопоставления позволяет примирить некогда соперничавшие подходы Ю. Пилсудского и Р. Дмовского, которые во время празднования в 2018 г. столетнего юбилея независимости Польши возглавили национальный пантеон отцов-основателей польского государства. Востребованной оказалась концепция лидера национальных демократов (эндэков) Дмовского, особенно бережно относившегося к защите польского этнического ядра и готового выходить за его пределы только там, где существовала возможность полонизировать местное население. Дмовского очень беспокоило инациональное присутствие на территории, где поляки составляли большинство. Речь тогда шла прежде всего о евреях и немцах, крайне немногочисленных в сегодняшней Польше, но в данном

случае важен подход теоретика польского национализма.

Специфика сложившейся ныне ситуации заключается в том, что массовый приём мигрантов ведёт к трансформации этнически гомогенной Польши, в которой в послевоенный период национальные меньшинства продолжали вытесняться [6], в многонациональное государство. Речь идёт не о расселении поляков на сопредельных с их этническим ядром территориях, а о притоке на польские земли представителей других народов в условиях отсутствия в составе государства непольских по преимуществу восточных кресов. Вместо польской колонизации этой «Польши Б» реальностью становится массовое присутствие мигрантов в польской среде. Имевшая репутацию классической страны эмиграции Польша за короткий срок переориентировалась на приём мигрантов.

Желательные мигранты

Выход находится в регулировании миграционных потоков таким образом, чтобы минимизировать ущерб этнокультурной монолитности социума. Желательными мигрантами объявляются представители народов с низким ассимиляционным порогом, способных быстро интегрироваться в польское общество. Согласно польской миграционной доктрине, «одной из основных целей интеграции является обеспечение сплочённости общества» [3, S. 16]. Привлекает внимание то, что в новейших документах, характеризующих миграционную политику, понятие ассимиляции не употребляется: речь идёт об интеграции. Наиболее предрасположенными к ней в Польше принято считать украинцев и белорусов. В связи с этим говорится об особом значении «восточного соседства, учитывая языковую и культурную близость» [3, S. 3]. «Следует помнить о специфике миграционной ситуации Польши, — говорится в документе первой половины 2021 г. — Географическое

положение и расположение миграционных маршрутов в Европу определяют то, что в Польшу мигрируют в первую очередь граждане государств, находящихся за восточной границей страны, а не государств Африки или Ближнего Востока, как это имеет место во многих странах Европейского союза» [3, S. 1].

Украина стала главным источником людских ресурсов для испытывающей нехватку рабочих рук (в том числе из-за оттока трудоспособных поляков на Запад) польской экономики (ил. 3). От Белоруссии ожидается обеспечение дальнейшего расширения рынка трудовых мигрантов, когда украинцев будет уже недостаточно и сложатся благоприятные предпосылки для наращивания миграционного потока на белорусском направлении. Летом 2021 г. именно оно оказалось в центре внимания благодаря миграционному транзиту из Азии, причём — вопреки ожиданиям — не из постсоветской её части.

Польская миграционная стратегия не исключает и приёма русских мигрантов. Присутствие на этнически польских землях русского меньшинства имеет давнюю и многоплановую традицию, восходящую к временам Российской империи и Второй Речи Посполитой. Хотя идея славянской взаимности не пользуется популярностью в постсоциалистической Польше, она, как видим, востребована в качестве ориентира польской миграционной политики. Открытие страны для восточных славян помогает обосновать отказ от приёма нежелательных мигрантов, а также сблизить позиции находящихся у власти евроскептиков и имеющих значительное представительство в экспертном сообществе еврооптимистов.

Все расчёты основываются на позитивном для Польши прогнозе — продолжении динамичного развития экономики и усилении влияния на восточном направлении (стабильно негативным

Ил. 3. Украинские трудовые мигранты в современной Польше

остаётся прогноз демографической ситуации в стране). Следует подчеркнуть, что близкородственность народов не предопределяет их податливости ассимиляции. Национальные идентичности украинцев и белорусов за постсоветские десятилетия ощутимо укрепились, и замещение их иными этнокультурными кодами не представляется простой задачей. В странах исхода подобная установка ожидаемо воспринимается критически. Давний успешный опыт колонизации восточнославянских элит некорректно экстраполировать на современную ситуацию. Борьба поляков за независимость долгое время была также борьбой за реставрацию государства, существовавшего до разделов Речи Посполитой. Рост национального самосознания восточнославянских народов побудил польских политиков ещё во второй половине XIX в. внести коррективы в планы восстановления границ 1772 г., что создало почву для федералистских проектов Пилсудского.

Историческое соседство также является фактором неоднозначного действия. Коллективная память украинцев и белорусов формирует настороженное отношение к колонизации, а принимающее польское общество не едино в готовности считать восточнославянских переселенцев «своими», о чём свидетельствуют периодически фиксируемые эксцессы на национальной почве. Жёсткое условие ассимиляции мигрантов совсем недавно власти обосновывали преобладающими в Польше настроениями.

В современной миграционной политике Польши присутствуют опасения не только по поводу нарушения этнокультурной однородности общества вследствие умножения слабо интегрированных в него приезжих, но и торможения интеграции из-за исключительно высокой степени этой однородности [2, S. 48]. Признавая, что для принимающего общества «образ мультикультурного социума со всей определённо-

не был... привлекательным», новейшие документы выражают надежду на «верификацию» представлений поляков, которые смогут проявить большую толерантность к увеличению культурного разнообразия [2, S. 49–50].

История и современность

В польских геополитических построениях Украине отводится ключевая роль. Однако историческая, преимущественно белорусская по составу населения Литва (в границах Великого княжества Литовского после Люблинской унии) традиционно вызывает у поляков большую ностальгию, чем присоединённая к польским коронным землям Украина. В Первой и Второй Речи Посполитой польско-украинские столкновения на социальной, религиозной и национальной почве достигали самой высокой степени накала. Исторический опыт сосуществования поляков и украинцев в государствах, где первые являлись титульным, государствообразующим этносом, был в значительной мере негативным. В годы Второй мировой войны обострение польско-украинских отношений продолжилось.

Дополнительные раздражители формируются в социальной плоскости. Большинство трудовых мигрантов используется в качестве неквалифицированных сезонных работников. Они занимают ниши, которые мало востребованы поляками, предпочитающими искать более высокий заработок на Западе. Миграционная доктрина исходит из того, что мигранты не будут составлять конкуренцию полякам и усиливать безработицу. Противопоставлена их концентрация на отдельных территориях и в отдельных отраслях. Предпочтение отдаётся возвратной, маятниковой миграции. Отведение восточным славянам в Польше определённых социальных ролей актуализирует как в их среде, так и в принимающем обществе память о былых отношениях

между панами и батраками. Мигрантам нередко дают понять, что они — люди второго сорта, призванные безропотно обслуживать потребности работодателей. Подобное восприятие трудовой миграции вызывает эмоциональные комментарии в средствах массовой информации и препятствует интеграционным процессам.

В последнее время, впрочем, наблюдается определённая переориентация польской миграционной политики на привлечение квалифицированных кадров, в частности медиков и специалистов по информационным технологиям, которых государство готово стимулировать к переезду в Польшу на постоянное жительство. Особая роль в «утечке мозгов» принадлежит образовательной миграции, позволяющей соединять целевую подготовку профессиональных кадров с их глубокой интеграцией в польское общество. На этом направлении Польше удалось добиться заслуживающего внимания успеха, который она намерена развивать.

Российский аспект польской миграционной политики связан прежде всего с конкуренцией за привлечение украинской и белорусской рабочей силы. Эта конкуренция попадает в хорошо проторенную колею российско-польского соперничества в Восточной Европе. Приходится считаться Польше и с большой притягательной силой Германии, где восточнославянские гастарбайтеры могут составить также определённую конкуренцию полякам. В плане привлечения трудовых ресурсов извне, таким образом, Польша оказывается между Россией и Германией, что соответствует традиционной матрице польской истории.

Заинтересованность в украинских трудовых мигрантах обнаруживают также ближайшие центральноевропейские союзники Польши — Чехия, Словакия и Венгрия, которые, как и она, отвергают перспективу афроазиатизации и имеют общую с украинцами историю. Однако

и по объёму совместного прошлого, и по масштабу экономики, и по активности на международной арене эти страны Вишеградской группы заметно уступают Польше. Исторически тесно связанная с Белоруссией Литва располагает ограниченными возможностями.

В миграционной стратегии современной Польши приоритетом принято считать реэмиграцию и репатриацию соотечественников, неоднократно приносившие в прошлом значимые результаты. Речь идёт не только об уехавших после вступления Польши в ЕС в 2004 г., но и о тех, чьи предки покинули её давно. Как уточняется в документах, «история Польши определила, что многие польские граждане оказались за границей против своей воли, в силу исторических обстоятельств» [2, S. 1].

Если применительно к переселенцам в Польшу ставилось условие их ассимиляции, то в отношении польских диаспор на первый план выходят меры по предотвращению денационализации. Даже с союзной Литвой, в которой поляки являются самым крупным из национальных меньшинств, у Польши возникают на этой почве серьёзные разногласия. Усилия по собиранию людей с польскими корнями, включая выдачу карты поляка, подтверждающей польскую идентичность её обладателя, не приносят демографически и экономически значимого эффекта, но считаются необходимыми и перспективными. Среди получивших карту доля граждан Украины и Белоруссии исключительно велика. Согласно данным польских властей, весной 2021 г. в растущем потоке приезжих из Белоруссии владельцы карты поляка составляли весомый процент [7].

Приток украинских и белорусских мигрантов служит аргументом в пользу концепции Центрально-Восточной Европы, которую после 2016 г. оттеснил не менее амбициозный проект Триморья, предполагающий сотрудничество государств ЕС, расположенных между

Ил. 4. Люблинский треугольник

Балтийским, Адриатическим и Чёрным морями. Центрально-Восточная Европа мыслится прежде всего как расширение Центральной Европы в восточном направлении вплоть до границ России, обособляемой от Украины и Белоруссии [8, 9]. После 450-летия польско-литовской унии началась реализация проекта Люблинского треугольника (Польша, Литва и Украина с перспективой расширения данного формата взаимодействия посредством подключения Белоруссии) (ил. 4). В июле 2021 г. министры иностранных дел стран – участниц «треугольника» подписали декларацию, в которой подчёркивались единство исторических судеб и общность европейского выбора. В утверждённом тогда же плане совместных действий миграция и трансграничная мобильность заметного места не занимают [10, 11].

Не имевшая ни заморских, ни азиатских владений Польша оказалась вовлечённой в миграционные процессы, которые в других экс-метрополиях начались

раньше: с её бывшей украинско-белорусской периферии так же устремились беспрецедентные по своему масштабу людские потоки. Это может способствовать повороту к осмыслению прошлого Польши с позиций новой имперской истории и постколониальных исследований [12].

Анализ миграционных процессов в Польше позволяет сделать вывод, что страна стоит на пороге существенных перемен. Миграционные вызовы актуализируют обширный и неоднозначный исторический багаж Польши, в контексте которого они обретают разнообразные смыслы. Прошлое обеспечивает аргументацией как евроскептиков, так и еврооптимистов [13]. Миграционная политика не только формируется под влиянием политики памяти и региональной политики, но и оказывает обратное воздействие на них. Представленный материал свидетельствует, что осмысление современных процессов невозможно без учёта широкого спектра факторов большой длительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горизонтов Л.Е. Миграционная политика постсоциалистической Польши: динамика стратегических установок // Современная Европа. 2019. № 7. С. 179–185.
2. Polityka migracyjna Polski – diagnoza stanu wyjściowego. [Warszawa], 2020. 61 s. URL: <https://www.gov.pl/web/mswia/polityka-migracyjna-polski-diagnoza-stanu-wyjsciowego> (дата обращения: 24.10.2021).
3. Polityka migracyjna Polski – kierunki działań 2021–2022. [Warszawa], 2021. 22 s. URL: <https://www.gov.pl/web/mswia/projekt-uchwaly-rady-ministrow-w-sprawie-przyjecia-dokumentu-polityka-migracyjna-polski-kierunki-dzialan-2021-2022-id179> (дата обращения: 24.10.2021).
4. Adamczewski P. Polski mit etnopolityczny i Kaukaz. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2019. 777 s.
5. Wandycz P.S. The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present. London; New York: Routledge, 1992. 330 p.
6. Милякова Л.Б. Разработка концепций моноэтнического государства в Польше (1918–1947 гг.) // Славянский сборник. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 119–137.
7. Wzrasta liczba Białorusinów osiedlających się w Polsce. Wielu ma polskie pochodzenie. URL: <https://www.polskieradio.pl/399/7978/Artykul/2717354> (дата обращения: 24.10.2021).
8. Горизонтов Л.Е. Региональная терминология российского славяноведения // Славяноведение. 2019. № 3. С. 46–55.
9. Стобецкий Р. Центрально-Восточная Европа в польском публичном дискурсе вчера и сегодня // Славяноведение. 2019. № 3. С. 56–67.
10. Deklaracja o wspólnym europejskim dziedzictwie i wspólnych wartościach z okazji 230. rocznicy uchwalenia Konstytucji 3 maja 1791 r. i Zaręczenia Wzajemnego z 20 października 1791 r. URL: Deklaracja ministrów spraw zagranicznych państw Trójkąta Lubelskiego o wspólnym dziedzictwie europejskim i wspólnych wartościach – Ministerstwo Spraw Zagranicznych – Portal Gov.pl (www.gov.pl) (дата обращения: 24.10.2021).
11. Plan współpracy pomiędzy Rzeczpospolitą Polską, Republiką Litewską i Ukrainą w ramach Trójkąta Lubelskiego. URL: Deklaracja ministrów spraw zagranicznych państw Trójkąta Lubelskiego o wspólnym dziedzictwie europejskim i wspólnych wartościach – Ministerstwo Spraw Zagranicznych – Portal Gov.pl (www.gov.pl) (дата обращения: 24.10.2021).
12. Васильев А. «И формируясь по чужому образцу, стали мы наконец чужими сами себе»: о постколониальных исследованиях в современной польской науке (обзор) // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 581–593.
13. Горизонтов Л.Е. Евроскептицизм в Центральной и Юго-Восточной Европе как исследовательская проблематика // Между Москвой и Брюсселем / Под ред. К.В. Никифорова. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 71–80.

ENGLISH

**East Slavic Vector of Contemporary Poland's Migration Policy
in the Light of its Historical Experience**

Leonid E. Gorizontov – Doctor of Science (History), Professor of the National Research University “Higher School of Economics”, head of the project “Migration Policy of post-Socialist Poland and its Historical Conditionality” (20-09-00330).
E-mail: lgorizontov@hse.ru

With the unprecedented influx of migrants in recent years, Poland has been actively developing its migration policy, which plays an important role in its positioning in the European Union and Eastern Europe. Unlike in Western European countries and Russia, labor migrants in Poland are primarily represented by the Eastern Slavs from neighboring post-Soviet Ukraine

and Belarus. These migrants are considered desirable due to their predicted ability to integrate into Polish society. Ukrainians and Belarusians are perceived as an alternative to accepting migrants from Asia and Africa. Influential traditions and stereotypes form numerous historical contexts, in which Polish migration policy is embedded. These contexts include the notion of Poland as a defensive frontier of Europe, memory of multinational versions of *Rzeczpospolita*, the concept of East Central Europe, strategies of Piłsudski and Dmowski, the idea of Slavic reciprocity, and the conflict relations with Russia and Germany. This article uses the latest documents that help formulate the Polish migration policy.

Keywords: contemporary Poland, Eastern Europe, labor migrants, migration policy, historical traditions, Ukrainians, Belarusians, interethnic relations

REFERENCES

1. Gorizontov L.E. Migratsionnaya politika postsotsialisticheskoy Pol'shi: dinamika strategicheskikh ustanovok // *Sovremennaya Evropa*. 2019. № 7. S. 179–185 (in Russian).
2. Polityka migracyjna Polski – diagnoza stanu wyjściowego. [Warszawa], 2020. 61 s. URL: <https://www.gov.pl/web/mswia/polityka-migracyjna-polski-diagnoza-stanu-wyjsciowego> (data obrashcheniya: 24.10.2021).
3. Polityka migracyjna Polski – kierunki działań 2021–2022. [Warszawa], 2021. 22 s. URL: <https://www.gov.pl/web/mswia/projekt-uchwaly-rady-ministrow-w-sprawie-przyjecia-dokumentu-polityka-migracyjna-polski-kierunki-dzialan-2021-2022-id179> (data obrashcheniya: 24.10.2021).
4. Adamczewski P. Polski mit etnopolityczny i Kaukaz. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2019. 777 s.
5. Wandycz P.S. *The Price of Freedom: A History of East Central Europe from the Middle Ages to the Present*. London; New York: Routledge, 1992. 330 p.
6. Milyakova L.B. Razrabotka kontseptsiiy monoetnicheskogo gosudarstva v Pol'she (1918–1947 gg.) // *Slavyanskiy sbornik*. Saratov, 2003. Vyp. 6. S. 119–137 (in Russian).
7. Wzrasta liczba Białorusinów osiedlających się w Polsce. Wielu ma polskie pochodzenie. URL: <https://www.polskieradio.pl/399/7978/Artykul/2717354> (data obrashcheniya: 24.10.2021).
8. Gorizontov L.E. Regional'naya terminologiya rossiyskogo slavyanovedeniya // *Slavyanovedeniye*. 2019. № 3. S. 46–55 (in Russian).
9. Stobiecki R. Tsentral'no-Vostochnaya Evropa v pol'skom publichnom diskurse vchera i segodnya // *Slavyanovedeniye*. 2019. № 3. S. 56–67 (in Russian).
10. Deklaracja o wspólnym europejskim dziedzictwie i wspólnych wartościach z okazji 230. rocznicy uchwalenia Konstytucji 3 maja 1791 r. i Zaręczenia Wzajemnego z 20 października 1791 r. URL: Deklaracja ministrów spraw zagranicznych państw Trójkąta Lubelskiego o wspólnym dziedzictwie europejskim i wspólnych wartościach – Ministerstwo Spraw Zagranicznych – Portal Gov.pl (www.gov.pl) (data obrashcheniya: 24.10.2021).
11. Plan współpracy pomiędzy Rzeczpospolitą Polską, Republiką Litewską i Ukrainą w ramach Trójkąta Lubelskiego. URL: Deklaracja ministrów spraw zagranicznych państw Trójkąta Lubelskiego o wspólnym dziedzictwie europejskim i wspólnych wartościach – Ministerstwo Spraw Zagranicznych – Portal Gov.pl (www.gov.pl) (data obrashcheniya: 24.10.2021).
12. Vasil'yev A. "I formiruyas' po chuzhomu obraztsu, stali my nakonets chuzhimi sami sebe": o postkolonial'nykh issledovaniyakh v sovremennoy pol'skoy nauke (obzor) // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2020. № 6. S. 581–593 (in Russian).
13. Gorizontov L.E. Evroskeptitsizm v Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evrope kak issledovatel'skaya problematika // *Mezhdu Moskvoy i Brusselem* / Pod red. K.V. Nikiforova. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2016. S. 71–80 (in Russian).

Индекс УДК 93/94

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-21-34

**Е.В. КОДИН,
И.И. РОДИОНОВ***

Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы

Проблема военнопленных польско-советской войны 1919–1920 гг. остаётся одним из самых дискуссионных вопросов в современной польско-русской историографии. При этом условия пребывания польских военнопленных в лагерях Центральной России до последнего времени вообще не являлись предметом исторических исследований. В ходе реализации настоящего научного проекта впервые анализируются бытовые условия лагерей с польскими военнопленными, медицинское обслуживание, питание, трудовое использование пленных, агитационно-пропагандистская работа среди военнопленных, процесс их репатриации.

Ключевые слова: польско-советская война, польские военнопленные, концентрационные лагеря, лагеря военнопленных, репатриация

Н емногим более 100 лет тому назад, в марте 1921 г., состоялось подписание Рижского мирного договора, который на межгосударственном уровне завершил польско-советскую войну. Историография польско-советской войны обширна. И российскими, и польскими историками проделана огромная работа по изучению внешнеполитической доктрины правительства Пилсудского, приведшей к началу военных действий, трагическим последствиям пребывания пленных красноармейцев в польских лагерях. Но все эти годы историки как-то «обходили» тему положения пленных польской армии в лагерях

советской России, которая никак не становилась предметом самостоятельного научного анализа.

Интерес к данной проблематике начал проявляться лишь в последние годы. При этом исследования носили региональный характер. Так, В.В. Крашениников рассмотрел некоторые аспекты деятельности Брянского концентрационного лагеря и Бежицкого лагеря военнопленных [7]. На Смоленщине объектом изучения А.Ф. Гавриленкова стала деятельность Рославльского концентрационного лагеря [1]. Есть отдельные исследования по другим российским регионам. Работы И.И. Костюшко дают общую

* **Кодин Евгений Владимирович** — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета (СмолГУ), руководитель проекта «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 гг.» (19-09-00091).

E-mail: evkodin@yandex.ru

Родионов Иван Игоревич — ассистент кафедры истории России СмолГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: vanro.rodionov@yandex.ru

характеристику пребывания польских военнопленных в советской России [6, 8].

Заметна и активность польской стороны в этом направлении. В 2021 г. в Институте национальной памяти Польши был презентован сборник «Военнопленные 1920». В статье «Польские военнопленные в советском плену» Вальдемар Резмер старается показать, что отношение советской власти к польским военнопленным и их положение в российских лагерях было несколько не лучше, чем красноармейцев в лагерях Польши [9]. Закладываемая тенденциозность в работах польских историков даёт основания предположить, что и в этом вопросе начинает формироваться новое дискуссионное поле в российско-польских исследованиях войны 1919–1920 гг.

Проведённое научное исследование в рамках настоящего проекта показывает реальное положение польских военнопленных в лагерях Центральной России в 1919–1922 гг., даёт новое, объёмное научное знание по проблеме, формирует комплексное и сравнительное восприятие нахождения польских пленников в советской России вплоть до их репатриации на родину.

В основу научного проекта легли материалы 25 фондов трёх центральных и 10 региональных архивов, таких как Государственный архив Смоленской области (Ф. Р-136 «Смоленский концентрационный лагерь»), Государственный архив Брянской области (Ф. Р-2376 «Брянский губернский концлагерь»), Государственный архив Орловской области (Ф. Р-1716 «Орловский концлагерь»),

а также архивов других областей (Тула, Калуга, Рязань, Ярославль и др.). Основной объём документов по теме польских военнопленных хранится в ГАРФ (Ф. 393. Оп. 89 «Главное управление принудительных работ»; Ф. 3333 «Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак) Наркомата внутренних дел РСФСР»).

Масштабы плена и его организационное регулирование

Первые документы, относящиеся к попавшим в плен польским солдатам, датируются весной 1919 г., когда боевые действия между польской и Красной армиями приняли постоянный характер. В начале 1919 г. численность военнопленных была незначительной, к ноябрю она увеличилась в 10 раз, а в конце года приток военнопленных пошёл на спад (табл.).

По данным И.И. Костюшко, всего за 1919 г. на Западном фронте было пленено около 1500–2000 человек [8, с. 4]. В 1920 г. с польскими военными служащими нередко попадали в плен и петлюровцы, и балаховичевцы, действовавшие на стороне польских войск. При этом основная масса их содержалась отдельно от польских военнопленных в лагерях Средней Азии¹ и Урала².

Изначально первые пленные содержались при армиях. На Западном фронте некоторые войсковые части зачисляли пленников в свой состав [8, с. 29].

В 1920 г. приток военнопленных увеличился. В итоге в период с 1 января до середины октября 1920 г. на Западном фронте было захвачено в плен по разным

Таблица

Число пленённых польских солдат в 1919 г. на Западном фронте [8, с. 15]

Месяц	Февраль	Май	Июнь	Июль	Август, сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого
Число пленённых	2	2	67	15	214	50	1061	20	1431

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 104. Оп. 4. Д. 442. Л. 47.

² РГВА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 1236. Л. 105.

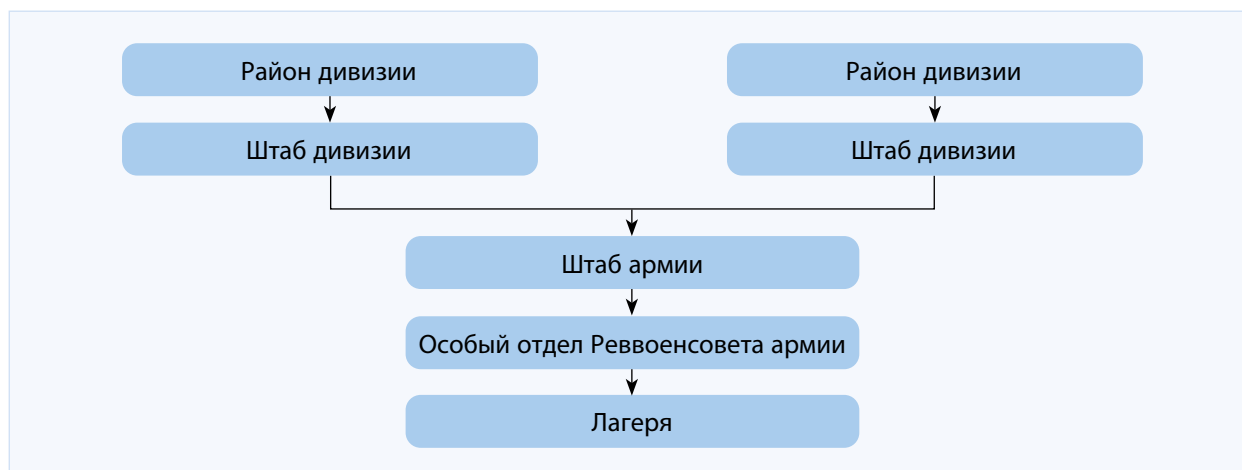

Схема. Препровождение военнопленных польской армии с фронта до лагерей

сведениям от 12 358 до 19 682 польских военнослужащих [8, с. 4]. В документах также отмечалось, что число военнопленных польских легионеров увеличивалось в связи с частыми добровольными перебежками¹.

В связи с большим числом пленных поляков их содержание на фронте при армиях становилось обременительным. Для решения всего комплекса вопросов военнопленных и перебежчиков приказом Реввоенсовета республики и Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) от 17 февраля 1920 г. № 278 при Реввоенсоветах армий создавалась особая комиссия из представителей Центропленбежа и отдела принудительных работ НКВД² [8, с. 22]. 4 июня 1920 г. за № 1102 был издан приказ командующего армиями Западного фронта М.Н. Тухачевского о препровождении военнопленных [8, с. 21–22] (схема). В соответствии с приказом захваченные в плен должны были сначала поступать в разведывательное отделение дивизии для опроса, после чего направлялись для допроса и регистрации в особое отделение. Из особого отделения военнопленных передавали в штаб армии в разведывательный

и особый отделы для допроса и отправления в концентрационный лагерь.

Препровождение военнопленных в штабы армий и фронта возлагалось на этапных комендантов, дальнейшее направление в концентрационный лагерь должно было производиться маршрутными эшелонами при надёжном конвое (фото 1).

Этапирование пленных поляков шло по ведомству Центропленбежа (Центроэвака): изначально пленных доставляли в города, которые находились рядом с прифронтовой линией и служили железнодорожными узлами (такие узлы были в Орше, Витебске, Смоленске и т.п.³), затем их отправляли в распределительные пункты прифронтовых губерний, из которых далее — по лагерям Центральной России и в другие регионы.

Создание лагерей для польских военнопленных

Первые партии польских военнопленных размещались в концентрационных лагерях, которые создавались на основе постановления ВЦИК РСФСР от 15 апреля 1919 г. об организации лагерей принудительных работ (концлагерей)⁴. Вначале

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 107. Л. 44.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 89. Д. 32. Л. 71.

³ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 442. Л. 7–9.

⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 156. Л. 27–27 об.

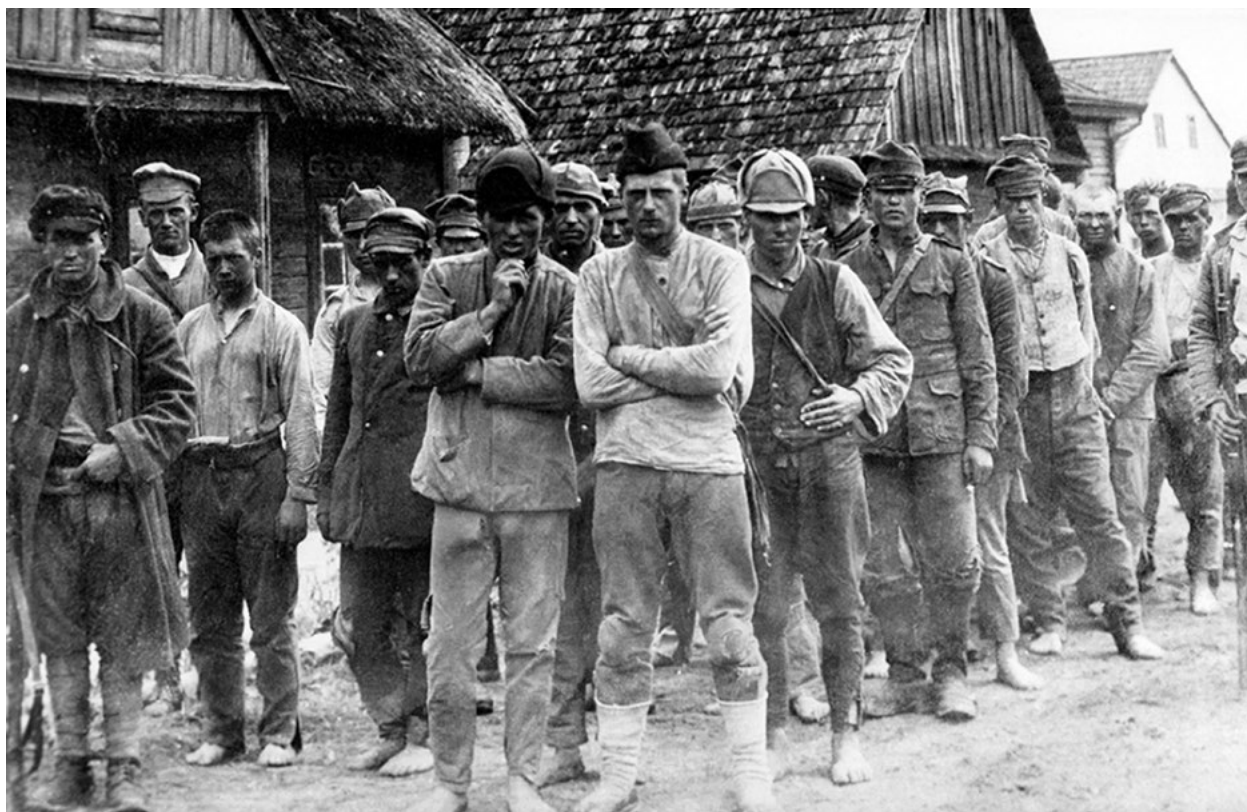

Фото 1. Группа военнопленных, в том числе из 5-й Польской дивизии, под конвоем красноармейцев в одном из населённых пунктов. 1920. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Арх. № 0-230399. Взято с <https://pswar.rusarchives.ru/>

концлагеря появились в Москве и Петрограде. Для управления ими при НКВД республики было образовано Центральное управление лагерями (ЦУЛ), которое в 1920 г. переименовали в Главное управление принудительных работ (ГУПР). Именно оно стало весть созданием и обеспечением работы лагерей и распределительных пунктов.

В губерниях местным губчека предписывалось немедленно приступить к устройству лагерей и открыть их не позже 20 мая 1919 г.¹ В реальности эти жёсткие сроки нигде не выдерживались, но лагеря создавались. Так, например, концентрационные лагеря в Смоленской, Калужской, Ярославской, Рязанской, Тульской губерниях создавались в период

с мая по декабрь 1919 г. В Брянской и Орловской губерниях концентрационные лагеря формировались вплоть до середины 1920 г.

В Смоленске концлагерь был образован 1 августа 1919 г., его разместили в зданиях бывшего Авраамиевского мужского монастыря (фото 2). Рославльский концентрационный лагерь первоначально был организован 15 сентября 1920 г. в Минске², но из-за наступления польских войск переведён в Рославль Смоленской губернии в октябре 1920 г. В Рославле под лагерь было использовано здание бывшего земства (фото 3)³.

Калужский концентрационный лагерь начал функционировать с 24 июля 1919 г.⁴. В Рязани концлагерь создали

¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 156. Л. 4.

² Архивный отдел «Рославльского района». Ф. 2873/388. Оп. 1. Д. 1. Приказ № 1 от 15 сентября 1920 г.

³ Архивный отдел «Рославльского района». Ф. 2873/388. Оп. 1. Д. 1. Приказ № 19 от 4 октября 1920 г.

⁴ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Р-967. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

Фото 2. Смоленский концлагерь. Авраамиевский монастырь. 1913. Взято из фотоальбома П.П. Покрышкина

Фото 3. Здание земства в Рославле. Начало XX в.

Фото 4. Рязанский концлагерь, Казанский Явленский женский монастырь. Рязань. 1904

1 августа 1919 г. в бывшем Казанском женском монастыре (фото 4)¹. В Ярославле концлагерь появился в мае 1919 г. Вначале он был размещён на территории Коровницкой тюрьмы, а 19 октября того же года его перевели в Спасо-Преображенский монастырь (концлагерь № 1)². Созданный в губернии в 1920 г. концлагерь № 2 разместили на территории Казанского монастыря.

В целом концентрационные лагеря губерний Центральной России являлись в 1919 – начале 1920 г. лагерями так называемого смешанного типа, когда они в одно и то же время были и лагерями для военнопленных, и лагерями принудительных работ, и концентрационными лагерями, т.е. в них одновременно содержались и польские пленные, и российские заключённые.

В 1920 г. в условиях увеличившегося притока пленных возникла необходимость создания специализированных лагерей, которые предназначались бы только для польских военнопленных.

Так, например, 21 июля 1920 г. в Брянский концлагерь поступили 490 военнопленных поляков (21 офицер и 469 рядовых)³. Помещения Брянского концлагеря были заполнены, и подотдел принудительных работ принял меры по поиску подходящего помещения для организации отделения лагеря. Созданная для этой цели комиссия выбрала под лагерь помещения в Бежице (вместимостью 350 чел.)⁴. Бежицкий лагерь стал функционировать независимо от Брянского концлагеря⁵.

В целом к лету 1920 г. в губерниях Центральной России была создана

¹ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-2817. Оп. 1. Д. 2. Л. 79.

² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 47. Л. 8.

³ Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-2376. Оп. 1. Д. 109. Л. 89.

⁴ ГАБО. Ф. Р-2376. Оп. 1. Д. 66. Л. 9–9 об.

⁵ ГАБО. Ф. Р-2376. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

Фото 5. Кожуховский концлагерь. Москва

значительная сеть лагерей для размещения польских военнопленных, состоящая из почти 30 учреждений.

Количество лагерей по губерниям было разным. Так, в Смоленской губернии польские военнопленные размещались в трёх лагерях: концентрационном лагере губернского центра и Рославльском уездном концлагере, а также в Смоленском лагере военнопленных. В Брянской губернии было два лагеря: Брянский концентрационный и Бежицкий лагерь военнопленных. В Орловской губернии военнопленные поляки находились в двух лагерях из пяти: в Орловском концлагере (лагерь № 1) и в лагере военнопленных (лагерь № 2). В Тульской губернии действовали четыре лагеря, в двух из которых, № 2 и 4, содержались польские военнопленные. В Рязанской губернии действовали пять лагерей, в трёх из которых (концлагеря в Рязани и Раненбурге, лагерь военнопленных при Побединских копях) содержались польские военнопленные. В Москве было девять

лагерей разных по типу и составу контингентов.

Помещения лагерей, в которых размещали польских пленных, не были типизированы: то были казармы (Смоленск — лагерь военнопленных, Брянский концлагерь, Кожуховский концлагерь в Москве) (фото 5), бараки (Тула, Кострома, Брянск), монастырские и тюремные помещения (Ярославль, Смоленск — концлагерь, Рождественский концлагерь в Москве, Рязань), здания бывшего земства (Рославль), отдельные дома (Ордынский концлагерь) (фото 6), бывшие особняки дворян/купцов (Покровский концлагерь), рабочие дома (Брянск, Орёл), фабричные помещения (Владыкинский концлагерь, Москва; Бежицкий лагерь военнопленных), помещения бывшего дворянского пансиона (Орёл — лагерь № 2).

Число польских военнопленных сильно разнилось по лагерям. В более чем трети лагерей численность превышала 300 человек (37%), лагеря с количеством пленных в пределах 200–300 человек

Фото 6. Ордынский концлагерь. Москва

составляли 26,3%, 100–200 человек — 10,5%, 50–100 человек или меньше 50 человек — 13%.

Социальный портрет польских военнопленных

Выявленные в архивах Смоленской, Брянской и Калужской областей и обработанные списки с анкетными данными 1416 польских военнопленных позволяют создать достаточно полный социальный портрет данного лагерного контингента [4].

По национальному признаку бóльшая часть военнопленных причисляла себя к полякам — 80%, к евреям — 10%, к русским — 8%, к прочим национальностям — немцам, латышам, белорусам — 2% (диаграмма 1).

Существенную территориальную разнородность военнопленных показывают данные о месте их проживания до начала войны: в Польше — 78%, Белоруссии — 5%, Украине — 4%, Литве — 3% (диаграмма 2).

В лагерях Центральной России преобладали военнопленные в возрасте

20–30 лет (90%). Следующими по численности шли возрастные группы: 18–19 лет (8%), 31–55 лет (2%). Сословный состав польских военнопленных следующий: крестьяне — 77%, мещане — 19%, дворяне — 3%, без указания сословной принадлежности — 1%.

Подавляющее большинство польских военнопленных не связывало себя ни с какой из политических партий. Беспартийными были 90% военнослужащих. При этом, однако, имеется весь спектр основных политических партий на территории Польши. Коммунисты составляли 4% пленных, представители Бунда — 3%, ППС (Польская партия социалистов) — 2%, Поалей Цион — 1%.

Условия быта военнопленных, организация питания и медицинского обслуживания

Условия жизни польских военнопленных в лагерях зависели от материальной базы последних. Так, например, в Смоленском концлагере материально-бытовые условия были более чем удовлетворительными. К весне 1920 г. концлагерь

занимал три двухэтажных корпуса для размещения заключённых и военнопленных, один флигель под приёмный покой (на 25 кроватей) с квартирой для фельдшера, флигель для караульной команды и вновь прибывающих заключённых и военнопленных. В источниках отмечается наличие столярной мастерской, бани и прачечной, сараев, амбаров и других хозяйственных построек, в лагере было проведено электричество и исправно работал водопровод [11, с. 278]. Польские военнопленные располагались в отдельных корпусах концентрационного лагеря [10, с. 163].

В целом материальная инфраструктура большей части концлагерей представляла собой следующее: несколько корпусов для контингента, два флигеля (один — для врача и один — для караула), хозяйственные постройки (сарай, амбары, бани и прачечные и т.д.), в отдельных зданиях организовывались мастерские. В лагерях военнопленных имелась только жилищная инфраструктура: в их распоряжении было несколько жилых зданий.

По состоянию на ноябрь 1920 г. из 15 лагерей, по которым были собраны сведения, условия пребывания польских военнопленных оценивались проверочными комиссиями следующим образом: в 47% лагерей помещения были хорошие, столько же удовлетворительные и частично неудовлетворительные, по 6% помещений у Польского отдела ПУР сведений не было [8, с. 146–147].

Польские военнопленные получали ежедневный продовольственный паёк по нормам, установленным на местах. По приказу Центральной комиссии о пленных и беженцах № 408 от 1 января 1920 г. основная норма продовольствия военнопленного составляла в золотниках (зол. = 4,2 грамм): хлеба — 96–72

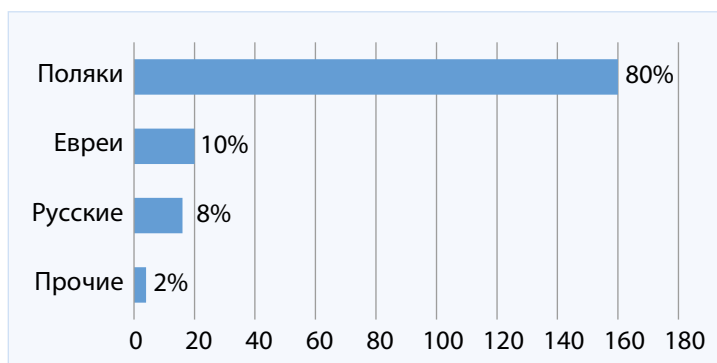

Диаграмма 1. Национальный состав

Диаграмма 2. Место жительства

(ок. 400 грамм), крупы — 18 (75,6 грамм), мяса или рыбы — 24 (100,8 грамм), чечевицы — 30 (126 грамм), овощей — 48 (201,6 грамм), картофеля — 96 (403,2 грамм), жиров — 4,8 (20,16 грамм), соли — 3 (12,6 грамм), сахара — 6 в день (25,2 грамм), 1/4 фунта мыла (ок. 114 грамм) и 1/2 фунта табака в месяц (227 грамм). По состоянию на ноябрь 1920 г. из обследованных 15 лагерей хорошим признавалось обеспечение питанием в 40% лагерей, ровно столько же определялось как неудовлетворительное, по остальным 20% лагерей сведения отсутствовали.

Медико-санитарное обслуживание польских военнопленных проводилось военно-санитарным ведомством наравне с красноармейцами. В лагерях Центральной России в случае болезни пленных либо размещали в лагерном околоске, либо направляли в лечебные учреждения

губернии или в лечебные учреждения ведомств (госпитали военного комиссариата, Губэвака). Перечень «стандартных» болезней в лагерях включал воспаление лёгких, тиф, дизентерию, цингу, чесотку, скарлатину.

Трудовое использование польских военнопленных

Массовые мобилизации взрослого населения в ходе любой войны всегда вызывают нехватку рабочих рук. Одним из способов её «компенсации» становилось использование труда военнопленных. Польско-советская война не стала в этом отношении исключением.

В регионах какого-либо единообразия в трудовом использовании пленных поляков не было. Труд рядовых польских военнопленных использовался в угольных шахтах, на лесозаготовках, на торфяных разработках, при строительстве и ремонте железных дорог, погрузке и разгрузке вагонов и судов, на сельскохозяйственных работах, в учреждениях и на предприятиях. Труд военнопленных оплачивался по местным нормам. В учреждении или организации, где работали военнопленные поляки, составляли платёжные листы, содержавшие информацию о числе отработанных дней и заработанных суммах¹.

В Москве и в тех губерниях, где была высокая концентрация военнопленных польской армии, создавались трудовые дружины.

В Рождественском лагере первая дружина насчитывала 463 человека [6, с. 53]. Пленные занимались чисткой железнодорожных путей, работали на станциях Московской железной дороги (Люблино, Крюково), на вокзалах (Курском, Павелецком), на заводах и фабриках (газовом, фабрике Дреготруд), в городских

больницах². Вторая и третья дружины были сведены в первый отдельный трудовой батальон в составе 1717 человек и размещались на станции Владыкино (также занимались чисткой путей от снега на железных дорогах Московского узла). Четвёртая (416 пленных) была на станции Перерва Московско-Казанского направления. Пленные этой трудовой дружины работали при станциях Московской, Курской, Казанской железной дороги и на Коломенском заводе.

В марте 1921 г. в связи с начинавшейся репатриацией Главное управление предписывало всем организациям и учреждениям немедленно произвести выплату заработка всем военнопленным полякам³.

Агитационная работа в лагерях

Агитационная работа в лагерях в основном велась по линии Польского бюро ЦК РКП(б)⁴ и Польского отдела ПУР. В 1919 г. работу среди прибывающих польских военнопленных вели местные агитпункты и политические отделы. Но делалось всё, по оценкам Смоленского Польбюро, очень неумело и без учёта польских настроений и отношения к России. Тогда было решено привлечь к этой работе коммунистов-поляков. Им ставилась задача создать в лагерях школы грамоты, клубы, библиотеки, читальни, санитарные комиссии, коммунистические ячейки из сочувствующих и проверенных коммунистов.

В отчёте Польского отдела ПУРа «О литработе за время с августа по 1 ноября 1920 г.» указывалось, что из 147 мобилизованных коммунистов-поляков в лагерь для политической работы был направлен 31 человек. Партийные кружки появились в 11 лагерях, общее число коммунистов составляло в них 123 человека [8, с. 216].

¹ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 12. Л. 15.

³ ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 16. Л. 52.

⁴ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Результаты общей работы политинструкторов с польскими военнопленными были подведены в отчёте руководителя отдела военнопленных Польской делегации Смешанной российско-польской комиссии от 11 июля 1921 г. В нём отмечался незначительный процент (от 5 до 8%) польских военнопленных, изъявивших желание остаться в советской России [8, с. 343]. Такая же оценка звучала и в итоговом отчёте Польбюро ЦК РКП(б) от 1 марта 1922 г. [8, с. 381]. Ожидалось, что политические инструкторы смогут превратить всех польских военнопленных в сторонников советской власти, однако этого не произошло.

Репатриация польских военнопленных

Обсуждение вопросов обмена пленными велось воюющими сторонами уже в конце 1919 г. Долгие переговоры завершились соглашением о репатриации между РСФСР, УССР и Польшей, подписанным только в конце февраля 1921 г. Буквально через неделю, в начале марта 1921 г., началось согласование репатриационных мероприятий.

В целях нормативного регулирования механизма отправки польских военнопленных 26 февраля 1921 г. были изданы два совместных приказа Реввоенсовета республики, НКВД и Наркомздрава за № 473-68/589 и № 473-68/590. Первый приказ требовал принять к руководству «Правила о порядке обслуживания при обмене пленными и беженцами с Польшей»¹. В соответствии с документом отправка требовалось начинать с больных и инвалидов, которых следовало перевозить санитарными поездами. Другой приказ определял правила отправки здоровых польских военнопленных. Перед посадкой в эшелон пленным приказывалось остричь и отправлять в баню с последующей сменой белья и дезинфекцией одежды.

В марте 1921 г. первые эшелоны уже следовали из центральных губерний через Смоленск до Минска, оттуда до станции Негорелое. Механизм обеспечения питанием репатрируемых хорошо иллюстрирует пример движения эшелонов по железной дороге Орёл—Брянск—Смоленск. Перед отправкой из Орла (29 марта 1921 г.) 502 военнопленным выдали двухдневное пайковое довольствие из средств 2-го Орловского концлагеря. На пункте перед отправкой военнопленные получили горячую пищу [8, с. 311]. На станции Брянск 30 марта 1921 г. военнопленные, к которым добавились «брянские» пленные в количестве 385 человек (всего 887 пленных), получили горячую пищу и пайковое довольствие в сухом виде на 31 марта 1921 г. [8, с. 311]. В Смоленске 31 марта 1921 г. для всего эшелона было выдано в сухом виде пайковое довольствие на 1 и 2 апреля 1921 г. [8, с. 312]. По прибытии эшелона в Оршу 1 апреля 1921 г. пленные готовили горячую пищу из полученных в Смоленске продуктов при эшелоне в котелках [8, с. 312].

Всего за период с марта по июнь 1921 г., по данным Центроэвака, через станцию Негорелое в Польшу были отправлены 10 694 военнопленных, а с июля по декабрь — ещё 12 119 пленных поляков. Дополнительно в январе—июле 1922 г. польская сторона получила ещё 2460 солдат и 13 офицеров. Всего с начала обмена из советской России и Украины были репатриированы 34 839 польских военнопленных [8, с. 12], включая пленных 5-й польской дивизии армии А.В. Колчака, а также с других фронтов гражданской войны. В дальнейшем репатриация будет касаться лишь отдельных лиц. В начале осени 1922 г. процесс репатриации был фактически завершён.

От двух до трёх тысяч польских военнопленных остались жить в советской России.

¹ ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 169. Л. 22–23.

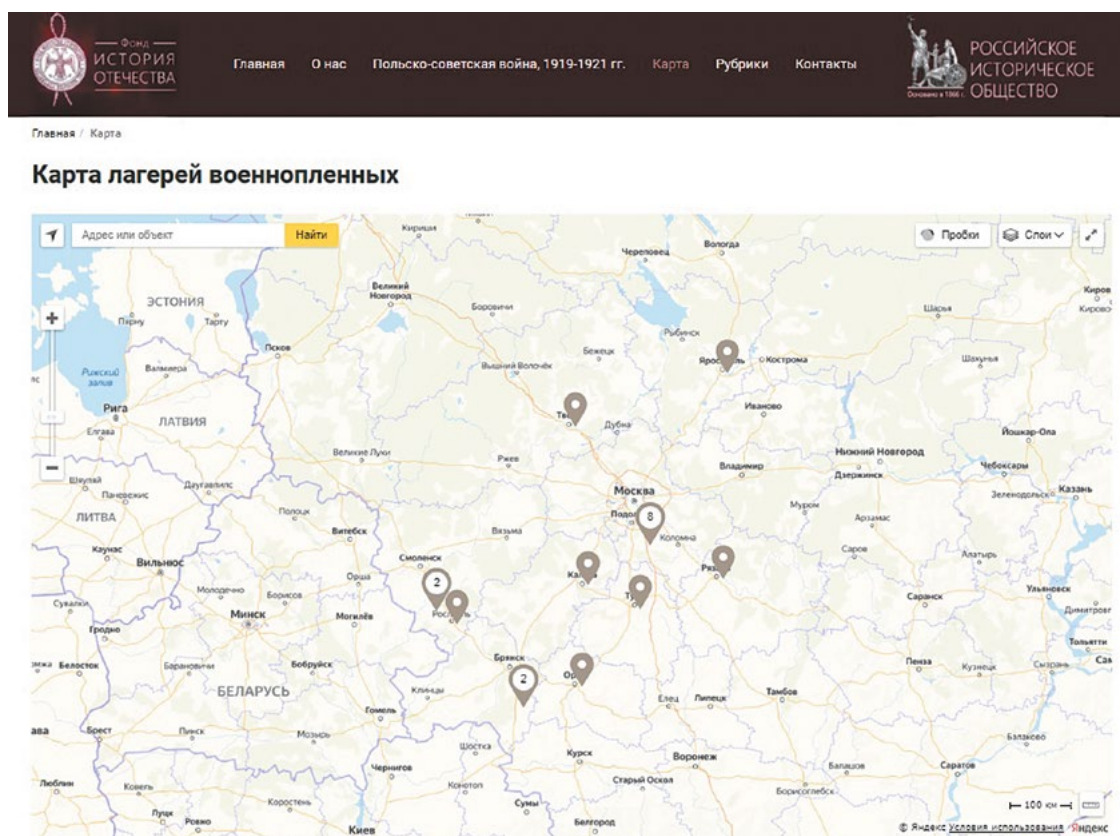

Фото 7. Страница интернет-проекта с интерактивной картой лагерей с польскими военнопленными

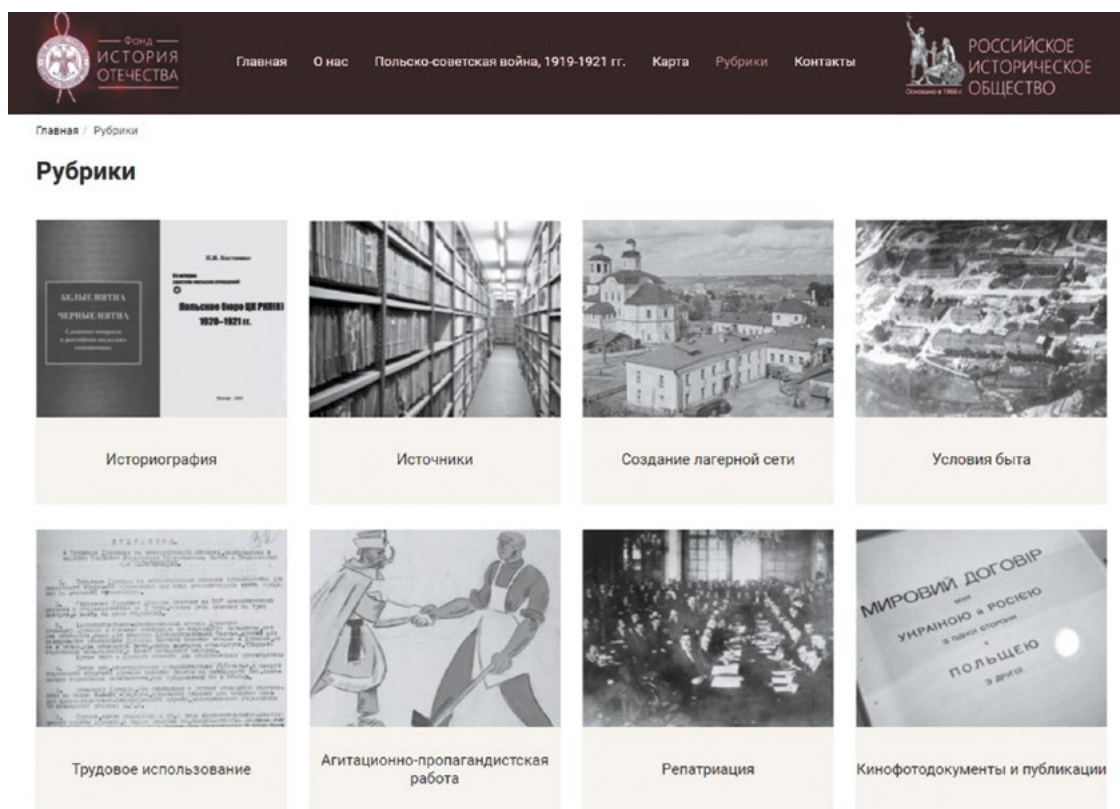

Фото 8. Страница интернет-проекта с тематическими рубриками

* * *

Результаты научного проекта нашли отражение в 14 опубликованных статьях, в том числе три — в журналах, цитируемых в международных базах данных Web of Science и Scopus, три — в изданиях ВАК [2–5, 10].

Одновременно в рамках просветительского онлайн проекта фонда «История Отечества» разрабатывается тематический сайт с картой лагерей польских военнопленных в Центральной России (фото 7, 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриленков А.Ф. Система концентрационных лагерей в Смоленской губернии в период советско-польской войны 1920–1921 гг. // *Studia internationalia: материалы IV Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях. X–XX вв.»* (Брянск, 1–3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С. 191–195.
2. Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России: 1921–1922 гг. // *Новейшая история России*. 2021. С. 72–88.
3. Кодин Е.В., Родионов И.И. Лагерь военнопленных польско-советской войны в Центральной России, 1919–1922 гг.: нормативная база, инфраструктура // *Вопросы истории*. 2020. № 7. С. 43–56.
4. Кодин Е.В., Родионов И.И. Социальный портрет польских военнопленных (на материалах лагерей Смоленской губернии, 1920–1921 гг.) // *Известия СмолГУ*. 2019. № 2 (45). С. 377–395.
5. Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в Рославльском и Смоленском концентрационных лагерях в 1920–1922 годах // *Известия СмолГУ*. 2018. № 2 (42). С. 341–358.
6. Костюшко И.И. К вопросу о польских пленных 1920 г. // *Славяноведение*. 2000. № 3. С. 42–63.
7. Крашенинников В.В. Брянский концентрационный лагерь в 1920–1922 гг. // *Страницы истории города Брянска: Материалы историко-краеведческой конференции*. Брянск, 1997. С. 113–120.
8. *Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): Документы и материалы* / Публ. подг. И.И. Костюшко. М., 2004.
9. Резмер В. *Польские военнопленные в советском плену* // *Военнопленные 1920*. Краков; Варшава, 2020. С. 69–165.
10. Родионов И.И. Польские военнопленные как временный социум в российской провинции в 1919–1922 гг. // *Провинциализм как механизм/инструмент сохранения русской национальной культуры: Сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) научной конференции (Орел, 30–31 мая 2020 г.)*. Орёл, 2020. С. 162–165.
11. Хейсин М.Д., Нестеров Н.В. *Привкус горечи: смоленские тюрьмы (1917–1929)*. Смоленск: Свиток, 2016. С. 274–295.

ENGLISH

Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1919–1922

Evgenii V. Kodin — Doctor of Science (History), Professor, Head of the Russian History Department at Smolensk State University, head of the project “Polish Prisoners of War in the Camps of Central Russia, 1919–1922” (19-09-00091)

E-mail: EVKodin@yandex.ru

Ivan I. Rodionov — assistant at the Russian History Department, Faculty of History and Law at Smolensk State University, executor of the same project.

E-mail: vanro.rodionov@yandex.ru

The problem of the prisoners of the Polish–Soviet war of 1919–1920 remains one of the most controversial issues in modern Polish–Russian historiography. The situation of Red Army soldiers in Polish captivity has been examined in sufficient detail; however, there have been considerable differences in assessments. Meanwhile, the conditions of stay of the Polish prisoners of war in the camps of Central Russia have not become subject to historical research until recent times. In this scientific project, the material and living conditions of Russian camps with Polish prisoners of war and their medical care, nutrition, labor use, propaganda work, and process of repatriation in 1921–1922 are analyzed for the first time.

Keywords: Polish-Soviet war, Polish prisoners of war, concentration camps, POW camps, repatriation

REFERENCES

1. Gavril'nikov A.F. Sistema koncentracionnyh lagerej v Smolenskoj gubernii v period sovetsko-pol'skoj vojny 1920–1921 gg. // Studia internationalia: materialy IV mezhdunar. nauch. konf. "Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah. X–XX vv." (Bryansk, 1–3 iyulya 2015 g.). Bryansk, 2015. S. 191–195 (in Russian).
2. Kodin E.V., Rodionov I.I. Repatriaciya pol'skih voennoplennyh iz lagerej Central'noj Rossii: 1921–1922 gg. // Novejshaya istoriya Rossii. 2021. S. 72–88 (in Russian).
3. Kodin E.V., Rodionov I.I. Lagerya voennoplennyh pol'sko-sovetskoj vojny v Central'noj Rossii, 1919–1922 gg.: normativnaya baza, infrastruktura // Voprosy istorii. 2020, № 7. S. 43–56 (in Russian).
4. Kodin E.V., Rodionov I.I. Social'nyj portret pol'skih voennoplennyh (na materialah lagerej Smolenskoj gubernii, 1920–1921 gg.) // Izvestiya SmolGU. 2019, № 2 (45). S. 377–395 (in Russian).
5. Kodin E.V., Rodionov I.I. Pol'skie voennoplennye v Roslavl'skom i Smolenskom koncentracionnyh lageryah v 1920–1922 godah // Izvestiya SmolGU. 2018, № 2 (42). S. 341–358 (in Russian).
6. Kostyushko I.I.: K voprosu o pol'skih plennyh 1920 g. // Slavyanovedenie. 2000. № 3. S. 42–63 (in Russian).
7. Krashenninnikov V.V. Bryanskij koncentracionnyj lager' v 1920–1922 gg. // Stranicy istorii goroda Bryanska: materialy istoriko-kraevedcheskoj konferencii. Bryansk, 1997. S. 113–120 (in Russian).
8. Pol'skie voennoplennye v RSFSR, BSSR i USSR (1919–1922 gody): Dokumenty i materialy / Publ. podg. I.I. Kostyushko. Moscow, 2004. 404 s. (in Russian).
9. Rezmer V. Pol'skie voennoplennye v sovetskom plenu // Voennoplennye 1920. Krakov; Varshava, 2020. S. 69–165.
10. Rodionov I.I. Pol'skie voennoplennye kak vremennyj socium v rossijskoj provincii v 1919–1922 gg. // Provincializm kak mekhanizm/instrument sohraneniya russkoj nacional'noj kul'tury: Sbornik nauchnyh statej po materialam Vserossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii (Oryol, 30–31 maya 2020 g.). Oryol, 2020. S. 162–165 (in Russian).
11. Hejsin M.D., Nesterov N.V. Privkus gorechi: smolenskie tyur'my (1917–1929) / M.D. Hejsin, N.V. Nesterov. Smolensk: Svitok, 2016. S. 274–295 (in Russian).

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс УДК 930.2

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-35-56

**Е.В. ИСАЕВА,
И.А. ВОРОТНИКОВА,
С.В. ДЕВЯТОВ***

Московский Кремль XX столетия

В статье представлен обзор коллективной монографии «Московский Кремль XX столетия», являющейся частью многолетнего исследовательского проекта «Московский Кремль сквозь века».

В задачи данного проекта вошли определение источниковедческой базы исследования на основе документов из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, научная систематизация выявленного документального и изобразительного материала, составление научно-справочного аппарата (списка источников и литературы, списка сокращений и др.).

Представленное научное исследование основывается на комплексном методе и анализе значительного блока архивных данных, которые позволяют провести сопоставление всего многообразия источников (письменных, документальных, графических, изобразительных, кино- и фотоматериалов) о времени, событиях, судьбе кремлёвских памятников в один из самых сложных этапов в истории Московского Кремля — XX столетия.

Структура монографии хронологически разделена на три крупных блока: I том отражает события 1900–1917 гг., II том посвящён периоду с 1918 по 1960 г. и представляет жизнь Московского Кремля уже в новых исторических условиях, III том завершает повествование о последних десятилетиях XX столетия — 1960–2000 гг.

Богатейший пласт выявленных архивных документов будет впервые введён в научный оборот в данном коллективном монографическом труде.

Ключевые слова: Московский Кремль, XX столетие, Московский Кремль сквозь века, коллективная монография, Оружейная палата, расстрел Московского Кремля, Кремль в 1941–1945 гг.

* **Исаева Елена Викторовна** — заведующая отделом рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля, руководитель проекта «Московский Кремль XX столетия» (20-012-00350).

E-mail: isaeva@kremlin.museum.ru

Воротникова Ирина Анатольевна — учёный секретарь Музеев Московского Кремля, исполнитель того же проекта.

E-mail: iv@kremlin.museum.ru

Девятков Сергей Викторович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: svdev@mail.ru

Московский Кремль XX столетия — часть тематического цикла «Московский Кремль сквозь века»

В 2009 г. Музеи Московского Кремля открыли тематический цикл, посвящённый различным историческим эпохам в жизни Русского государства и её сердца — Московского Кремля. Этот цикл — под общим названием «Московский Кремль сквозь века» — результат многолетней совместной научной работы Музеев Московского Кремля и секции «Церковные древности» Международных Рождественских образовательных чтений. Серию открыл первый том, посвящённый XIV столетию — времени становления Кремля как политического и духовного центра [1]. Второй том — «Московский Кремль XV столетия», опубликованный в 2011 г., рассказывал о времени грандиозных перемен и укрепления Москвы [2]. В 2014 г. появилась третья книга, освещающая важнейший период в истории Московского Кремля — XVI в. Он был связан с превращением России в сильную централизованную державу, усилением властных полномочий и международного авторитета русского государя [3]. Четвёртая книга серии — «Московский Кремль XIX столетия» вышла в свет в 2016 г. и была приурочена к 210-летию юбилею Московской Оружейной палаты [4]. В следующей, пятой книге, Московский Кремль предстаёт как памятник национальной культуры XVII в. — эпохи укрепления Российского государства [5]. В 2020 г. было опубликовано издание «Московский Кремль XVIII столетия», отразившее современный этап изучения Московского Кремля и художественной жизни Москвы этого периода, ознаменованный завершением «столичной» истории Кремля и формированием его нового статуса как церемониального центра Российской империи [6].

В этом же году началась работа над монографией «Московский Кремль XX столетия», запланированная на три года. Настоящее исследование послужит

первым опытом комплексного изучения истории Московского Кремля в XX в. Новизна проекта определяется тем, что до сих пор отсутствовала всесторонняя систематизированная работа, рассматривающая все аспекты истории бытования Московского Кремля и судьбы его уникальных памятников этого времени.

Несмотря на общий интерес к истории Кремля в один из самых драматичных периодов в жизни страны — XX столетии, особенно проявившийся в последние десятилетия, данная тема до сих пор остаётся малоизученной: существует много лакун, требующих внимательного исследования, выявления и анализа вновь открывающихся источников и материалов. Прежде всего, это касается вопросов ведомственного подчинения музея, развития его структуры и штата, что в значительной степени определяло все сферы музейной работы и вместе с тем отражало осознание обществом значимости кремлёвской сокровищницы.

История формирования, развития и деятельности музея «Оружейная палата» в Московском Кремле насчитывает почти три столетия, в течение которых были периоды высоких подъёмов и непростительного забвения, активного развития музейной и научной работы, а также и героической борьбы за сохранение национальных реликвий. История музея в Кремле, в самом сердце страны, всегда была неразрывно связана с историей Российского государства. Музей-сокровищница, хранящий государственные реликвии и огромные материальные ценности, всегда привлекал к себе пристальное внимание власти, что непосредственно влияло и на жизнь самого музея.

Осмысление опыта и традиций, пути, пройденного музеем, может быть чрезвычайно важно для определения его истинного места в культуре России. Сейчас необходимо дать объективную оценку фактам, многое переосмыслить с позиций современности, по-новому посмотреть на ряд происходивших событий. Вехи

исторической биографии Музеев Московского Кремля, неразрывно связанные с историей государства в целом, несомненно, могут стать реперными точками в изучении отечественного музееведения.

В задачи данного проекта вошли определение источниковедческой базы исследования на основе документов из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, научная систематизация выявленного документального и изобразительного материала, составление научно-справочного аппарата (списка источников и литературы, списка сокращений и др.).

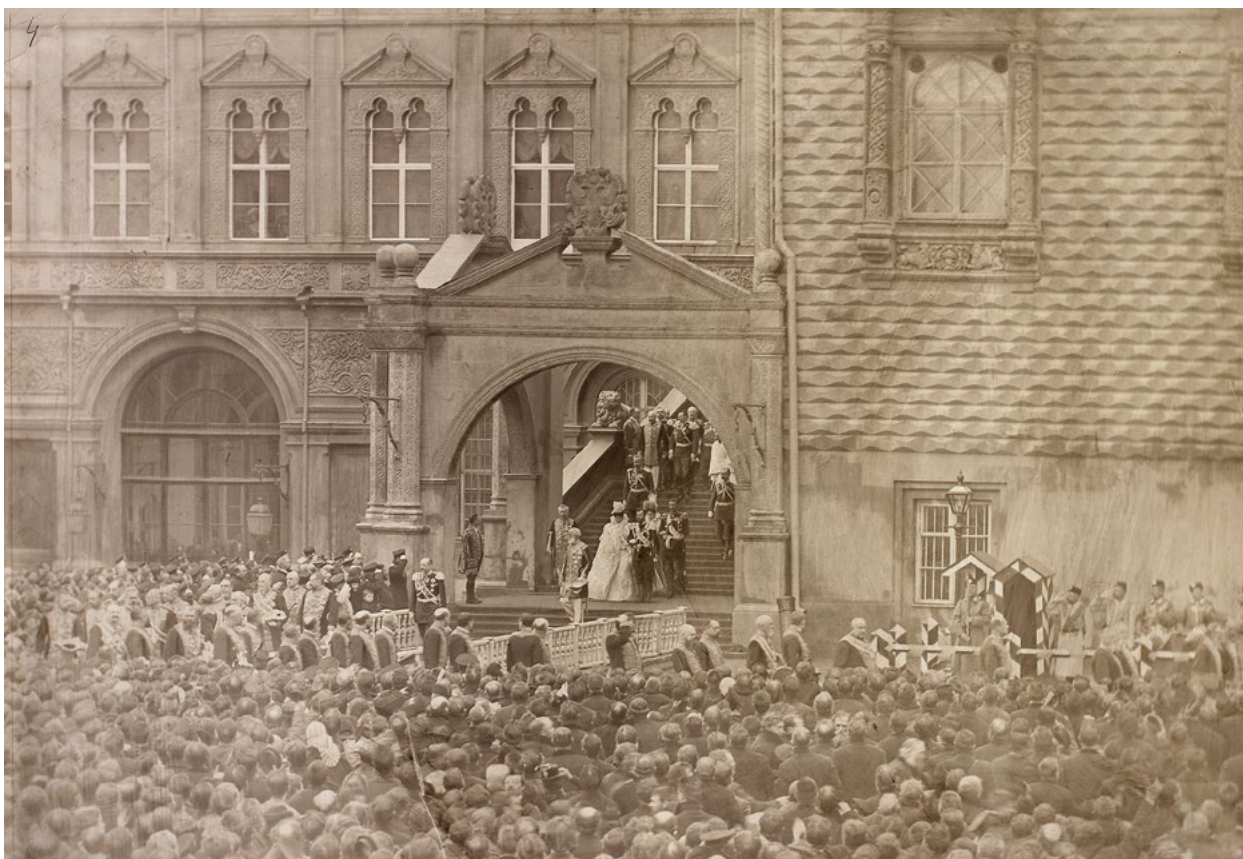
Благодаря использованию историко-типологического, ретроспективного и компаративного подходов, а также метода исторической периодизации удалось выявить своеобразие материала по рассматриваемой теме. Данное научное исследование основывается на комплексном методе и анализе значительного

блока архивных данных, которые позволяют провести сопоставление всего многообразия источников (письменных, документальных, графических, изобразительных, кино- и фотоматериалов) о времени, событиях, судьбе кремлёвских памятников в один из самых сложных этапов в истории Московского Кремля.

Структура монографии хронологически разделена на три крупных блока, где I том посвящён событиям 1900–1917 гг., II том освещает жизнь Московского Кремля уже в новых исторических условиях – в период с 1918 по 1960 г., а III том повествует о последних десятилетиях XX столетия – с 1960 по 2000 г.

Московский Кремль в 1900–1917 годы

В первом томе будет всесторонне представлен дореволюционный период истории Московского Кремля с 1900 по 1917 г. В разделах, рассматривающих

Ил. 1. Торжественный выход императора Николая II и членов императорской семьи на Красное крыльцо 2 апреля 1900 г. Россия, Москва. 2 апреля 1900 г. (съёмка). Фото-ателье П.Ф. Пирашкова. Музеи Московского Кремля

Ил. 2. Негатив. Крестный ход у Вознесенского монастыря Московского Кремля (встреча императора Николая II 24 мая 1913 г.). Вид со Спасской башни. 1913. Музеи Московского Кремля

широкий круг вопросов, таких как «Романовы и Московский Кремль» (ил. 1); «Исторические юбилеи в Московском Кремле», «Московский Кремль — акрополь русской истории и культуры», «Научная реставрация памятников Московского Кремля», «Соборы и монастыри Московского Кремля», «Московский Кремль в годы революционных и военных событий (1914–1917 гг.)» и др., представят интереснейшие документальные материалы, посвящённые всероссийским викториальным юбилейным празднованиям — 200-летию Полтавской битвы и 100-летию Отечественной войны 1812 г.

Ряд исследований позволяет раскрыть интересные факты о праздновании 300-летия российской правящей династии Романовых в Московском Кремле и их отражении в периодике. Майским торжествам в Москве прида-

валось особое значение: они стали завершением Высочайшего путешествия по русским городам и финалом празднования по случаю юбилея восшествия на престол первого царя из рода Романовых. Для проведения торжеств в Москве в Высочайшем присутствии императором был утверждён специальный документ — «Порядок торжественного празднования 300-летия царствования Дома Романовых в Москве в мае месяце 1913 года» [7]. Основной акцент был сделан на следующих мероприятиях: посещение Троице-Сергиевой лавры, соборов Кремля, Чудова, Знаменского, Новоспасского и Вознесенского монастырей (ил. 2). Отдельную церемонию представлял торжественный выход в Успенский собор по случаю дня рождения императрицы Александры Фёдоровны. Торжественный

въезд в Москву воспроизводил события 300-летней давности — прибытие в Кремль царя Михаила Фёдоровича¹.

Последовательность событий празднования в Московском Кремле можно воссоздать на основе документов, сохранившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) («Московская контора Синода», «Дело о праздновании 300-летия дома Романовых»)². Воспоминания В.Ф. Джунковского, обеспечивавшего в 1913 г. охрану царской семьи, дополняются публикациями в официальных периодических изданиях, таких как «Московские ведомости», «Нива», «Голос церкви», «Правительственный вестник» [8–11], и архивными документами. Материал сопровождают впервые публикуемые негативы фотографий, хранящиеся в фонде фотодокументов Музеев Московского Кремля³. В данном историческом контексте любопытна и тема «Отражение в церковной периодике празднования трёхвекового юбилея российской правящей династии», основанная на материале изданий «Церковные ведомости» и «Московские церковные ведомости» [12, 13]. В ней рассмотрены события Смутного времени и возведения на престол Михаила Романова, вклад наиболее выдающихся представителей правящей династии в историю России, а также непосредственно праздничные мероприятия, проходив-

шие в Москве и других городах страны. Уделено внимание и рекламе выпуска церковной литературы, и изготовлению различных предметов, связанных с этими торжествами.

Отдельная тема — празднование в мае 1913 г. в Московском Кремле по случаю канонизации патриарха Гермогена.

Значительное место в этом томе посвящено теме архитектурного облика Московского Кремля. Реставрационные работы, которые активно осуществлялись на древних кремлёвских памятниках в первой четверти XX столетия, найдут отражение в отдельном разделе исследования и охватят широкий спектр тем, связанных с формированием научной реставрации в России в целом. Уникальны в этом плане выявленные документы Императорской археологической комиссии, хранящиеся в Институте истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге⁴. Деятельность П.П. Покрышкина в качестве представителя этой комиссии при ремонтных и реставрационных работах в Московском Кремле охватывает большинство его древних памятников — от реставрации икон собора Спаса на Бору до научного обследования здания Успенского собора. Собственноручно написанные им протоколы заседаний, переписка с Московским дворцовым управлением, Императорским Московским археологическим обществом (ИМАО), князем А.А. Ширинским-Шихматовым^{5, 6},

¹ На снимке запечатлён момент, когда крестный ход направлялся к Спасским воротам для ожидания прибытия государя. В центре его находилась огромная икона святителя Гермогена, прославленного в лике святых 12 мая — незадолго до празднования 300-летия династии Романовых в Москве. Образ был выполнен по оригиналу В.М. Васнецова. Можно отчётливо разглядеть и другие святыни — корсунские кресты, иконы, а также золочёный фонарь Успенского собора. Уникальная точка съёмки — площадка Спасской башни — позволила охватить в кадре как участников знаменательного события, и панораму Кремля и Москвы.

² РГАДА. Ф. 1183. Московская контора Синода.

³ Отдел рукописей, печатных и графических фондов (ОРПГФ) Музеев Московского Кремля. Ф. 61. № 1415, 1417, 1419, 1627, 1630–1633, 1800, 1976.

⁴ Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК). Ф. 1. Императорская археологическая комиссия, Российская археологическая комиссия (1859–1919). Оп. 1. 1894 г. Д. 137; 1908 г. Д. 198; 1910 г. Д. 304; РО НА ИИМК. Альбомы. О-45; О-387; О-466; Q-356; Q-690.

⁵ РО НА ИИМК. Ф. 21. Покрышкин П.П. Д. 26, 35, 111.

⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 5. Комиссия по ремонту и реставрации Успенского собора. Д. 2, 6, 8, 12, 55. Ф. 7. Верхоспасский собор. Оп. 2. Д. 305.

Ил. 3. Шатёр Сенатской башни во время реставрации. («Верх шатра Сенатской башни по снятии железа»). 1914. Фотограф Н.Н. Ушаков. Музеи Московского Кремля

возглавлявшим две комиссии по реставрации Успенского собора отражают не только конкретные задачи ремонта и реставрации отдельных памятников,

Государственная Дума I, II, III и IV созывов, Бюджетная комиссия)⁶ дал исследователям возможность раскрыть историю Синодальной^{7, 8} (бывшей Патриаршей)

но процесс формирования и выбора различных реставрационных методик, которые подчас проходили в острых спорах сторонников различных подходов (ил. 3¹, 4, 5).

Отдельно рассмотрена судьба соборов и монастырей Московского Кремля и их богатейших ризничных собраний. Изучение истории Успенского, Архангельского, Благовещенского соборов, Церкви Ризположения, колокольни «Иван Великий» и Успенской звонницы, а также Патриаршего дворца откроет новые страницы в этом исследовании². Интересными оказались документы о проекте создания централизованного Московского древлехранилища, Синодальной библиотеки, Синодальной ризницы и др.^{3, 4}.

Уникальный блок неопубликованных архивных материалов РГАДА (Московская контора Синода)⁵ и РГИА (Канцелярия обер-прокурора Синода, Архив и библиотека Синода, Строительные планы и фотографии Синода,

¹ Фотография была выполнена в июле 1914 г. после установки лесов у Сенатской башни и является частью уникальной фотосъёмки, зафиксировавшей состояние памятника перед заменой железного покрытия верхнего шатрика. При последовавшем ремонте не было соблюдено требование учёных-архитекторов использовать тонкое железо прежнего образца, и академик А.В. Шусев оценивал как «сознательный вандализм» покрытие шатрика толстыми оцинкованными листами, которые сначала сверкали на солнце, а потом были замазаны жёлтой краской.

² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 4. Успенский собор; Ф. 2. Архангельский собор; Ф. 3. Благовещенский собор; Ф. 8. Церковь Ризположения; Ф. 11. Церковь Николая Гостунского.

³ РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 423. Проект перестройки зданий для ризницы, библиотеки, архива; Д. 425. Проект музея Патриаршей ризницы и Синодальной библиотеки.

⁴ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 4 м. Д. 649. Протоколы заседаний комиссии по улучшению помещений Синодальной библиотеки.

⁵ РГАДА. Ф. 1183. Московская контора Синода.

⁶ РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода.

⁷ РГИА. Ф. 814. Архив и библиотека Синода; Доклады комиссий Государственной Думы по законопроектам ведомств и заключения по ним Бюджетной комиссии. 9 октября 1913 г. – 1 сентября 1914 г.

⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 342.

Ил. 4. Соборная площадь во время реставрационных работ 1913–1914 гг. Вид от Архангельского собора на Благовещенский собор, Красное крыльцо и Грановитую палату («Остатки старого здания между Благовещенским и Архангельским соборами»). Москва. 1913. Фотография-фототипия П.П. Павлова. Музеи Московского Кремля

библиотеки в начале XX столетия, хранившей с XVI в. в Московском Кремле богатейшее собрание книг и рукописей. С учреждением в 1721 г. Святейшего Синода библиотека получила название Синодальной, однако прежнее её наименование, Патриаршая, оказалось более устойчивым и продолжало бытовать в XX в. В 1900 г. были утверждены «Правила для заведывания Патриаршею (Синодальною) библиотекою и для занятий находящимися в ней рукописями и славянскими старопечатными книгами» [14]. На должность заведующего библиотекой в это же время был назначен Николай Петрович Попов, остававшийся хранителем библиотеки и после

революции 1917 г., а затем и после перемещения коллекции рукописных и книжных памятников Синодального собрания в Государственный Исторический музей. С деятельностью Н.П. Попова связан тот период развития Синодальной библиотеки, когда она стала не только хранилищем древнейших книг и рукописей, но приобрела статус библиотеки-сокровищницы мирового значения, куда обращались за справками виднейшие российские и европейские исследователи.

С проблемами организации нового помещения для Патриаршей библиотеки связан проект «об устройстве в Москве особого центрального русского древлехранилища»¹ в 1914 г.

¹ Доклады комиссий Государственной Думы по законопроектам ведомств и заключения по ним Бюджетной комиссии. 9 октября 1913 г. – 1 сентября 1914 г. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 342.

Ил. 5. Раскрытые остатки стен галереи с северной стороны Архангельского собора («Остатки старых стен около северной стены Архангельского собора»). Москва. 1913. Фотография-фототипия П.П. Павлова. Музеи Московского Кремля

Личный архив архидьякона Константина Розова, хранящийся в архивном фонде Музеев Московского Кремля¹, открывает неизвестные страницы истории Московского Синодального хора — преемника хора патриарших певческих дьяков, который пришёл на 1890–1910-е гг. В начале XX в. Синодальный хор был культурной достопримечательностью Москвы, послушать его исполнение приезжали со всей России. Службы в Успенском соборе, интерьеры которого вкупе с особыми древними распевками Синодального хора, являли собой подлинное богослужбное искусство. Последний раз Синодальный хор пел на Пасху 1918 г., после этого богослужения в соборе закончились.

Нотная библиотека Успенского собора, поступившая в библиотечные фон-

ды музея, была весьма представительна по своему составу и количеству. Здесь присутствовали, главным образом, литографированные партитуры. Однако в первые годы советской власти почти вся певческая библиотека собора была уничтожена. Тем ценнее представляются сохранившиеся в собрании Музея экземпляры [15]. В своей основе это комплекты или части комплектов партитур сборников духовно-музыкальных произведений разных авторов, многие из которых являлись выпускниками Синодального училища и были связаны с Синодальным московским хором. Среди авторов литургических музыкальных произведений — известные русские композиторы XIX в.: П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков, М.С. Березовский,

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 57. Фонд Константина Васильевича Розова.

Д.С. Бортнянский, Г.Я. Ломакин и многие другие.

Одна из тем в этом разделе посвящается трагическим страницам в истории Успенского собора. Ограбление собора в апреле 1910 г. получило известность благодаря упоминанию в мемуарах знаменитого начальника Московской сыскной полиции А.Ф. Кошко. На их основе многие авторы впоследствии излагали свои версии этого преступления. Однако обращение к следственному делу, переписке, другим документам и публикациям в прессе, хранящимся в ЦГА г. Москвы, РГАДА, ГА РФ, РГИА^{1, 2, 3}, составленным непосредственно или вскоре после совершения ограбления, позволяет установить существенные отличия произошедшего от опубликованных версий (ил. 6)⁴.

В представленных исследованиях рассматриваются различные аспекты деятельности Московской Оружейной палаты, которая занимала особое место в музейной жизни России указанного периода. Здесь работали известные учёные Ю.В. Арсеньев, В.К. Трутовский, Д.И. Успенский. В музее проводилась выставочная работа и комплектовалась научная библиотека. В этот период в штате Оружейной палаты создаётся должность библиотекаря, которую занимает Д.И. Успенский. Появляется первая инвентарная книга, библиотека получает отдельное помещение. Всё это заложило фундамент для развития

Ил. 6. «Снимок с ограбленных драгоценностей». Москва. Не ранее 8 апреля 1910 г. Музеи Московского Кремля

библиотеки как структурного подразделения музея и в дальнейшем — самостоятельного книжного фонда.

Авторы поставили целью своего исследования и подробное описание истории Московского Кремля в годы Первой Мировой войны, ставшие тяжёлым испытанием для работников Комендатуры Кремля и сотрудников Оружейной палаты, которые в этот период бережно

¹ Центральный государственный архив (ЦГА) Москвы. Ф. 142. Московский окружной суд. Оп. 13. Д. 153, 154; Оп. 4. Д. 795; Ф. 31. Оп. 59. Д. 3113.

² РГАДА. Ф. 1183. Московская Синодальная контора. Оп. 1. Ч. 48. 1910 г. Д. 71.

³ ГА РФ. Ф. 102. Департамент полиции. Оп. 217. Д. 162.

⁴ После обнаружения похищенных с окладов икон Успенского собора драгоценностей они были завернуты в пелену и опечатаны. На следующий день после раскрытия преступления, 10 апреля 1910 г., судебный следователь производил осмотр драгоценностей и их оценку с участием московских купцов Г.И. Соловьёва и П.П. Неvejeина. Наиболее вероятно, что снимок был выполнен фотографом московской сыскной полиции в этот день. Публикуется впервые.

Ил. 7. Угловая мозаичная комната Малого Николаевского дворца. Разрушения после обстрела Московского Кремля в конце октября – 3 ноября 1917 г. Москва. Ноябрь 1917 г. Фотограф Д.М. Гусев (?). Музеи Московского Кремля

сохраняли не только собственные коллекции, но и бесценные сокровища, поступившие на временное хранение в Оружейную палату из царских дворцов и имений Варшавы, Ливадии и других областей, где велись военные действия, в том числе из Золотой кладовой Эрмитажа и Русского музея. Яркой страницей в данном разделе станет тема «Духовенство Московского Кремля в годы Первой Мировой войны», исследование кото-

рой строится преимущественно на неопубликованных источниках РГИА и ОРПГФ Музеев Московского Кремля¹ и рассказывает об изменениях, происшедших в деятельности кремлёвского духовенства в то время. Священники и церковнослужители вносили посильную лепту в дело победы, служили молебны «О победе русского воинства», проводили крестные ходы, организовали кружечный сбор пожертвований на нужды армии и в помощь раненым, отчисляли собственные средства на содержание госпиталей и в помощь семьям, потерявшим кормильцев.

Широко будут отражены и революционные события 1917 г., в которых артиллерийский обстрел Кремля сыграл одну из ключевых ролей в установлении власти Советов в Москве. В данном исследовании используются фотоматериалы, хранящиеся в фонде фотодокументов Музеев Московского Кремля, а также материалы Института истории материальной культуры РАН, рукописного отдела Музея современной истории России^{2, 3, 4}. Это фотографии последствий обстрела, акты проверки и осмотра поврежденных рядами памятников (ил. 7, 8).

Завершит раздел тема, которая представляет особый интерес – «Восстановление Патриаршества и патриаршей службы в Успенском соборе Московского Кремля в 1917 г. и интронизации Патриарха Московского и Всея Руси Тихона». Исследование опирается на широкий

¹ РГИА. Ф. 805. Канцелярия заведующего придворным духовенством МИДа. Ф. 796. Канцелярия Синода. Церковные ведомости. 1914 г.

² Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР). № ГИК 7720/1.

³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1917 г. Д. 22.

⁴ РО НА ИИМК. Ф. 1. Императорская археологическая комиссия, Российская археологическая комиссия (1859–1919). 1917 г. Д. 6.

Ил. 8. Негатив. Ворота двора Синодального дома. Повреждения после обстрела. Москва. Ноябрь 1917 г. Музеи Московского Кремля

круг источников, как ранее опубликованных, так и ещё не введённых в научный оборот, таких как церковные и частные архивы Русской эмиграции в Европе и США [16–18].

Московский Кремль в 1918–1960 годы

Работа над вторым томом, хронологические рамки которого охватывают период с 1918 по 1960 г., велась по нескольким направлениям.

В январе 1918 г. произошёл переезд правительства из Петрограда в Москву, который определил её главную роль в истории нового государства. В данный период осуществлялась национализация имущества кремлёвских

дворцов, соборов и монастырей. Революционные события 1917 г. кардинально изменили историю страны, на соборы и монастыри Московского Кремля обрушились первые агрессивные действия новой богоборческой власти. В начале января 1918 г. был обнародован декрет «Об отделении церкви от государства», за которым последовало распоряжение наркома просвещения А.В. Луначарского, в соответствии с которым все памятники искусства и старины, находящиеся в Кремле, объявлялись собственностью Республики.

Редкие материалы из фондов музеев осветят события ноября 1918 г.¹, когда была учреждена Комиссия по приёму

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1918. Д. 10. Протоколы Комиссии по приёму церковного имущества Московского Кремля; Там же. Оп. 1919. Д. 15–24. Материалы Комиссии по приёму церковного имущества.

церковного имущества Московского Кремля. Её состав был утверждён на заседании президиума коллегии по делам музеев 22 ноября 1918 г. В качестве экспертов в состав Комиссии вошли представители московских музеев и библиотек. Среди них — опытные и авторитетные специалисты, такие как В.К. Трутовский, Н.П. Померанцев, В.К. Клейн, А.В. Орешников, Ф.Я. Мишуков и др. Впоследствии многие из них самоотверженно защищали и ценой невероятных усилий спасали от уничтожения памятники русской культуры и произведения искусства. Комиссия занималась приёмом и описанием имущества кремлёвских соборов и монастырей, которое в дальнейшем было распределено между различными учреждениями. Она же приступила к составлению описаний огромного объёма церковного имущества, при этом учитывались как произведения искусства, так и различная церковная утварь.

К этому же периоду относится событие, взволновавшее культурный мир Москвы — ограбление в январе 1918 г. Патриаршей ризницы. Патриаршая ризница — хранилище драгоценных предметов древности, формировавшееся на протяжении веков в Московском Кремле, находилась в Успенской звоннице. Были украдены уникальные ценности, некоторые памятники были варварски искалечены (так, например, был сорван драгоценный оклад Евангелия 1684 г. — вклад царицы Марфы Матвеевны в Архангельский собор). Вскоре грабители были найдены. Ими оказались представители воровской среды братья Владимир и Дмитрий Полежаевы. Однако в деле об ограблении Патриаршей ризницы оставалось много вопросов и неясных

моментов. Поднятые материалы судебных дел, хранящиеся в фондах ГА РФ¹, позволят документально проследить это событие, проанализировать следственное дело и приоткрыть заново отдельные эпизоды этой трагической истории.

23 февраля 1922 г. был обнародован декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», который стал логичным дополнением декрета об изъятии музейного имущества. Прокатилась волна изъятий ценностей из соборов и монастырей Московского Кремля в Гохран и Помгол. Акты передачи предметов из соборов Кремля в Гохран (фонды Музеев Московского Кремля)² содержат списки предметов, переданных музеем Гохрану (так, в апреле 1922 г. из Успенского собора в Гохран было передано 67 пудов серебра).

Второй, не менее важной темой является реорганизация Оружейной палаты как музея в 1918–1930-х гг. В основу исследования лягут архивные документы из фондов Музеев Московского Кремля (Оружейная палата)³, ГА РФ (Наркомпроса, Главного управления научными, музейными учреждениями и учреждениями по охране природы (Главнаука), Министерства культуры РСФСР)⁴.

Музей в то время пережил один из сложнейших периодов в своей истории. В 1918 г. происходит реорганизация Оружейной палаты как музея. В 1920-е гг. в музей поступает огромное количество дворцовых ценностей. В 1921–1923 гг. создаётся первая советская экспозиция. Огромное число новых поступлений вызвало необходимость изменения структуры Оружейной палаты. Открываются филиалы Объединённого музея

¹ ГА РФ. Ф. 130. Д. 167; Ф. 410. Д. 8.

² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1922 г. Д. 24–28, 30–37. Акты и списки Комиссии по изъятию церковных ценностей в Гохране.

³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Музеи Московского Кремля.

⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Наркомпрос; Ф. А-2307. Главнаука Наркомпроса; Ф. А-501 Министерство культуры РСФСР.

декоративного искусства «Оружейная палата»: Музей игрушки, Музей фарфора и Музей мебели. До 1930-х гг. филиалом Оружейной палаты являлся и Дом-музей бояр Романовых в Зарядье. В 1932 г. он перешёл в ведение Исторического музея. В 1922 г. был создан Учёный совет музея, на заседаниях которого принимались важные для музея решения. В 1925 г. вышел «Сборник Оружейной палаты» — первое научное издание в послереволюционные годы (Издание Оружейной Палаты. М., 1925). В 1929 г. открылись реставрационные мастерские, которые возглавил Ф.Я. Мишуков.

В это время активно идёт комплектование библиотеки Оружейной палаты, источником ценных сведений для научной работы кремлёвского музея: в послереволюционные годы в фонды поступает огромное количество книг. Среди них — библиотеки московских Кремлёвских дворцов, книги из национализированных советской властью усадеб (в их числе собрание усадьбы Голицыных «Петровское»), книги из библиотеки Бобринского и др. Однако хранить эти ценности было негде: музей испытывал дефицит свободных помещений. Библиотека постоянно меняла местоположение, переезжая в освободившиеся комнаты (состоялось около 10 переездов, в результате которых доступной для читателей оказалась лишь часть литературы, остальное было заштабелировано). Начался новый этап в истории библиотеки Оружейной палаты. Д.И. Успенский разрабатывал первые «Правила» библиотеки.

Трагические эпизоды уничтожения и многочисленных передач ценностей в Гохран и Помгол, репрессии

Ил. 9. Сени над гробницей св. Ефросиньи в Вознесенском монастыре. 1929. Музей Московского Кремля

и увольнения сотрудников, замирание научной и популяризационной работы стали ещё одной темой монографии. В отдельном разделе будут представлены документальные и фотоматериалы о трагической судьбе Вознесенского и Чудова монастырей и героического подвига музейных сотрудников, спасавших в то время усыпальницу великих московских княгинь и цариц из Вознесенского собора (ил. 9). Воспоминания свидетеля событий В.Н. Иванова осветят этапы спасения и перенесения захоронений женской усыпальницы в Архангельский собор¹.

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 42. В.Н. Иванов. Оп. 1. Д. 4, 6.

Дневники экспедиции Н.Н. Померанцева и Е.И. Силина¹ позволяют восстановить события спасения бесценных памятников Соловецкого монастыря: икон, драгоценных тканей, ризничной коллекции грамот. Невероятных усилий стоило П.Д. Барановскому и Н.Н. Померанцеву собрать и вывезти уникальные реликвии монастыря.

В 1930-е гг. Оружейная палата претерпела много трудностей. История музея в этот период рассматривается в контексте научной и экспозиционной деятельности. После ухода с поста директора Оружейной палаты Д.Д. Иванова в музее произошли существенные изменения. Была разобрана экспозиция церковного серебра, а её экспонаты переданы в отдел «Памятники Кремля». В Оружейном и Бронном залах формировались «показательные уголки» для демонстрации эволюции предметов вооружения. Всё более реальной становилась перспектива репрофилирования музея. Выставки приобретали очевидную политическую окраску. В те годы музей начали покидать научные сотрудники. Активизировался процесс передачи музейных ценностей в Антиквариат по директивам Наркомпроса. Началась реэкспозиция музея, которая стала основным направлением его деятельности на долгие годы. Задачей новой экспозиции становилось использование искусства для пропаганды социалистического строительства.

В 1932–1934 гг. под председательством директора музея С.И. Монахина работала комиссия по разбору и классификации памятников церковного серебра. В соответствии с её заключениями экспонаты, не признанные уникальными, были направлены в Антиквариат и Торгсин, несмотря на протесты музейщиков. В апреле 1932 г. Оружейная палата была переведена в ведение Учкома (Комитета

по заведыванию учёными и учебными заведениями ЦИК СССР) (ил. 10).

В 1933 г. к Оружейной палате присоединили мемориальный музей кабинет-квартиру В.И. Ленина в Кремле. Число научных сотрудников сократилось до пяти человек. Коснулись сотрудников музея и репрессии, которые приобрели особый размах после убийства в 1934 г. С.М. Кирова. Этому способствовали директор Оружейной палаты – С.И. Монахин и К.Г. Маслов. Однако научно-исследовательская работа ещё оставалась в планах музея. В 1938 г. готовился сборник статей «Государственная Оружейная палата» объёмом 14,5 печатных листов. Однако в музее почти не осталось научных сотрудников, способных справиться с подобным объёмом научной работы.

К этой деятельности привлекли сотрудников Исторического музея, ранее работавших в Оружейной палате.

В апреле 1938 г. Оружейная палата и памятники архитектуры Кремля были переданы в Управление комендатуры Московского Кремля (УКМК). Источниками для исследования истории Оружейной палаты в 1930-е гг. послужили материалы архива Музеев Московского Кремля, в их числе мемуары В.Н. Иванова, наряду с документами, хранящимися в его личном фонде².

В марте 1939 г. директором палаты был назначен Н.Н. Захаров. Начавшаяся в июне 1941 г. война поставила перед коллективом музея первоочередную задачу – эвакуацию бесценных сокровищ на Урал и сохранение национального достояния.

Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны – отдельная и важнейшая тема данного проекта.

С марта 1918 г. Московский Кремль стал резиденцией новой власти, центром политической жизни советской России.

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1922 г. Д. 9. Отчёт о поездке в Соловецкий монастырь по экспертизе и изъятию церковных ценностей.

² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 42. В.Н. Иванов.

Ил. 10. Негатив. Сотрудники Оружейной палаты за работой по учёту экспонатов. 1934 (пересъёмка из личного архива Е.Н. Соколовой). 2,5×3,5 см. Музеи Московского Кремля

Именно здесь, в центре столицы, по традиции располагались высшие органы государственной власти СССР и РСФСР, Совет народных комиссаров СССР, особый сектор ЦК ВКП(б), являвшийся фактически личным аппаратом Секретаря ЦК партии И.В. Сталина. В таком качестве Кремль встретил 22 июня 1941 г. В первый день войны приказом коменданта Московского Кремля № 79/с в 19.00 был введён режим усиленной охраны и обороны Кремля согласно утверждённому плану. Приказ был подписан в 08.30 утра¹. Здесь создаются органы чрезвычайного управления страной: два главных штаба — Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования. Эти два органа фактически осуществляли всю полноту политического, экономического и военного управления страной в период

Великой Отечественной войны. Государственный Комитет Обороны (ГКО) был образован 30 июня 1941 г. совместным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК партии. Решения ГКО и Ставки были обязательными для выполнения всеми институтами власти на местах. Как показала практика работы этих органов в годы войны, именно оперативность принятия решений и высочайшая степень ответственности всех уровней власти за их немедленное и безусловное выполнение дали положительные результаты в организации деятельности как на фронте, так и в тылу. Именно поэтому Московский Кремль благодаря расположению этих двух важнейших центров чрезвычайного управления страной в военные годы по праву может называться «Штабом Победы».

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 17. Оп. 25. Д. 1. Л. 201.

Темы данного раздела посвящены также охране и организации обороны объектов Московского Кремля. Представлены материалы по маскировке, которая предусматривала два варианта действий¹. Первый — в основном перекраску крыш и открытых фасадов всех кремлёвских зданий и стен для создания на них перспективного вида городских зданий. Второй — проведение объёмной имитации. Чтобы дезориентировать противника, выстраивались ложные городские кварталы с комбинацией различных макетов по типу городских зданий: в Александровском саду (по наружному контуру), на территории Красной площади, Тайницкого сада и откоса, Большого сквера в Кремле. Над мавзолеем возвели макет городского здания, примыкавшего к кремлёвскому корпусу № 1².

К началу войны охрана Московского Кремля была возложена на УКМК. Собственно, гарнизон Московского Кремля состоял из полка специального назначения, расквартированного в Кремле, отдельного офицерского батальона, отдельной транспортной роты (позднее — автотранспортный батальон) и военно-пожарной команды. Помимо Кремлёвского гарнизона в УКМК входили четыре комендатуры, а именно: комендатура здания Рабоче-крестьянского правительства, комендатура Большого Кремлёвского дворца, комендатура Мавзолея В.И. Ленина и комендатура Кремлёвской Оружейной палаты.

В исследовании подробно освещено спецзадание УКМК. В 1941 г. Управление выполнило ряд специальных эвакуационных заданий руководства страны. Личный состав обеспечил в экстренном порядке вывоз из столицы большого

количества особо важных грузов из государственных ведомств.

27 июня 1941 г. было принято постановление СНК СССР № 1776-779сс «О вывозе из Москвы государственного запаса драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля»³. 30 июня, 1 и 5 июля ценности Государственной Оружейной палаты эвакуировали в Свердловск. Об этой героической странице истории музея сохранилось много неопубликованных документальных материалов. Среди них воспоминания Н.Н. Захарова, непосредственного участника событий⁴.

С 30 июня по 2 июля 1941 г. команда полка специального назначения организовала погрузку в вагоны и отправку из Москвы ценностей Гохрана, находившихся в Кремле.

4 июля 1941 г. специальная группа УКМК приступила к эвакуации тела В.И. Ленина из Москвы в Тюмень, а 7 июля — документов и архивов Совета Народных Комиссаров СССР из корпуса № 1. В августе 1941-го в Свердловск был также отправлен архив Управления коменданта Московского Кремля. В эти дни руководству комендатуры Московского Кремля приходилось заниматься не только эвакуацией, но и бороться за сохранение исторических ценностей от пожаров и авиационных бомб противника. Всего за годы войны Московский Кремль подвергался бомбардировкам восемь раз: пять в 1941 г. и три раза в 1942 г. (последняя бомбёжка зафиксирована 29 марта 1942 г.). На Московский Кремль и его ближайшее окружение — Александровский сад и Красную площадь — были сброшены 15 фугасных (от 50 до 1000 кг), 151 за-

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 17. Оп. 25. Д. 9. Л. 174–177.

² В томе будут приведены кальки маскировки Кремля, выполненные в мастерской архитектора Б.М. Иофана, которые ныне хранятся в Музее славы и истории ФСО России.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 1. Л. 56–57.

⁴ Личный архив семьи Захаровых; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 32. Н.Н. Захаров.

жигательная, несколько осветительных бомб. Людские потери от бомбардировок в гарнизоне: убиты, пропали без вести, умерли от ран — 94 военнослужащих, тяжело ранены — 88, легко ранены — 76 человек.

Уже в конце 1943 г. комендатура Московского Кремля приступила к выполнению заданий, связанных с возвращением имущества и ценностей, вывезенных из Москвы в 1941–1942 гг. Эти мероприятия проводились планомерно, без спешки.

В 1941–1945 гг. совместно с 1-м отделом НКВД СССР — 6-м управлением НКГБ СССР комендатура Кремля обеспечила безопасность 15 визитов глав иностранных делегаций во время их нахождения в Кремле. Это У. Черчилль (дважды), Ш. де Голль, Э. Бенеш, И.Б. Тито, А. Иден и другие гости. Всего же за годы войны на территории Московского Кремля были

организованы и проведены 42 крупных государственных мероприятия.

После возвращения музея из эвакуации коллектив начал активную работу по восстановлению экспозиции. В 1955 г. был открыт свободный доступ посетителей в Кремль. Это событие имело огромное культурное и политическое значение. А в 1960 г. Музеи Московского Кремля переходят в ведение Министерства культуры СССР. С этого времени начинается новый этап в истории музея.

Московский Кремль в 1960–2000 годы

В третьем томе широко представлены материалы по истории формирования и становления музея в 1960–2000 гг.

В феврале 1960 г. Оружейная палата и соборы Кремля были выведены из состава Комендатуры и с новым названием «Государственные музеи Московского Кремля» перешли в ведение

Ил. 11. Негатив. Строительство Кремлёвского дворца съездов. Вид со стороны Большого Кремлёвского дворца. 12 апреля 1960 г. Фотограф В.С. Земский. Музеи Московского Кремля

Ил. 12. Негатив. Перемещение Царь-пушки в связи со строительством Дворца съездов. 1960.
Фотограф В.С. Земский (?). Музеи Московского Кремля

Министерства культуры СССР. Практически заново пришлось продумывать организационную структуру и восстанавливать присущие музею функции, пересматривать архаичную и запутанную систему учёта и научной инвентаризации, принципы систематизации и хранения фондовых коллекций и памятников архитектуры, создавать собственную реставрационную службу.

Так, в отличие от Отдела сохранения исторических ценностей и памятников Кремля в составе УМКК, были возрождены все основные направления деятельности, в основном научной и популяризаторской, воссоздан учёный совет и т.д. Выставка «Алмазный фонд» стала первым опытом создания открытого фондохранилища Гохрана. Внимание также было уделено истории создания, составу экспонатов Музея подарков Союзу ССР в Московском Кремле, организации

новой экспозиции в Оружейной палате в 1982–1986 гг. Большой раздел тома посвящён «Персоналиям», где, наряду со статьями о руководителях музея, приводятся краткие биографические очерки о некоторых заместителях директора, хранителях и исследователях, внесших наиболее весомый вклад в развитие музея, а также в изучение истории Кремля, его архитектурных памятников, музейных коллекций и отдельных экспонатов. Данный материал широко представлен в рукописных фондах музея¹.

К 1980 г. в целом завершился первый этап развития музея как государственного учреждения культуры. Задачи, поставленные в 1960-е гг., позволили ему встать в один ряд с крупнейшими музеями СССР. Возросло его значение как научного центра. Проведена структурная реорганизация учётно-хранительской службы, позволившая ввести

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Музеи Московского Кремля. Оп. 1960–2000; Ф. 44. Е.И. Смирнова; Ф. 26. Ф.Я. Мишуков; Ф. 35. В.К. Клейн; Ф. 32. Н.Н. Захаров; Ф. 42. В.Н. Иванов.

Ил. 13. Фотография. Собор Спас на Бору. Вид с запада. Не позднее 1932 г. Фотограф В.С. Земский (?).
Музеи Московского Кремля

полноценный музейный учёт, инвентаризацию всего комплекса собраний, открыт выставочный зал в Успенской звоннице. Развивается выставочная и издательская деятельность, ведётся планомерная реставрация памятников архитектуры и живописи в соборах, серьёзная работа по музеефикации памятников, создаётся отдел реставрации, силами сотрудников музея начинаются археологические наблюдения на территории Кремля.

Второй этап охватывает период 1980–1990 гг. и характеризуется интенсивным развитием. В эти годы на территории Кремля открывается новый Музей прикладного искусства и быта XVII века в Патриарших палатах, создаётся эталон-

ная в отечественной музейной практике тех лет экспозиция Оружейной палаты, проводится реэкспозиция музеев-соборов. В 1986 г. музей получил статус научно-исследовательского учреждения¹.

Во многом благодаря профессиональной, грамотной и самоотверженной работе сотрудников музея удалось сохранить ансамбль Московского Кремля (история помнит два периода безжалостного уничтожения кремлёвских памятников в 1920-е и 1950-е гг.) и в 1990 г. внести его в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО² (ил. 11³, 12, 13).

Социально-экономические перемены, произошедшие на рубеже 1990-х гг., привлекли особое внимание к истории

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1986 г. Д. 1. Л. 28–29. Приказ № 318 по Министерству культуры СССР от 25.07.1986.

² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1990 г. Д. 32. Диплом ЮНЕСКО о признании Красной площади и Московского Кремля памятником всемирного наследия.

³ Этот снимок входит в уникальную серию фотографий, где были сняты служительские корпуса и казармы (здание Оружейной палаты архитектора И.В. Еготова) перед их сносом и последовавшее за ним устройство колоссального котлована для возведения здания Кремлёвского дворца съездов. Публикуется впервые.

России, возродили интерес к преемственности государственной власти, её символам и атрибутам. Указом Президента СССР от 26 октября 1991 г. № УП-2795 «в целях долговременного сохранения исторически сложившегося уникального ансамбля Московского Кремля, наиболее целесообразного использования музейных и культурных ценностей и учитывая обязательство СССР в связи с включением Московского Кремля в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО...» создаётся «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». В состав музейной территории вошли Московский Кремль, Красная площадь и Александровский сад. Особо отмечалось, что в Кремле расположены высшие органы государственной власти; памятники истории и культуры музея-заповедника могут быть использованы с учётом их культового назначения, необходима организация реставрационного центра музея-заповедника и производственно-реставрационной службы.

Указом Президента РСФСР от 18 декабря 1991 г. № 294 музей «в целях обеспечения эффективной защиты культурного наследия народов РСФСР и признавая фундаментальную роль культуры в развитии общества...» Московский Кремль получил статус особо ценного объекта национального наследия России, а указом Президента РФ от 20 февраля 1996 г. № 176 Государственный истори-

ко-культурный музей-заповедник внесён в Перечень объектов исторического и культурного наследия Федерального (Общероссийского) значения.

За три десятилетия существования как государственного учреждения культуры он эволюционировал от музея декоративно-прикладного искусства до уровня национального – старейшего депозитария государственных регалий, реликвий и символов государства.

Последующее десятилетие определило новые социально-политические условия и подходы к развитию Музеев Московского Кремля как Национального музея новой России.

Заключение

Подводя итог проделанной авторским коллективом работы, хотелось бы отметить объём охваченных и выявленных источников, представляющих собой широчайший пласт документальных и изобразительных материалов, хранящихся в фондах архивов Москвы и Санкт-Петербурга: РГАДА, ГА РФ, БАН РАН, ЦИАМ, РГИА, ЦА ФСБ России, Красногорского архива кино- и фотодокументов, ИИМК РАН, ИЗО РГБ, а также в фондах музеев ОРПГФ Музеев Московского Кремля, ГИМ, ГТГ, Музея Москвы, МУАР им. Щусева.

Богатейший материал выявленных архивных документов будет впервые введен в научный оборот в данном коллективном монографическом труде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московский Кремль XVI столетия. Древние святыни и исторические памятники. Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: Сборник статей / И.А. Воротникова. М.: Северный паломник, 2009.
2. Московский Кремль XVI столетия. Древние святыни и исторические памятники: Сборник статей: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. А.Л. Баталов, С.А. Беляев, И.А. Воротникова. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль»; БуксМарт, 2014.
3. Московский Кремль XIX столетия. Древние святыни и исторические памятники: Сборник статей: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воротникова. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; БуксМарт, 2016.
4. Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники: Сборник статей: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воротникова. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль»; БуксМарт, 2019.

5. Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. и отв. ред. И.А. Воротникова. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; БуксМАрт, 2020.
6. Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. и отв. ред. И.А. Воротникова. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; БуксМАрт, 2020.
7. Высочайше утвержденный порядок торжественного празднования 300-летия царствования Дома Романовых в Москве в мае месяце 1913 года // Правительственный вестник, 8 (21) мая 1913. № 101, С. 1–2. РГАДА. Ф. 1183. Московская контора Синода.
8. Джунковский В.Ф. Воспоминания 1905–1915. М., 1997.
9. Голос церкви. М., 1913. № 3.
10. Московские ведомости. М., 1913. № 43.
11. Нива. 28 мая 1913. № 114.
12. Церковные ведомости. М., 1913.
13. Московские церковные ведомости. М., 2013.
14. Правила для заведывания патриаршею (Синодальною) библиотекою и для занятий находящимся в ней рукописями и славянскими старопечатными книгами // Богословский вестник. 1900. № 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1900. С. I–III.
15. Рукописные книги XIII – начала XX в. Каталог собрания. Кат. № 80–85, 88, 90, 91, 100–102 (в печати).
16. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. 1: 1294–1588. СПб., 1841–1842.
17. Священный Собор Православной Российской Церкви: обзор деяний / Издание Соборного Совета. М.: Изд. Новоспасского монастыря, 1918.
18. Căndeia R. Patriarhul Miron Cristea // Candela, an. XXXVI, 1925.

ENGLISH

The Moscow Kremlin of the 20th Century

Elena V. Isaeva – Head of the Department of Manuscript, Printed and Graphic Funds of the Moscow Kremlin Museums, head of the project “The Moscow Kremlin of the 20th Century” (20-012-00350).

E-mail: isaeva@kremlin.museum.ru

Irina A. Vorotnikova – Scientific Secretary of the Moscow Kremlin Museums, executor of the same project.

E-mail: iv@kremlin.museum.ru

Sergey V. Deviatov – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Russian History of the 20–21st Centuries at the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University, executor of the same project.

E-mail: svdev@mail.ru

This study presents a survey of collective monograph “The Moscow Kremlin of the 20th Century” as part of the long-term research entitled “The Moscow Kremlin through the centuries.” The focus is to describe the character of work under the monograph and its content.

Among the project goals is the analysis of sources on the basis of Moscow and Saint Petersburg archives, systematization of the found documentary and pictorial materials, and formation of reference apparatus (list of sources, literature, and abbreviations).

This study is based on the complex method and analysis of a significant set of archive data that allow the comparison of all selected sources (written, documentary, graphic, pictorial, movie, and photographic materials). The data describes the time and destiny of monuments during one of the hardest periods in the Moscow Kremlin's history, that is, the 20th century.

The monograph is chronologically divided into large sections, the first of which is dedicated to the events of 1900–1917. The second section tells about life in the Moscow Kremlin under new historical circumstances in 1918–1960, while the third is dedicated to the last decades of the 20th century, from 1960 to 2000.

The substantial collection of the found archival documents presented in the collective monograph are thus introduced for the first time.

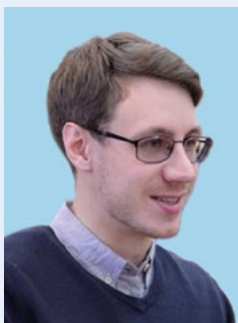
Keywords: Moscow Kremlin, 20th century, Moscow Kremlin through the centuries, collective monograph, Armoury Chamber, shooting of the Moscow Kremlin, Kremlin in 1941–1945

REFERENCES

1. Moskovskiy Kreml' XVI stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki. Pamyati Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II: Sbornik statey / I.A. Vorotnikova. Moscow: Severnyy palomnik, 2009 (in Russian).
2. Moskovskiy Kreml' XVI stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki: Sbornik statey: V 2 kn. / Sost. i otv. red. A.L. Batalov, S.A. Belyaev, I.A. Vorotnikova. Moscow: GIKMZ "Moskovskiy Kreml'"; BuksMArt, 2014 (in Russian).
3. Moskovskiy Kreml' XIX stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki: Sbornik statey: V 2 kn. / Sost. i otv. red. S.A. Belyaev, I.A. Vorotnikova. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml'"; BuksMArt, 2016 (in Russian).
4. Moskovskiy Kreml' XVII stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki: Sbornik statey: V 2 kn. / Sost. i otv. red. S.A. Belyaev, I.A. Vorotnikova. Moscow: GIKMZ "Moskovskiy Kreml'"; BuksMArt, 2019 (in Russian).
5. Moskovskiy Kreml' XVII stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki: Sbornik statey: V 2 kn. / Sost. i otv. red. S.A. Belyaev, I.A. Vorotnikova. Moscow: GIKMZ "Moskovskiy Kreml'"; BuksMArt, 2019 (in Russian).
6. Moskovskiy Kreml' XVIII stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki: V 2 kn. Kn. 2 / Sost. i otv. red. I.A. Vorotnikova. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml'"; BuksMArt, 2020 (in Russian).
7. Vysochaishe utverzhdeniy poriadok torzhestvennogo prazdnovaniya 300-letiya tsarstvovaniya Doma Romanovykh v Moskve v mae mesiatse 1913 // Pravitelstvennyi vestnik, 8 (21) maia 1913. № 101, S. 1–2 (in Russian).
8. Dzhunkovskiy V.F. Vospominania 1905–1915. Moscow, 1997 (in Russian).
9. Golos tserkvi. Moscow, 1913. № 3 (in Russian).
10. Moskovskie vedomosti. Moscow, 1913. № 43 (in Russian).
11. Niva. 28 maia 1913. № 114 (in Russian).
12. Tserkovnye vedomosti. Moscow, 1913 (in Russian).
13. Moskovskie tserkovnye vedomosti. Moscow, 2013 (in Russian).
14. Pravila zavedovaniya patriarsheiu (Sinodalnoyu) bibliotekoyu i dlia zaniatyi nakhodiaschimisia v nei rukopisiami i slavianskimi staropechatnymi knigami // Bogoslovskiy vestnik. 1900. № 5. Sviato-Troitskaya Sergieva Lavra. 1900. S. I–III (in Russian).
15. Rukopisnye knigi XIII – nachala XX v. Katalog sobrania. Cat. № 80–85, 88, 90, 91, 100–102 (v pechati) (in Russian).
16. Akty istoricheskiye, sobrannye I izdannye Arkheograficheskoy komissieyu. T. 1: 1294–1588. St. Petersburg, 1841–1842 (in Russian).
17. Sviaschennyi Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi: obzor deyanii / Izdanie Sobornogo Soveta. Moscow: Izd. Novospaskogo monastyria, 1918 (in Russian).
18. Căndeia R. Patriarhul Miron Cristea // Candela, an. XXXVI, 1925.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 130.2; 316.77
Код ГРНТИ 02.11; 02.15; 02.41
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-57-65

А.А. КИРИЛЛОВ*

Политики медиа

В статье представлены результаты проекта «Политики медиа», реализованного авторским коллективом Исследовательского Центра медиафилософии СПбГУ. Современные цифровые медиа проявляют свою автономность и свою собственную волю, утверждая тем самым активность объекта. Субъект при этом превращается в интерпассивного коммуниканта — эпифеномен цифровой реальности. Всё это ставит перед исследователями задачи, связанные с осмыслением нового места человека в технически опосредованной реальности и с необходимостью разработки новых жизненных стратегий и способов коммуникации.

На обширном материале концептуально обоснован тезис о том, что собственные политики медиа утверждают себя и свои интересы в качестве общезначимых и оказывают фундирующее влияние при опосредовании всех форм социальных, политических и культурных практик, формируя новый тип субъективности и рациональности — медиарациональность. Предопределяя остальные регионы политического ландшафта, политики медиа утверждают новые языковые правила и особую поэтику языка цифровой реальности, устанавливают механизмы представительства, осуществления и контроля политической власти. Иными словами, политики медиа определяют политические действия и установление властных отношений, заявляя, таким образом, собственную специфику.

Ключевые слова: политики медиа, медиа, медиареальность, цифровой разум, новые медиа, медиафилософия, визуальная экология, медиарациональность, коммуникант, компьютерные игры, геймификация

В 2018–2020 гг. активными участниками Исследовательского Центра медиафилософии СПбГУ под руководством профессора, доктора философских наук В.В. Савчука был ре-

ализован проект «Политики медиа». В решении фундаментальной проблемы определения собственных политик медиа в ряду известных видов политики — экологической, биополитики, политики

* **Кириллов Александр Анатольевич** — аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, ассистент кафедры философии и социальных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, исполнитель проекта «Политики медиа» (18-011-00414а).
E-mail: sasha.agst@yandex.ru

образования, здравоохранения, памяти и многих других, — авторский коллектив отталкивается от положения о переносе активности на объект, среду, контекст, медиа. В результате мы пришли к выводу: нельзя не учитывать политик самих медиа, которые вторгаются в качестве посредника проведения решений политической инстанции.

От рефлексии медиа к медиарефлексии

Непосредственности голоса и опосредованности письма проявления власти приходит конец, поскольку институциональная политика вынуждена считаться с политиками цифровых медиа. Это и борьба за влияние в медиaprостранстве, за имидж на площадках мессенджеров и социальных сетей, и адаптация политиков к языку и системе ценностей глобальной медиасцены. Современная власть становится уязвимой, поскольку «рупор» общения с массами может быть отключён: блокировки Twitter, Facebook и Instagram или видеохостинга YouTube — наша актуальная реальность. Определённые группы влияния стремятся присвоить политики медиа. Подтверждение тому — глобальный интерес политических институтов к собственным механикам медиа. Так, незаметно меняются традиционные силовые полюса: успешным агентом политического действия становится тот, кто лучше понимает и эффективнее использует политики медиа в идеологической борьбе.

Следующим итогом исследования стала разработка концептуальной модели, предполагающей необходимость аналитического различения понятий «мобилизационный ресурс медиа» и «собственные политики медиа». Если первые — средства проведения интересов той или иной политической силы, средства медиавойны, то вторые, исподволь, осуществляют свои интересы — политики медиа — и проводят их, определяя адресата, скорость и темп сообщения, язык (акцент делается на универсальный способ

коммуникации — визуальный образ, тип оперативной информации, руководствующейся не принципом истинности, но прагматичности в достижении целей). Сегодня мы уже не можем игнорировать появление новых цифровых объектов, цифровых форм жизни, геймификацию повседневности. Этот ракурс рассмотрения удерживал в фокусе исследовательского внимания формирование новой рациональности — медиарациональности, специфика языка которой реализует искомые политики медиа.

Помимо основной цели — определить собственную специфику политик медиа, стояла задача выявить и сами механизмы осуществления власти медиа (не только информационной, визуальной, но и конструирующей и учреждающей новые культурные практики), определяющей успех или поражение любой региональной политики. Для решения этих задач потребовался синтез традиционных областей философского знания: философии культуры, социальной философии, наконец, философии и теории медиа. Поскольку в современном мире невозможно представить себе иного всеобщего способа репрезентации, нежели медийный, политики медиа занимают метапозицию по отношению к региональным политикам и определяют особенностями самой медиасреды и медиатехнологий. Их исследованием занимается сравнительно молодое направление — медиафилософия. Поэтому отправной точкой в изучении новых властных отношений, определяемых современными медиа, будет методология философии и теории медиа — рефлексия проблем современного мира, в котором человек сталкивается сам с собой в лице порождённой им медиасреды.

Исследовательская программа опирается на обширную традицию в области теории медиа XX–XXI вв., развивая дальше собственные концепции, связанные со становлением цифровой и медиареальности. Вопрос о политиче-

ском ресурсе медиа ставился, начиная с самых первых работ в данной области. Так, Вальтер Беньямин заканчивает свою известную работу «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» пассажем об эстетизации политики и политизации эстетики, тем самым соотнося заявленную в эссе проблематику новых технических медиа с горизонтом политического [1].

Позже Маршал Маклюэн в знаменитой работе «Понимание медиа» писал о том, какое влияние оказал телевизионный образ, образ, формируемый самой передовой на тот момент медиатеchnологией – телевидением, на выборы в США [2], а спустя полвека Норберт Болц в «Азбуке медиа» реактуализировал аргументы Маклюэна, обратив внимание на роль, которую ток-шоу, реклама и брендинг играют в политической жизни в эпоху технической воспроизводимости политики [3].

Этан Цукерман, автор бестселлера «Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху», отмечает, что «наше понимание мира обусловлено средствами, которые мы используем для его познания» [4]. С этой точки зрения недостаточными выглядят попытки анализировать политику без учёта новых медийных средств: после арабской весны 2011 г. никто не может игнорировать политический вес Twitter, Facebook и других социальных сетей.

Российские исследователи не отстают от своих западных коллег в изучении проблем влияния социальных медиа на политические процессы. За последние десятилетия нового века в этой области было опубликовано немалое количество важных текстов, однако стоит отметить, что большая часть из них разворачивается на базе социологического редукционизма (И.В. Кирия, А.А. Новикова, А.И. Черных), коммуникативистики и теории массмедиа (Е.Л. Варганова) или исследований визуальной (В.Л. Круткин, И.Н. Инишев) и массовой культуры

(В.А. Куренной, О.В. Мороз). Собственно философская экспансия в дискурс медиа до последнего времени была представлена не так широко, но позволила выработать ряд оригинальных авторских подходов, например, в исследованиях телесности медиа (М.А. Степанов), технотеологии (М.А. Куртов), материальности и агентности медиа (Н.Н. Сосна). Центр медиафилософии, организованный В.В. Савчуком в 2007 г. на базе Института философии СПбГУ, стал одной из первых научных институций, сотрудники которого последовательно развивают различные онтологические, феноменологические и антропологические подходы к аналитике медиареальности, восполняя тем самым множество лакун в этом междисциплинарном поле знания.

За счёт приоритета структурных аспектов над содержательными выделяется принципиальная особенность медиаанализа, которому присущи безоценочное суждение, формальность и эмоциональная безучастность. Авторским подходом исследовательского коллектива является метод топологической рефлексии, разработанный в Центре медиафилософии [5]. Данный метод использует рефлексивную процедуру в конкретной специфической предметной области и позволяет делать широкие обобщения за счёт сохранения общего исследовательского горизонта, в частности, в данном проекте, удерживая внимание на собственных стратегиях медиа и медиарациональности. Обоснование новизны современных политик медиа стало возможным благодаря сравнительному подходу, в котором прослеживаются сложные исторические трансформации классических форм медиальности. Концептуализация последних происходит в рамках уже сложившейся на западе дисциплинарной области – археологии медиа. Также важнейшим направлением в разработке исследовательским коллективом проблематики политик медиа стало включение в фокус внимания вопросов визуальной

экологии, проект которой систематически развивается на протяжении последних лет под руководством Д.А. Колесниковой [6]. Выработанные подходы позволяют охватывать новые формы отношений между окружающей средой, социумом и субъективностью, возникающие в условиях медиареальности.

Коммуникант как пассивный актер медиасреды

Аналитика структурных паттернов медиасреды и собственного ресурса власти медиа приводит к следующему заключению: «Современная реальность — реальность цифровых технологий. Цифра становится не просто форматом, она является онтологическим условием существования. Если чего-то нет в цифре, того нет и в действительности» [7]. При этом на первый план выходит понимание медиа в качестве не просто посредников, но в качестве среды, задающей принципиально новый антропологический опыт технически обусловленной жизни. Важно отметить гибридный характер медиасреды, которая формирует как различные формы деятельности, так и соответствующий им цифровой модус сознания.

Классические формы субъективности претерпевают радикальную трансформацию. На сцену истории выходит коммуникант — эпифеномен коммуникации — интерпассивный «конверсив медиасреды, реактивно отражающий или, лучше сказать, выражающий мутации социального, биологического, психологического, идеологического и прочих тел, составляющих тело массмедиа» [8]. Закулисьем же правят сами медиа, проявляющие отныне подлинную активность. Гуманитарный дискурс XX в., задавший канву понимания активности объекта в формах бессознательного, языка, структуры, образа, находит продолжение в утверждении активности средств коммуникации. Не мы используем медиа, но медиа используют нас. Человек превращается в придаток, интерфейс, инстанцию

передачи информации. Посредством коммуниканта медиа репрезентируют себя.

Политики медиа занимают подлинно властную позицию по отношению к коммуникантам, санкционируют любые социальные интеракции, навязывают потребительские стратегии, влияют на процесс принятия решений. Включаясь в коммуникацию, участник сетевого сообщества поневоле принимает правила, определяемые идеологией ведущего в конкретный исторический момент времени медиа. Устойчивые формы идентичности теряют свои метафизические основания и выполняют скорее «роль личного навигатора, позволяющего ориентироваться в поле коммуникации. Большинство оперирует готовым набором приоритетов, оценок, знаковых тем и ключевых фраз, которые считает выражением собственного понимания мира», — отмечает К.П. Шевцов [9]. Сетевая коммуникация, по его мнению, «включает человека в среду означающих, предполагающих тотальную работу измерений и исчислений субъекта, постоянный перевод из позиции самополагания и утверждения в позицию включения в определённый порядок коммуникаций. В итоге можно говорить о появлении новой формации сетевого Я, выражающего себя в утверждении “Я включён”. Стремление коммуникантов разделять общее, универсальное подыгрывает медиа в их беспощадной работе по производству нашей телесности, субъектности, воображения» [Там же]. Примером тому может служить феномен «тела геймера» — дисциплинированного и выдрессированного интерфейсами, контроллерами и игровыми механиками тела. Концепция была предложена А.С. Ленкевичем, заведующим Лабораторией исследования компьютерных игр (ЛИКИ) [10].

Перформативы медиареальности

Важное место в коллективном труде занимает аналитика языка, опосредующего и воплощающего политики

медиа: это и язык самих цифровых медиа и сетевых норм коммуникации, и язык городского пространства, язык художественных практик и визуальных посланий, язык компьютерных игр. Сегодня визуальный образ является столь же легитимной основой принятия решения, как и научный факт или авторитетное мнение. Более того, сам образ обретает статус фактичности. И важно понимать, что «дигитальное изображение не просто отражает реальность, но само её конструирует, в форме — опять же — образа (виртуального сосуществования медиасубъектов и цифровых объектов, расположенных отныне на единой онтологической плоскости)» [11].

Велика роль эстетического режима, который используется в качестве тотального инструмента политик медиа. Парадигмальное присутствие визуальных образов в опыте современного человека задаёт принципиально новые способы взаимодействия с окружающей средой — собственно медийной и медийно опосредованной урбанистической. В связи с чем обосновывается актуальность новой дисциплины — визуальной экологии. Её вопросами становятся особенности формирования опыта восприятия посредством медиа, проблемы визуального загрязнения и визуального насилия, выработка продуктивного системного взгляда на изменения визуальной среды, интенсивности её воздействия, стратегий сборки новых форм сообществ. Л.Ю. Яковлева в своих исследованиях техно-урбанизированных пространств констатирует, что само архитектурное пространство города предстаёт как отдельный вид медиа, опосредующий различные властные отношения в их биополитическом измерении [12].

Медиаэффект цифровой реальности по-своему структурирует риторику и любые формы дискурсивности, конструирующие общественное пространство, возникают новые механизмы сборки социального тела. Проведённый анализ

показывает, что необходимы компенсаторные усилия, своеобразная забота о «социальном капитале». Ритуальная и церемониальная составная часть традиционных социальных институтов также девальвируется в медиасреде с её установкой на шоу и торжество медиазвёзд и медиагероев, с её ориентацией на потребление. Соответственно, необходима переоценка привычных ценностей и знаковых систем, которые репрезентируют эти ценности в культуре.

В подобных условиях особым образом встаёт вопрос о способе взаимодействия коллективной и индивидуальной памяти. Медиафилософская аналитика «цифрового бессознательного», по мнению исследователя философии памяти К.П. Шевцова, предлагает конкретные практические выводы: «...политика памяти должна формировать практики умиротворения утраты и признания требования памяти. Отказ от подобных практик может привести к тому, что прошлое станет переживаться как негативный травматический опыт и возвращение этого вытесненного опыта станет угрозой для мемориального дискурса власти. Если власть не предложит свой язык для проговаривания прошлого, требование памяти найдёт для себя другие непрямые формы своего выражения» [13]. Политики медиа задают и особое отношения к истории, конструируя «как наше настоящее, так и прошлое с будущим. История, будучи конструктом, дискурсом, зависит от медийных инстанций, формирующих перцептивные и когнитивные функции работы с реальностью. В этом контексте новые медиа предлагают самые разные способы (де)монтажа исторического опыта, в том числе и в рамках компьютерных игр, пробуждающих вкус к ироничному восприятию мифологем, идеологем, исторических (мета)нарративов» [14]. Активность и эффективность медиа проявляется и в том, что зачастую они сами «залечивают» те травмы, что наносят нам, прививая

определённую резистентность к своим эффектам [15].

Наконец, политики медиа сметают традиционные рубежи процесса образования. Возрастает потребность в использовании разнообразных геймификационных техник в процессе обучения и культурного развития, ведь компьютерные игры позволяют говорить с человеком цифровой эпохи на его языке, передавая знания привычным для него способом. По мнению А.Р. Латыповой, можно артикулировать «переход от общества знания, в котором ключевую роль играли эксперты, а также автоматические экспертные системы “закрытого типа”, не способные к обучению, к обществам технознания, где принцип обучаемости экспертных систем кардинально меняет конфигурацию медиареальности, что прямым образом сказывается на процессах принятия решений на разных уровнях» [16].

Здесь с необходимостью возникает и проблема современного медиаобразования, в рамках которого встают вопросы медиаэкологической и этической ответственности, всеобщей цифровой грамотности. В ситуации постправды, когда размываются границы рациональных представлений об истине и акцент ставится на эмоциональной составляющей всякого сообщения, под рубрикой медиаграмотности возникает острая необходимость в развитии навыков медиаанализа у каждого человека и выработке способности дифференцировать поток информации с целью выявления агентов воздействия с их интересами и манипулятивными намерениями, считает Г.Р. Хайдарова [17].

Медиа проявляют свою автономность, свою волю, что ставит перед нами задачи, связанные не только с осмыслением собственного места в технически опосредованной реальности, но и с необходимостью изобретения новых жизненных стратегий и способов коммуникации. Всё это подводит нас к идее

утверждения становления иной формы самополагания и самосознания субъекта в мире — медиарациональности. Только учёт медиальной предопределённости всякого опыта — экзистенциального, познавательного, эстетического и т.п. — позволит точно улавливать и концептуально описывать феномены современной реальности, сформированной в результате парадигмального сдвига в культуре и установления власти политик медиа.

В заключение стоит оговориться, что интерес к собственным политикам медиа проявляют не только философы и специалисты социальных и гуманитарных наук. Маркетологи и политтехнологи уделяют не менее пристальное внимание изучению внутренних механик и эффектов медиареальности с целью развития средств пропаганды и манипуляции. Активность и тотальность медиа — в ситуации пассивности социальных акторов — повсеместно используется в идеологических и коммерческих интересах. Таким образом, перед нами встают новые исследовательские горизонты, связанные с необходимостью выработки стратегий сопротивления негативным влияниям медиасферы и поиском терапевтических средств преодоления медиатравм.

Подводя итог отметим, что результаты трёхлетней работы коллектива опубликованы в нескольких десятках статей и представлены в докладах на конференциях российского и международного уровня. Работа также осуществлялась в рамках постоянных семинаров Центра медиафилософии и его структурных подразделений: Лаборатории исследования компьютерных игр (ЛИКИ) и Лаборатории визуальной экологии. В завершении проекта была организована Всероссийская молодёжная научная конференция «Политики медиа», прошедшая в Санкт-Петербургском государственном университете 18 ноября 2020 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
2. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003.
3. Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011.
4. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
5. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
6. Визуальная экология: формирование дисциплины. Коллективная монография / Под ред. В.В. Савчука, Д.А. Колесниковой, А.Р. Латыповой. СПб.: РХГА, 2016.
7. Колесникова Д.А. Политики медиа в условиях цифровой трансформации образования // Менеджмент XXI века: социально-экономическая трансформация в условиях неопределённости: Сборник научных статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2020. С. 272–279.
8. Савчук В.В. Политики медиа // Сообщества в науке и философии. Методологические ракурсы / Под ред. Т.Г. Щедриной. М., СПб., Белгород: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 52–61.
9. Шевцов К.П. Структура сетевого Я: самоскрытие и саморазоблачение // Вестник РХГА. 2021. Т. 22. Вып. 1. Ч. 2. С. 11–22.
10. Ленкевич А.С. Ремедиационный предел: невыносимый опыт компьютерных игр // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: Материалы Всероссийской научной конференции «XIV Ковалевские чтения» (Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 г.). СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 351–353.
11. Кириллов А.А. Фотографические последствия политики различающего взгляда // EINA1: Проблемы философии и теологии. СПб.: ГУАП, 2019. С. 125–134.
12. Яковлева Л.Ю. Трансформация политики архитектурно-городских медиа: от суверенной власти к политике безопасности цифровых технологий города // Культура и технологии [электронный ресурс]. 2020. Т. 5. Вып. 2. С. 90–99. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2020/v5-i2/151> (дата обращения: 10.03.2020).
13. Шевцов К.П. Требование памяти в условиях современной меморо-политики // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки, 2019. № 6. С. 132–140.
14. Ленкевич А.С. Историческое чувство в эпоху новых медиа // История как фундамент гуманитарного познания. К 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке: Материалы международного семинара (Владивосток, 15–17 октября 2018 г.). Владивосток: Изд-во ДФУ, 2018. С. 100–103.
15. Балакирева Т.А. Основания взаимодействия фантастики и медиареальности в современной культуре // Культура и искусство [электронный ресурс], 2019. № 1. С. 1–8. URL: https://nbpublish.com/camag/contents_2019_1.html#27544 (дата обращения: 10.03.2020).
16. Латыпова А.Р. Оракулы нашего времени, или Как устроено общество технознания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2019. № 4. С. 126–136.
17. Хайдарова Г.Р. Медиаполитика: проблемная ситуация постправды // Социология, философия, право в системе противодействия преступности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Красноярск, 22 ноября 2018 г.). Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 103–107.

ENGLISH

Politics of Media

Alexander A. Kirillov – Postgraduate student of the Institute of Philosophy at the St. Petersburg State University, Assistant of the Department of Philosophy and Social Communications at the St. Petersburg State University of Civil Aviation, executor of the project “Politics of media” (18-011-00414).
E-mail: sasha.agst@yandex.ru

This article presents the results of the RFBR grant project “Politics of Media” from the Center for Media Philosophy of St. Petersburg State University. Modern digital media manifest their autonomy and their own will, constituting their activity. The subject becomes an inter-passive communicant, an epiphenomenon of digital reality. Research challenges arise in relation to comprehending the new role of humans in technologically mediated reality and the necessity of inventing new life strategies and modes of communication. On the basis of extensive sources, the thesis is that the media’s own politics assert themselves and their interests to be generally meaningful. Such politics fundamentally influence all forms of social, political, and cultural practices, thereby forming a new type of subjectivity and rationality, that is, media rationality. By predetermining other political areas, media politics assert new linguistic rules and particular language poetics of digital reality. As such, mechanisms of representation and control of political power are established. In other words, media politics determine political actions and the establishment of power relations, thus claiming their own specificity.

Keywords: media, politics of media, media reality, digital mind, new media, media philosophy, visual ecology, media rationality, computer games, biopolitics, gamification

REFERENCES

1. Ben'yamin V. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti // Kratkaya istoriya fotografii. Moscow: Ad Marginem Press, 2013 (in Russian).
2. Maklyuen M. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka. Moscow: Kuchkovo pole, 2003 (in Russian).
3. Bol'ts N. Azbuka media. Moscow: Evropa, 2011 (in Russian).
4. Tsukerman E. Novye soedineniya. Tsifrovye kosmopolity v kommunikativnuyu epokhu. Moscow: Ad Marginem Press, 2015 (in Russian).
5. Savchuk V.V. Topologicheskaya refleksiya. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”, 2012 (in Russian).
6. Vizualnaya ekologiya: formirovanie distsiplini. Kollektivnaya monografiya. St. Petersburg: Izdatelstvo RHGA, 2016 (in Russian).
7. Kolesnikova, D.A. Politiki media v usloviyah tsifrovoi transformatsii obrazovaniya. St. Petersburg: Izdatelstvo RGPU im. Gertsena, 2020. S. 272–279 (in Russian).
8. Savchuk V.V. Politiki media. Moscow, St. Petersburg, Belgorod: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2020. S. 52–61.
9. Shevtsov K.P. Struktura setevogo Ya: samosokrytie i samorazoblachenie. St. Petersburg: Vestnik RHGA, 2021. S. 1–8 (in Russian).
10. Lenkevich A.S. Remediatsionnyi predel: nevnosimyi opyt komp'uternykh igr. St. Petersburg: Skifiya-Print, 2020. S. 351–353 (in Russian).

11. Kirillov A.A. Fotograficheskie posledstviya politiki razlichaushego vzglyada. St. Petersburg: GUAP, 2019. S. 125–134 (in Russian).
12. Yakovleva L.U. Transformatsiya politiki arhitekturno-gorodskih media: ot suverennoi vlasti k politike bezopasnosti tsifrovych technologii goroda. *Kultura i technologii*, 2020. S. 90–99. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2020/v5-i2/151> (data obrashcheniya: 10.03.2020) (in Russian).
13. Shevtsov K.P. Trebovanie pamyati v usloviyach sovremennoi memoro-politiki. *Vestnik Severnogo federal. universiteta*. 2019. № 6. S. 132–140 (in Russian).
14. Lenkevich A.S. Istoricheskoe chuvstvo v epochu novyh media. Vladivostok: Izd. Dalnevostochnogo federal. universiteta. 2018. S. 100–103 (in Russian).
15. Balakireva T.A. Osnovaniya vzaimodeystviya fantastiki i mediarealnosti v sovremennoi kulture. *Kultura i iskusstvo*. 2019. № 1. S. 1–8. URL: https://nbpublish.com/camag/contents_2019_1.html#27544 (data obrashcheniya: 10.03.2020) (in Russian).
16. Latypova A.R. Orakuly nashego vremeni, ili Kak ustroeno obshchestvo technoznaniya. *Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 2019. № 4. S. 126–136 (in Russian).
17. Khaidarova G.R. Mediapolitika: problemnaya situatsiya post-pravdy. Krasnoyarsk, 2018. S. 103–107 (in Russian).

Индекс УДК 342

Код ГРНТИ 10.15.43

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-66-75

А.Н. ДЕМЕНТЬЕВ*

Проблемы территориальной организации местного самоуправления как одного из уровней публичной власти

Приводится обзор результатов анализа тенденций трансформации муниципальных единиц в Российской Федерации и в некоторых зарубежных странах в конце XX – начале XXI в. На основе результатов междисциплинарных исследований территориальных основ организации местного самоуправления в Российской Федерации выявлены и обоснованы управляющие критерии (критерии «порядка») и подчинённые критерии формирования территорий муниципальных единиц.

Ключевые слова: территориальная организация, муниципальное образование, административно-территориальное деление, правовые, экономические, социальные, географические, градостроительные факторы

Введение

В постсоветский период, предшествующий принятию Конституции Российской Федерации 1993 г., а затем и в начальный период действия новой Конституции в публикациях и монографиях появились многочисленные тезисы о необходимости изменения административного территориального устройства Российской Федерации и её субъектов, в том числе в контексте формирования территорий муниципальных единиц. Большая часть предложений относится к системе федеративного устройства Российской Федерации в современной интерпретации, государственного национально-административного деления СССР и РСФСР в советской интерпретации, политико-административного устройства России в начальный

и более поздний постсоветский периоды [2, 6 и др.]. Одной из общих проблем, которая обнаруживается при проведении анализа как отечественных, так и зарубежных источников [17, 18], является отсутствие в большинстве научных трудов и публикаций постановки задачи о выделении первичных базовых, а не вторичных управленческих и политико-административных факторов, на основе которых должны формироваться территории и определяться границы муниципальных образований.

В ряде публикаций содержатся тезисы об архаичности современного административно-территориального устройства Российской Федерации, постулируется без каких-либо научных обоснований тезис о том, что существующие муниципальные районы действуют в границах,

* **Дементьев Александр Николаевич** — доктор юридических наук, советник государственной службы II класса, исполнитель проекта «Комплексное исследование тенденций трансформации территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации (2003–2017 годы)» (18-011-00551а).

E-mail: dahalex@mail.ru

сформированных на основе прежних советских подходов, а муниципальные единицы сельского поселенческого уровня сохраняют границы колхозно-совхозной системы сельскохозяйственного производства [2, с. 77; 10]. Авторам настоящего исследования, несмотря на предпринятые в течение трёх лет реализации проекта немалые специальные поисковые усилия, так и не удалось обнаружить убедительных подтверждений и обоснований этим тезисам.

Практические и теоретические проблемы территориальной организации местного самоуправления

Настоящий период территориальной организации местного самоуправления в России характеризуется существенным сокращением числа муниципальных образований, по сравнению с периодом формирования двух уровней территориальной организации местного самоуправления на основе требований Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В период с 2007 г. по середину 2020 г. по данным Росстата общее число муниципальных единиц сократилось на 3361 единицу (с 24 207 до 20 846). Наибольшее число в перечне сокращённых составляют городские и сельские поселения – более 3400. В некоторых субъектах Российской Федерации ликвидированы сельские и городские поселения как вид муниципальных единиц, и тем самым де-факто ликвидирована двухуровневая территориальная организация местного самоуправления. В обоснование таких изменений приводятся декларативные доводы о необходимости повышения экономической и управленческой эффективности, в том числе со ссылками на безусловно «передовой» международный опыт. Анализу позитивных и негативных результатов проведения территориальных реформ

на местном уровне в зарубежных странах авторы исследовательского проекта уделили особое внимание [5, с. 10–18, 64–102, 195–196].

К настоящему времени в Российской Федерации реализована ещё большая множественность территориальных и организационных моделей местного самоуправления, чем до реформы 2003–2006 гг. В субъектах РФ, практически не отличающихся друг от друга ни природными условиями, ни экономическим потенциалом, ни историческими традициями, территориальная организация местного самоуправления сформирована на основе существенно различающихся принципов и критериев. Примерами формирования «новых» моделей, характеризующихся нерациональной организацией системы местного самоуправления, по случайным, ситуационно-политическим основаниям являются Пермский край, Магаданская, Сахалинская, Свердловская, Ивановская, Владимирская, Московская, Смоленская, Тюменская, Калининградская области и некоторые другие субъекты Российской Федерации [4]. Создается фактическое закрепление неравенства субъектов РФ в реализации федеральной политики и федеральных законов в сфере территориальной организации местного самоуправления. И самое главное, что такое неравенство ведет к неравенству обеспечения конституционных прав граждан в осуществлении местного самоуправления.

В результате реализации программы междисциплинарных исследований, поддержанных РФФИ, проведен комплексный анализ тенденций трансформации муниципальных единиц в Российской Федерации и в некоторых зарубежных странах в конце XX – начале XXI в. Выполнена систематизация и сделан анализ конституционных и международных положений в сопоставлении с динамикой федерального законодательного регулирования и практикой территориальной

организации местного самоуправления РФ, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации.

Изменения последних двух десятилетий приводят к девальвации принципа территориальной стабильности публично-правовых образований. В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2008 г. № 194-О-П Конституционный Суд, формулируя свою правовую позицию, касающуюся территориальной основы местного самоуправления, сославшись на ряд широко известных своих решений в отношении местного самоуправления¹, ещё раз подтвердил, что определение территориальных уровней, на которых возможно создание муниципальных образований, должно способствовать, насколько возможно, приближению органов местного самоуправления к населению и позволять решать весь комплекс вопросов местного значения, подлежащих передаче в ведение местного самоуправления.

Поправки в Конституцию РФ 2020 г. в части введения новых положений о местном самоуправлении, по мнению авторов исследования, могут привести в зависимости от толкования их законодателем к иным редакциям законодательных норм и принципов территориальной организации местного самоуправления, по сравнению с действующими законодательными положениями. До внесения поправок в Конституцию страны необходимо было следовать конституционным установлениям о том, что местное самоуправление осуществляется в Российской Федерации в городских и сельских поселениях, а затем уже на иных территориях. Конституционные положения однозначно устанавливали, что исторически сложившиеся городские и сельские

поселения, городские и сельские населённые пункты являются и конституционно-правовой, и объективной основой для формирования муниципальных единиц. После внесения поправок в Конституцию РФ число таких критериев ограничивается только историческими и иными местными традициями. Остаётся надеяться, что правовые позиции, сформированные Конституционным Судом Российской Федерации в отношении организации местного самоуправления до внесения поправок в 2020 г., останутся «в силе» для законодателя, поскольку именно на этих правовых позициях, как полагают проф. А.А. Клишас и проф. Т.Я. Хабриева, во многом были основаны поправки в Конституцию Российской Федерации [14].

Независимо от нормативного содержания конституционных положений, основной проблемой и в теории, и в практике территориальной организации местного самоуправления на протяжении десятилетий остаётся проблема разработки и теоретического обоснования критериев, позволяющих формировать границы различных типов муниципальных единиц. Преобразования территориальной организации местного самоуправления в некоторых субъектах Российской Федерации, так же как и в некоторых странах, обуславливаются публично декларируемыми целями повышения эффективности управления и экономии бюджетных ресурсов. Могут ли быть эти цели поставлены в качестве приоритетных? Более того, какие критерии должны учитываться при формировании территорий муниципальных единиц?

Задача нахождения, разработки объективных «идеальных» критериев формирования территории первичного уровня местного самоуправления, называемого

¹ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П, от 16 октября 1997 г. № 14-П, от 3 ноября 1997 г. № 15-П, от 30 ноября 2000 г. № 15-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2000 г. № 195-О, от 10 июля 2003 г. № 289-О, от 3 апреля 2007 г. № 171-О-П, от 15 мая 2007 г. № 344-О-П, от 2 октября 2007 г. № 715-О-П.

сейчас как поселенческий уровень, в юридической литературе не ставится. В ходе исследования авторам не удалось обнаружить постановки задачи о критериях формирования территорий муниципальных единиц и в зарубежных публикациях. В зарубежных публикациях, так же как и в некоторых статьях российских авторов, для сравнения эффективности (конкурентоспособности) территориальной организации местного самоуправления в разных странах используется показатель средней численности населения муниципальной единицы. Использование такого показателя подвергается критике и в зарубежных публикациях. Для России такой показатель не может быть использован не только для межгосударственного сравнения в силу уникальных размеров территории Российской Федерации, но и для сравнения друг с другом субъектов РФ в силу множественности типов расселения.

О методологически подходах к формированию территорий муниципальных единиц

Разрешение проблем территориальной организации местного самоуправления имеет ключевое значение в построении системы муниципальной власти в любой стране. «Материя» территориальной организации — наиболее сложный элемент в науке муниципального и конституционного права.

Задача классификации и разработки критериев, которые должны являться основой для формирования территорий и установления границ муниципальных единиц, трансформируется в задачу выявления и обоснования управляющих критериев, которые условно можно назвать критериями «порядка». К ним должны быть отнесены правовые, природно-географические, архитектурно-градостроительные, исторические. Иными словами, это комплекс тех критериев, которые непосредственно связаны «с землёй», с населёнными пунктами, историческими

традициями, сложившимися на определённой территории, историческими особенностями мест проживания. Именно критерии «порядка» — параметры «порядка» — должны предопределять систему территориального устройства местного самоуправления, поскольку они наиболее стабильны и не могут в короткий период времени (5–10 лет) быть изменены в угоду субъективным требованиям и желаниям, а для трансформации некоторых, например исторических, требуется не одно десятилетие.

Все остальные критерии, их можно назвать «подчинёнными» критериями — «подчинёнными» параметрами, несомненно, должны учитываться при формировании муниципальных единиц, особенно второго районного уровня. В группу подчинённых параметров входят, по крайней мере, следующие: политико-правовые, административно-управленческие и экономические критерии. Но и при формулировании этих параметров должны учитываться отечественные исторические традиции. В эту группу входят также критерии установления компетенции публичных образований, базирующиеся на конституционных принципах организации местного самоуправления в системе организации публичной власти в стране и общепризнанных нормах международного права, прежде всего Европейской хартии местного самоуправления. Непосредственно сопряжёнными с компетенционными критериями являются научно обоснованные бюджетные и экономические критерии эффективной деятельности муниципальных образований, учитывающие конкретные общегосударственные экономические и социальные ограничения, уровни бюджетной обеспеченности одного жителя, транспортную и иную коммуникационную доступность государственных и муниципальных услуг.

Принцип подчинённости экономических критериев базовым критериям достаточно чётко и определено

сформулирован в постановлениях Конституционного Суда РФ: требования максимальной эффективности решения социально-экономических вопросов местного значения, наличия производственной, коммуникационной и социальной инфраструктур, материально-финансовых ресурсов для осуществления деятельности органов местного самоуправления и обеспечения государственных минимальных социальных стандартов не могут быть положены в основу формирования территорий муниципальных единиц, поскольку ограничивают право граждан на местное самоуправление.

Следует отметить, что и бюджетные показатели не могут служить критериями, которые определяют допустимость существования и деятельности муниципальных единиц, поскольку в бюджетной системе любого государства существуют исторически обусловленные и укоренённые механизмы межбюджетного выравнивания, в том числе, если не в первую очередь, для поддержки более слабых в экономическом отношении как субъектов федерации, так и муниципальных единиц. Функция межбюджетного выравнивания является одной из важнейших функций любого государства – и федеративного, и унитарного.

Таким образом, комплекс критериев – правовых, градостроительных, географических и исторических – должен являться первичным для установления границ и формирования территорий муниципальных единиц. Все же другие критерии должны были быть подчинёнными по отношению к этим основным. Перечень таких критериев представлен обширным списком административных, организационных, земельно-технических и землеустроительных, технико-градостроительных и пр. К ним, в том числе, относятся и управленческие, и экономические, и инфраструктурные критерии, к которым, без сомнения, можно причислить «любимые» многими

исследователями, политиками и управленцами, но до сих пор чётко не определённые в законодательстве критерии единства городского хозяйства.

Проведённое комплексное исследование теоретических и практических результатов, полученных в географии, архитектурно-градостроительной и юридических науках, теории и практике районной планировки (территориального планирования), экономике, истории, философии, позволили провести систематизацию, апробацию и оценку возможности адаптации полученных качественных и количественных результатов применительно к целям формирования научных основ теории территориальной организации местного самоуправления. Особое значение для расширения и углубления исследований имеют незаслуженно забытые результаты обширных исследований советского времени. Несмотря на известные идеологические рамки, принципиально иные социально-экономические условия, в этих исследованиях выявлены качественные и количественные способы и методы, которые инвариантны к разным общественным условиям (методология исследования систем расселения, теории и методы районной планировки, устойчивость территориальных границ, географических и архитектурно-градостроительных границ населённых пунктов, типов расселения и др.) и которые в соотнесении их с современными результатами научных исследований необходимо адаптировать к потребностям теории и практики территориальной организации местного самоуправления.

Проведённые исследования позволили обосновать направления научной и практической адаптации результатов многолетних исследований в области географии (типы расселения [7], оценка возможности использования современных результатов [16] теории центральных мест В. Кристаллера и др.), исторической географии, архитектурно-

градостроительной науке (теоретические положения пространственного развития Российской Федерации, теория и практика районной планировки и территориального планирования, предложения по классификации населённых пунктов по критерию плотности населения и др.). Авторами проекта выявлены и подвергнуты обстоятельному анализу современные научные работы, которые могут быть объединены общей характеристикой как работы вульгарного экономического детерминизма, продолжающие исторические советские традиции приоритета экономики и хозяйственной деятельности в общественном развитии [15], хотя в них и могут преобладать декларации, как это и было в советское время, о приоритете интересов граждан. Типичными попытками «научного» обоснования новых экономических идей являются публикации и диссертационные исследования, посвящённые самодостаточности, саморазвитию публично-правовых образований [1].

Убедительным доводом отсутствия экономических аргументов в пользу, например, ликвидации поселенческого уровня местного самоуправления являются оценки авторов проекта, выполненные на основе других научных разработок [3, 12]. Именно недостаток на местном уровне числа работников лесного хозяйства, выполняющих надзорные функции, по мнению многих экспертов [11], специалистов и министра природных ресурсов и экологии России Д. Кобылкина, прозвучавшему летом 2019 г., во многом не позволял и не позволяет эффективно бороться с лесными пожарами, прежде всего на ранней стадии их возникновения. Оценка экономического ущерба только за счёт потери леса в 2010 г. составляет 300 млрд руб. Если учитывать только прямой ежегодный финансовый ущерб, причиняемый лесными пожарами в «пожароопасных» субъектах РФ, оценив возможности

использования только 10% этого ущерба для формирования среднего объёма бюджета муниципальной единицы базового первичного уровня, в который включаются и расходы на содержание муниципальных служащих, эти средства эквивалентны бюджетам 100 сельских поселений. Невосполнимые социальные потери (гибель жилья, скота, нажитого имущества, целых населённых пунктов и т.д.) и, прежде всего, гибель людей, не могут быть оценены в экономических показателях. Несмотря на то что площади и число лесных пожаров в другие годы по сравнению с катастрофическими пожарами 2002 и 2010 гг. были менее значительны, однако их тушение требовало и требует привлечения больших средств из региональных бюджетов.

С практической точки зрения на основе полученных результатов и выводов в географии, архитектурно-градостроительной науке, исходя из сложившегося распределения полномочий между Российской Федерацией и её субъектами по вопросам регулирования организации местного самоуправления и административного территориального устройства субъектов РФ, учитывающих правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам исключительного ведения субъектов РФ в сфере регулирования административного территориального устройства субъектов Российской Федерации, а также правовых позиций в отношении установления их полномочий субъектов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, могут быть предложены два направления совершенствования правового регулирования территориальной организации местного самоуправления (с учётом поправок, внесённых в Конституцию РФ в 2020 г.).

Первое направление: непосредственное установление в федеральном законодательстве параметров плотности населения, применительно к оценке различных

географических и градостроительных условий, условий пространственного развития страны для групп субъектов Российской Федерации или отдельных субъектов Российской Федерации (по выделенным типам расселения).

Второе направление: установление в федеральном законе обязанностей субъектов Российской Федерации фиксировать в законе субъекта РФ тип расселения, на основе которого должна формироваться территориальная организация местного самоуправления (требования о соотношении типов расселения и территориальной организации местного самоуправления должны быть установлены в федеральном законе). Возможен вариант, когда в законе субъекта РФ будет устанавливаться требование о том, что территориальная организация местного самоуправления формируется на основе административного территориального деления субъекта Российской Федерации (это положение может быть пересмотрено лишь через 10 лет – такой срок основан на стабильности системы расселения, несмотря на возможные процессы депопуляции).

В организационном аспекте необходимо создание общефедеральной системы оценки содержания и экспертного сопровождения принимаемых законов субъектов Российской Федерации по вопросам территориальной организации местного самоуправления.

Заключение

При реализации научного проекта авторы исходили из международно-признанного предназначения местного самоуправления, исторического опыта земского и городского самоуправления в России как одного из важных элементов системы территориальной организации публичной власти в государстве, а также важнейшего значения этого института в пространственном развитии Российской Федерации. По мнению авторов, принципиальной

методологической установкой в теории территориальной организации местного самоуправления для анализа проблем территориальной организации местной власти в теории и на практике, проблем и принципов реформирования территориального устройства местного самоуправления, должна являться «консервативная» позиция. Её сущность заключается в отказе от выдвижения и научного обоснования каких бы то ни было радикальных предложений по изменению и преобразованию исторически сложившегося территориального устройства публичной власти в государстве. Однако это не означает, что любые изменения в этой сфере общественных отношений недопустимы. Напротив, такие изменения и допустимы, и целесообразны, и эффективны, если они фиксируют уже сложившееся положение, не разрушают исторические традиции и поддерживаются жителями соответствующих территорий.

В рамках реализации проекта были получены единственные в своём роде за последние годы результаты социологических исследований, выявлено отношение граждан, экспертов, муниципальных и государственных служащих к проводимым в субъектах Российской Федерации преобразованиям в системе территориальной организации местного самоуправления. Проблема не может быть сведена только к формальному выявлению мнения населения при тайном голосовании, но должна включать в себя и научный, в том числе социологический, анализ общественно значимых социальных последствий таких преобразований. Эта позиция сформирована в результате анализа публикаций классиков географической и исторической науки, некоторых учёных-градостроителей, занимающихся проблемами пространственного развития страны, а также многочисленных современных исследований в других, неюридических областях знаний [8, 9, 11, 13].

На основе комплексного анализа результатов, достигнутых в географических, исторических, архитектурно-градостроительных, экономических, организационно-управленческих сферах научных исследований сформированы и обоснованы практико-ориентированные предложения по формированию теории территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации, предложены методологические подходы для выделения управляющих и подчинённых параметров (критериев) определения территорий и установления границ муниципальных образований разного вида (типа).

В дальнейшем представляется необходимым проведение исследований, которые позволили бы в рамках предложенной классификации параметров (критериев) определения территорий и установления границ муниципальных образований разработать и обосновать выверенные юридические формулировки параметров, критериев, принципов территориальной организации местного самоуправления, предлагаемых разными авторами, а также обосновать их иерархию в пределах предложенного деления на управляющие и подчинённые параметры (критерии).

В публикациях, осуществлённых в ходе реализации проекта, представлены и обоснованы возможные варианты изменения федерального законодательства, обусловленные внесением в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации. Разработанные в результате реализации научного проекта методологические подходы имеют теоретическое и научно-практическое значение, позволяющее использовать их в междисциплинарных исследованиях территориальной организации публичной власти. Особое значение будет иметь направление исследований, связанное с прогнозом и обоснованием возможных вариантов изменения федерального законодательства о местном самоуправлении и изучением практики территориальной организации местного самоуправления, обусловленное внесением в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации.

Результаты проведённого исследования позволяют сделать вывод о необходимости формирования в конституционном и муниципальном праве целостной теории территориальной организации местного самоуправления, а если шире, то и междисциплинарной теории территориальной организации публичной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюхин А.Ю. Формирование и оценка экономической самодостаточности муниципальных образований в современной России: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2016.
2. Аникеев В.В., Владимиров В.В. Градостроительные проблемы совершенствования административно-территориального устройства. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
3. Брюханов А. «Лесопожарный ликбез»: 12 ошибочных мнений о природных пожарах // Устойчивое лесопользование. 2011. № 3 (28). С. 11–21.
4. Дементьев А.Н. Территориальная организация местного самоуправления в Российской Федерации (1990–2018 годы): монография. М.: Норма, 2020.
5. Дементьев А.Н., Дементьева О.А., Бондарь В.Н. Территориальная организация местного самоуправления: тенденции, критерии, перспективы: монография / Под ред. А.Н. Дементьева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.
6. Добрынин Н.М. Новый федерализм. Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2003. С. 16–18.
7. Ковалёв С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. М.: Изд-во МГУ, 1980.

8. Манаков А.Г. Методика историко-географического районирования староосвоенных территорий на микроуровне (на примере Псковской области) // Псковский регионологический журнал. 2014. № 19. С. 83–96.
9. Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск, 1990.
10. Новокрещенов А.В. Территориальная организация сельского поселения: от сельсовета к муниципалитету // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2017. № 3. С. 14–18.
11. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа / Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017.
12. Рязанцев С.В. Возвращаясь к итогам горячего лета – 2010 // Экология и жизнь. 2011. № 5 (114).
13. Тархов С.А. Основные пространственные закономерности эволюции сетки административно-территориального деления России за 300 лет // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 16–33.
14. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.
15. Швецов А.Н. Экономические основания выбора размеров муниципальных образований // Пространственная экономика. 2007. № 3. С. 43–61.
16. Шупер В.А. Характерное пространство в теоретической географии // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2014. № 4. С. 5–15.
17. Dollery B., Byrnes J., Crase L. Is Bigger Better? Local government amalgamation and the South Australian rising to the challenge inquiry // Economic Analysis & Policy. 2007. № 37 (1). P. 1–14.
18. Territorial reform in Europe: does size matter? Tools for local and central authorities. Centre of expertise for local government reform, Council of Europe. November 2017.

ENGLISH

Problems of Territorial Organization of Local Self-Government as One of the Levels of Public Power

Aleksandr N. Dementyev – Doctor of Science (Law), Civil Service Adviser, 2nd class, supervisor of the project “Complex Research of Tendencies of Transformation of the Territorial Organization of Local Government in the Russian Federation (2003–2017)” (18-011-00551a).
E-mail: dahalex@mail.ru

This study presents an analytical overview of trends in the transformation of municipal units in the Russian Federation and in other countries from late 20th century to early 21st century. Interdisciplinary studies on the territorial foundations of the Russian Federation self-government are reviewed and analyzed. Based on the results, control (“order”) and subordinate criteria for the formation of territories of municipal units are identified and justified.

Keywords: territorial organization, municipal unit, administrative-territorial division, legal, economic, social, geographical, town-planning factors

REFERENCES

1. Andryuhin A.Yu. Formirovanie i ocenka ekonomicheskoy samodostatochnosti municipal'nyh obrazovanij v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Volgograd, 2016 (in Russian).
2. Anikeev V.V., Vladimirov V.V. Gradostroitel'nye problemy sovershenstvovaniya administrativno-territorial'nogo ustrojstva. Moscow: Editorial URSS, 2002 (in Russian).
3. Bryuhanov A. "Lesopozharnyj likbez": 12 oshibochnyh mnenij o prirodnyh pozharah // Ustojchivoe lesopol'zovanie. 2011. № 3 (28). S. 11–21 (in Russian).
4. Dement'ev A.N. Territorial'naya organizaciya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii (1990-2018 gody): monografiya. Moscow: Norma, 2020 (in Russian).
5. Dement'ev A.N., Dement'eva O.A., Bondar' V.N. Territorial'naya organizaciya mestnogo samoupravleniya: tendencii, kriterii, perspektivy: monografiya / Pod red. A.N. Dement'eva. Moscow: Norma: INFRA-M, 2021 (in Russian).
6. Dobrynin N.M. Novyj federalizm. Model' budushchego gosudarstvennogo ustrojstva Rossijskoj Federacii. Novosibirsk, 2003. S. 16–18 (in Russian).
7. Kovalev S.A., Koval'skaya N.Ya. Geografiya naseleniya SSSR. Moscow: Izd-vo MGU, 1980 (in Russian).
8. Manakov A.G. Metodika istoriko-geograficheskogo rajonirovaniya staroosvoennyh territorij na mikrourovne (na primere Pskovskoj oblasti) // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2014. № 19. S. 83–96 (in Russian).
9. Mosunov V.P., Nikul'nikov Yu.S., Sysoev A.A. Territorial'nye struktury rajonov novogo osvoeniya. Novosibirsk, 1990 (in Russian).
10. Novokreshchenov A.V. Territorial'naya organizaciya sel'skogo poseleniya: ot sel'soveta k municipalitetu // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2017. № 3. S. 14–18 (in Russian).
11. Nefedova T.G. Desyat' aktual'nyh voprosov o sel'skoj Rossii: otvety geografa / Izd. 2-e. Moscow: LENAND, 2017 (in Russian).
12. Ryazancev S.V. Vozvrashchayas' k itogam goryachego leta – 2010 // Ekologiya i zhizn'. 2011. № 5 (114) (in Russian).
13. Tarhov S.A. Osnovnye prostranstvennye zakonomernosti evolyucii setki administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii za 300 let // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2019. № 4 (40). S. 16–33 (in Russian).
14. Habrieva T.Ya., Klishas A.A. Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti". Moscow: Norma: INFRA-M. 2020 (in Russian).
15. Shvecov A.N. Ekonomicheskie osnovaniya vybora razmerov municipal'nyh obrazovanij // Prostranstvennaya ekonomika. 2007. № 3. S. 43–61 (in Russian).
16. Shuper V.A. Harakternoe prostranstvo v teoreticheskoy geografii // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Ser. geograficheskaya. 2014. № 4. S. 5–15 (in Russian).
17. Dollery B., Byrnes J., Crase L. Is bigger better? Local government amalgamation and the South Australian rising to the challenge inquiry // Economic Analysis & Policy. 2007. № 37 (1). P. 1–14.
18. Territorial reform in Europe: does size matter? Tools for local and central authorities. Centre of expertise for local government reform, Council of Europe. November 2017.

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 82-091

Код ГРНТИ 170991

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-76-86

**А.Ю. СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС,
О.Н. КУПЦОВА***

«За пядью пядь»: Летопись жизни и творчества Б.Л. Пастернака

Летопись жизни и творчества — особый научный жанр, представляющий собой базовый материал не столько для биографии поэта, сколько для исследования его творческого наследия. Десятилетия изучения творчества Бориса Леонидовича Пастернака позволяют сейчас провести работу по собиранию материала для летописного хронологического свода. Однако распределение этого материала по разным периодам жизни Пастернака неравномерно: ранние годы, особенно до издания книги «Сестра моя жизнь», страдают отсутствием большого количества источников, за исключением эго-документов. Зачастую в таких случаях приходится использовать как материал само художественное творчество поэта. Составление «Летописи» выявляет множество дополнительных источников, вводит в научный оборот архивные документы, позволяет расширить представление не только о жизни и творчестве Пастернака, но и обо всей культурной эпохе.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, «Летопись жизни и творчества», биография, установление датировки

Борис Леонидович Пастернак (фото 1) прожил долгую (1890–1960) и очень насыщенную жизнь. Она пришлась на ту историческую эпоху, когда на карте мира появлялись и исчезали государства, в огне мировых войн безжалостно кроились человеческие судьбы, когда произошёл разлом

истории, в котором исчезла старая Россия. Пастернаку довелось пережить первую русскую революцию, мировую и Гражданскую войны, революцию 1917 г., ужас военного коммунизма, бурные 1920-е, «великий перелом», время большого террора, Великую отечественную войну, реакцию послевоенных лет,

* **Сергеева-Клятис Анна Юрьевна** — доктор филологических наук, заведующая кафедрой литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Летопись жизни и творчества Б.Л. Пастернака» (20-012-00110а).

E-mail: nnklt1@gmail.com

Купцова Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: okouptsova@yandex.ru

разоблачение сталинизма, хрущёвскую оттепель. На фоне большой истории происходили важные события малой, личной истории поэта, а также невероятной значимости культурные сдвиги, причиной которых было его творчество. Попытка совместить все эти пласты и создать биографическую хронику Пастернака или летопись его жизни и творчества — фактически выполнение задачи, поставленной перед исследователями самим поэтом в программном стихотворении «Быть знаменитым некрасиво»: «Другие по живому следу // Пройдут мой путь за пядью пядь...».

Летопись жизни и творчества как научный жанр

Для любого исследователя-филолога очевидно, что «Летопись жизни и творчества» — это базовый, фундаментальный материал, на который опирается не только составитель научной биографии, но и специалист по истории литературы, интерпретатор художественных произведений. Значение контекста необходимо для проникновения в замысел и поэтику произведения. И чем точнее данные об эпохе, личности автора, его многообразных связях с миром, знакомствах, биографических перипетиях и т.п., тем более весом основанный на них анализ.

Добросовестный исследователь, руководствуясь своими научными интересами, каждый раз заново неминуемо составляет краткую летопись определённого периода творчества писателя, которым он занимается в настоящее время. Объём источников, на которые ему требуется опереться, огромен, многие из них труднодоступны. В результате подготовительная работа к исследованию порой занимает больше времени, чем само исследование. Выхода, однако, нет — любая концепция нуждается в аргументации и проверке. В тех, к сожалению, достаточно редких случаях, когда творческий путь писателя представлен

Фото 1. Б.Л. Пастернак. 1908

в виде «Летописи», задача исследователя многократно упрощается, даже если «Летопись» не полна.

Примерно то же можно сказать и о значимости библиографии для изучения любой темы. Практически невозможно найти исчерпывающую библиографию по творчеству писателя или по одному из его произведений, хотя бы потому, что книга издаётся единожды, а новые работы появляются всё время. Но и неполная библиография облегчает труд исследователя.

Частично задачи «Летописи» берёт на себя научно откомментированное академическое собрание сочинений. Однако академических собраний в нашей филологической науке не так много, даже если рассматривать русскую классику XIX в. О веке двадцатом и говорить не приходится.

Ныне интерес учёных к жанру «Летописи» вырос. Буквально за последние годы было завершено и выпущено сразу несколько летописных сводов:

А.А. Ахматовой, С.А. Есенина, Н.С. Гумилёва; продолжает собираться летопись И.А. Бунина. Они отличаются друг от друга подходом авторского коллектива к материалу, большей или меньшей детальностью в освещении фактов, но вне зависимости от стратегии представляют собой фундаментальные исследования не только для изучения творчества названных художников, но и для всей отрасли.

Богатство и бедность материала

Творчество и биография Б.Л. Пастернака — предмет самого скрупулезного изучения на протяжении по крайней мере 30 лет, даже если не принимать во внимание длительного периода накопления материала, который начался ещё при его жизни преимущественно в русском зарубежье и продолжился после смерти поэта.

Не считая огромного количества исследований и статей, вышедших по всему миру за эти годы, можно назвать четыре значимых биографии поэта [1–4], одна из которых, принадлежащая авторству Е.Б. Пастернака, стала энциклопедией и источником ценных сведений для разных областей пастернаковедения. Опубликовано множество документов, стараниями Е.Б. и Е.В. Пастернаков составлено и выпущено 11-томное собрание сочинений поэта [5], несколько книг его переписки [6–10]. Уже трижды переиздавались воспоминания современников о Пастернаке. Вышли книги воспоминаний его брата и сестры [11, 12]. Чтобы не продолжать этот бесконечный список, подытожим: накопилось достаточное количество материала, чтобы приступить к объёмному и трудоёмкому проекту — составлению летописи жизни и творчества. Как ни странно, до сих пор ни одной попытки составить более или менее подробную хронологию творческого пути Пастернака не предпринималось, за исключением вынужденно размытой, ознакомительной хроно-

логической канвы, предваряющей произведения Пастернака, изданные в одном томе [13].

Существует представление, что долгая, 70-летняя жизнь Пастернака хорошо задокументирована. Действительно, если посмотреть на список мемуаристов, оставивших свои воспоминания о поэте, он разворачивается в десятки имён. Количество писем, написанных поэтом за его жизнь, намного превышает три многостраничных тома, приближается к двум тысячам. Он был всегда на виду, становился предметом обсуждения в критических статьях, события его жизни фиксировались в газетах, записывались в дневники его современниками. Всё это верно, однако только отчасти. Такое густое документирование фактов его жизни началось тогда, когда для окружающих стала очевидна роль Пастернака в литературе, а еще более — когда стал заметен масштаб его личности: иными словами, после войны. Действительно, количество источников, которые покрывают поздний период творческой биографии Пастернака, связанный преимущественно с годами работы над «Доктором Живаго» и в особенности последующими событиями, огромен.

Значительно меньше документальных сведений о Пастернаке приходится на 1920–1930-е гг.: его фигура зачастую теряется на фоне тех тектонических процессов, которые происходят в обществе. Хотя мемуаристы фиксируют его глубоко индивидуальную позицию по отношению к происходящему, но такие воспоминания, как правило, эпизодичны. Правда, в этот период берёт начало наибольшее количество дневниковых записей, зачастую охватывающих очень большие временные отрезки: А.Н. Афиногенова [5, т. 11, с. 261–272], А.К. Тарасенкова [Там же, с. 158–184], С.Д. Спасского [14], Л.К. Чуковской [5, т. 11, с. 401–452], К.И. Чуковского [Там же, с. 297–320] и др. Эти материалы для составления «Летописи жизни и творчества» поистине бесценны.

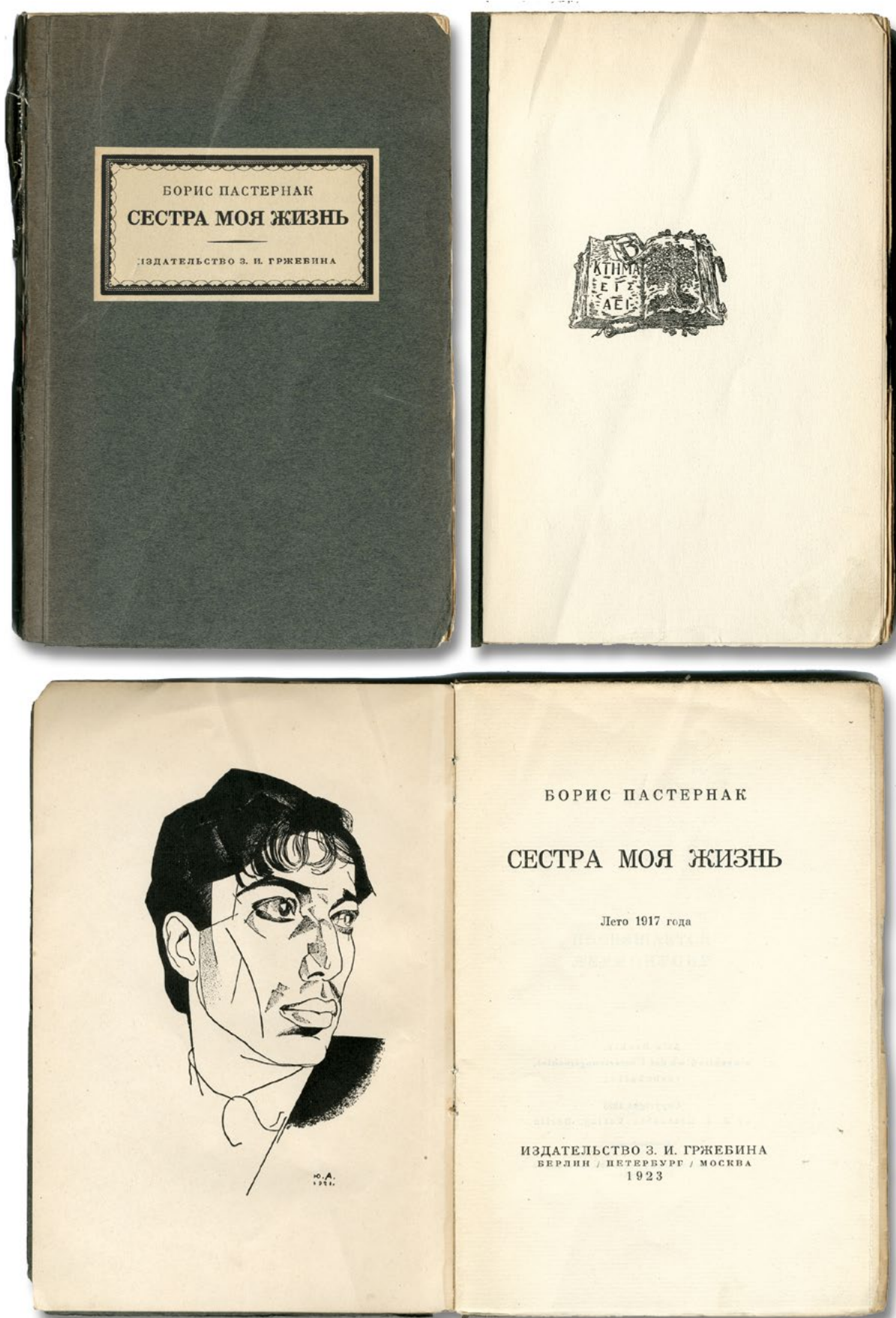

Фото 2. Книга «Сестра моя жизнь». 1923

Способы установления датировок

Наименее задокументированный период пастернаковской биографии — до 1922 г., иными словами, до выхода в свет книги «Сестра моя жизнь» (фото 2). Здесь фактически единственным несомненным источником могут быть только письма, к примеру, переписка с двоюродной сестрой О.М. Фрейденберг или с близким другом А.Л. Штихом. В этом отношении наиболее информативны те периоды, когда Пастернак уезжал из дома и охотно переписывался с родителями, сестрами и друзьями, остававшимися в Москве. К таким периодам относится, например, его пребывание в Марбурге в 1912 г. или на Урале в 1916 – начале 1917 г.

Мемуарная литература, как правило, вообще предлагает крайне расплывчатые датировки. Особенно сложно устанавливать их, когда не существует ни дневниковых записей, ни инскриптов, ни газетных заметок о Пастер-

наке, а публикаций (его и о нём) крайне мало. Таким образом, почти каждая дата становится предметом специальных разысканий, многие из которых облегчаются очевидными датировками исторических событий, так или иначе отразившихся в творчестве.

К примеру, приблизительно таким образом находятся даты вокруг двух стихотворений поэтической книги Пастернака «Сестра моя жизнь». Первая из них — 26 мая 1917 г. В этот день Пастернак вместе со своей возлюбленной Е.А. Виноград — адресатом и героиней книги «Сестра моя жизнь» — присутствовал на восторженной встрече военного и морского министра Временного правительства А.Ф. Керенского в Москве на Театральной площади, куда он прибыл на митинг-концерт, проходивший в Большом театре. Газета «Утро России» сообщала: «А.Ф. Керенский в автомобиле, убранном красными пунцовыми розами, в сопровождении штаба уехал

Фото 3. Триумф Керенского в Москве. 1917

в Совет Солдатских Депутатов. По дороге ему бросали цветы в автомобиль, и везде за ним неслись клики “ура”, “да здравствует Керенский» [15] (фото 3). Дата этой исторической встречи известна. Установить, что Пастернак присутствовал на Театральной площади, когда Керенский уезжал из Большого театра, возможно только по поэтическому тексту «Весенний дождь», не датированному, как и все стихотворения книги «Сестра моя жизнь». Однако в нём очевидно выражено личное, живое впечатление от этой встречи [16]:

В чьём это сердце вся кровь его быстро
Хлынула к славе, схлынув со щёк?
Вон она бьётся: руки министра
Рты и аорты сжали в пучок.

Это не ночь, не дождь и не хором
Рвущееся: «Керенский, ура!»,
Это слепящий выход на форум
Из катакомб, безысходных вчера.

Подобным образом устанавливаются события, приуроченные к другой дате: 24–25 мая 1917 г. В эти дни Пастернак написал стихотворение «Свистки милиционеров». В первой редакции оно называлось «Уличная» и начиналось со слов: «Мётлы бастуют». Это название даёт ключ к датировке стихотворения. 24 мая после многолюдного митинга на Миусской площади началась забастовка, а 25 мая по всему городу прошла демонстрация дворников [17, с. 248]. В эти же числа вместе с Е.А. Виноград Пастернак в ночные часы оказывается в парке Сокольники, приметы которого упоминаются в стихотворении: Тиволи — название театра-варьете в Сокольниках, где в 1917 г. была особая весенняя и летняя программа «концертов-кабаре». В тексте стихотворения есть упоминание обронённого милицейского свистка:

И там, где тускнеет восток
Чахоткою летнего Тиволи,
Валяется дохлый свисток,
В пыли агонической вывалян.

«Дохлый свисток» тоже находит своё объяснение через датировку. В газетах сообщалось о действиях милиции в Сокольниках: 21 мая в сокольнической роще милиция и полурота солдат провели обыски во всех чайных палатках — искали спиртное, действовал сухой закон. У находившейся в Сокольниках публики милиция требовала паспорта и документы, задержанных отправляли в комиссариат. Пастернак и Е.А. Виноград оказались в Сокольниках уже после активных действий милиции в парке и во время забастовки дворников. Мы видим, как поиск даты одновременно даёт материал для реального комментария к стихотворению. То, что, вероятно, не так важно для поэтики другого автора, для Пастернака оказывается в высшей степени существенным: многие из его «сложных» образов нуждаются исключительно в реальном комментарии для того, чтобы обрести прозрачность.

Определение даты по художественным текстам, конечно, всегда содержит скрытые опасности: реальный мир не отражается в них, как в зеркале, но модифицируется и преломляется в зависимости от цели и замысла поэта, поэтому такие датировки всё равно нуждаются в уточнении. Однако за неимением документальных источников, приходится полагаться на художественные.

Ещё одну подобную подсказку содержит стихотворение Пастернака того же самого времени «Воробьёвы горы». Не датированное поэтом, как и все стихотворения книги «Сестра моя жизнь», оно посвящено описанию совершенно определённого дня:

Дальше — воскресенье. Ветки отрывая,
Разбежится просек, по траве скользая.
Просевая полдень, Троицын день, гулянье,
Просит роща верить: мир всегда таков.
Так задуман чащей, так внушён поляне,
Так на нас, на ситцы пролит с облаков.

21 мая 1917 г. отмечался православный праздник Троицы, Пастернак с Е.А. Виноград (фото 4) участвовали в народных

Фото 4. Елена Виноград. Конец 1910-х гг.

гуляниях на Воробьёвых горах. Вне зависимости от того, когда было написано само стихотворение, его сюжет подсказывает однозначную датировку описанных в нём событий.

Одна из значительных проблем составления «Летописи» заключается в изменении календаря. Разница между старым и новым стилями в принципе устойчива и очевидна для периода 1890–1918 гг. Однако ошибки в исследовательской литературе настолько часты, что каждая дата нуждается в пересчёте¹. Особая сложность возникает в тех случаях, когда корреспонденция идёт через границу. Как правило, тогда письма датируются двумя числами — по летоисчислению Европы и по русскому календарю. Но попадают и единичные даты, что застав-

ляет, опираясь на имеющиеся в распоряжении факты, устанавливать, к какому стилю она относится. В тех случаях, когда события жизни Пастернака до 1918 г. переносятся за границу, они помечаются в «Летописи» двойной датой.

Приведём пример установления датировки двух важных для Пастернака событий, связанных с его марбургским периодом 1912 г. В письме к своему близкому другу А.Л. Штиху от 14/27 июня 1912 г. Пастернак пишет: «Сейчас — взял у Когена реферат! О, о, о! Осталось 4 дня. Я не приступал. Отказаться нельзя. Хочу приступить сегодня. Вдруг письмо. Из Франкфурта (2 часа отсюда). Оля! Еду во Франкфурт, снисходительная страна света. Отказаться нельзя. И это единственный раз в жизни — с Когеном» [5, т. 7, с. 113].

Речь здесь идёт о двух событиях: предстоящем докладе на семинаре у профессора философии Германа Когена (фото 5), у которого в это время учился Пастернак в Марбургском университете, и о поездке во Франкфурт к двоюродной сестре О.М. Фрейденберг.

Произведя нехитрую математическую операцию, легко вычисляем, что доклад у Когена состоялся 18 июня / 1 июля. В письме к родителям от 22 июня / 5 июля Пастернак пишет: «Что я читал в семинаре реферат и что Коген доволен очень, это ничего, собственно, не составляет. <...> Коген был доволен и не только не будет иметь против, но даже рад будет моему повторному появлению за общим столом с ним» [8, с. 82]². Очевидно, что в ближайшее время запланирован второй доклад у Когена. О нём мы узнаём из письма А.Л. Штиху: «Сегодня я читал второй раз Когену» [5, т. 7, с. 117]. Таким образом, довольно точно восстанавливаются даты и события:

¹ Учитываем ошибки и разночтения в параллельных и авторитетных изданиях: например, в Полном собрании сочинений Пастернака в 11 т. и в тематических сборниках писем одни и те же письма зачастую датированы близкими, но разными датами.

² Заметим, что в датировке этого письма допущена ошибка: 22 июня/4 июля [8, с. 80]. При пересчёте уточняем: 22 июня соответствует по новому стилю 5 июля.

Июнь, 18 (июль, 1). *Марбург*.
Пастернак читает реферат на семинаре Когена. Коген приглашает его выступить и на следующем семинаре.

Июнь, 26 (июль, 9). *Марбург*.
Пастернак второй раз реферировал вместе с Когеном у него на семинаре: «...Я читал Канта, разбирая с Когеном прочтённые места» [5, т. 7, с. 117].

Сомнение вызывает тот факт, что семинары у Когена проходили по вторникам: 26 июня / 9 июля — это вторник, а 18 июня / 1 июля — понедельник. Однако в письмах Пастернака из Марбурга при тщательном изучении находится упоминание о неурочных «понедельничных» семинарах Когена.

Дату встречи с О.М. Фрейденберг во Франкфурте установить совсем просто — по письмам, которыми они обменивались. 14 (27) июня Пастернак пишет о своём приезде: «В пятницу к завтраку низко тебя привечу. То есть завтра» [5, т. 7, с. 115]. Дата установлена: 15 (28) июня Пастернак отправляется во Франкфурт, где проводит день со своей двоюродной сестрой О.М. Фрейденберг. Известно также, что обратно он вернулся в тот же вечер, поскольку тем же 15-м числом датировано посланное ему вдогонку письмо от О.М. Фрейденберг, в котором она объясняет неудачу их свидания (фото 6).

Отметим густоту датировок в приведённом коротком фрагменте. Такая густота сохраняется практически для всего марбургского периода Пастернака, который задокументирован, вероятно, лучше, чем какой-либо другой. Переписка с родителями, сестрой и братом, университетским приятелем К.Г. Локсом, близким другом А.Л. Штихом, кузиной О.М. Фрейденберг, в подкрепление к этому автобиографизм «Охранной грамоты»,

Фото 5. Герман Коген. Рисунок Л.О. Пастернака. 1912

подробно описывающей этот период, — всё это даёт представление практически о каждом дне, прожитом Пастернаком в Марбурге. А это в свою очередь — бесценный материал для исследователя: с 25 апреля (8 мая) по 22 июля (4 августа) Пастернак пережил важнейшую психологическую метаморфозу, творческое самоопределение. Без этого материала наше представление не только о его биографии, но и о поэтическом пути было бы, без сомнения, неполным.

Составление «Летописи жизни и творчества Б.Л. Пастернака» — «дистанция огромного размера». Упомянутая выше хронологическая разрежённость первых десятилетий сменяется невероятно уплотнённой реальностью 1950-х гг., резко увеличивается число источников. С одной стороны, упрощается сам механизм датировки, с другой — возрастает интенсивность поиска. Эта работа оказывается чрезвычайно значимой ещё по одной причине: круг

Фото 6. О.М. Фрейденберг. Петербург. 1905–1907 гг.

пастернаковских материалов расширяется. Вводятся в научный оборот архивные источники, публикуются новые мемуарные свидетельства, эпистолярный. Среди таких находок последнего времени — длившаяся 40 лет переписка между Л.О. Пастернаком и его другом московским искусствоведом и коллекционером П.Д. Эттингером, не только позволяющая уточнить многие даты биографии поэта, но и дающая обширный дополнительный материал по истории культуры; дневники и воспоминания К.Г. Локса, с которым Б.Л. Пастернак дружил и общался несколько десятилетий, начиная с университетских годов; письма и дневники С.П. Боброва, соратника Пастернака по футуристическому объединению «Центрифуга», мемуары переводчицы Агнессы Кун и т.д. Таким образом, работа на «Летописью» не только обогащает узкую область истории литературы — пастернаковедение, но и даёт возможность значительно углубить наши знания о современниках Пастернака и его эпохе.

В осуществлении исследовательского проекта по составлению «Летописи жизни и творчества Б.Л. Пастернака» неоценимую помощь оказывает независимый исследователь Р.А. Лихт (Израиль).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989.
2. Barnes Ch.J. Boris Pasternak: a literary biography. In 2 vol. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004.
3. Быков Д.Л. Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2005.
4. Сергеева-Клятис А.Ю. Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2015.
5. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.: Слово, 2003–2005.
6. Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырёх десятилетий. Stanford: Stanford Slavic Studies. Vol. 10. 1996.
7. Борис Пастернак. Пожизненная привязанность: Переписка с О.М. Фрейденберг. М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000.
8. Марина Цветаева, Борис Пастернак. «Души начинают видеть»: Письма 1922–1936 г. М.: Вагриус, 2004.

9. Борис Пастернак: Письма к родителям и сестрам. 1907–1960. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
10. «Существованья ткань сквозная»: Б. Пастернак. Переписка с Евг. Пастернак, дополненная письмами к Е.Б. Пастернаку и его воспоминаниями. М.: Редакция Елены Шубиной, 2017.
11. Пастернак А.Л. Воспоминания. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
12. Пастернак Ж.Л. Хождение по канату. М.: Три квадрата, 2010.
13. Пастернак Б.Л. Сочинения. М.: Книжная палата, 2001. С. 9–60.
14. Из дневника С.Д. Спасского // Пастернаковский сборник. Вып. 1. М.: РГГУ, 2011. С. 421–450.
15. [Б.а.] А.Ф. Керенский в Москве // Утро России. 27 мая 1917. № 130. С. 1.
16. Сергеева-Клятис А.Ю. Май 1917-го в стихотворении Пастернака «Весенний дождь»: между интертекстуальностью и реально-историческим комментарием // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы: исследования и материалы, 1917–2017. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 290–298.
17. Поливанов К.М. «Свистки милиционеров»: реальный комментарий к одному стихотворению книги «Сестра моя жизнь» // Поливанов К.М. Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. С. 247–250.

ENGLISH

“Inch by Inch”: Chronicle of Life and Creativity of Pasternak

Anna Yu. Sergeeva-Klyatis – Doctor of Science (Philology), Head of the Department of Literary and Artistic Criticism and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (MGU), head of the project “Chronicle of Life and Creativity of B.L. Pasternak” (20-012-00110a).
E-mail: nnkltis1@gmail.com

Olga N. Kuptsova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor at the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (MGU), executor of the same project.
E-mail: okouptsova@yandex.ru

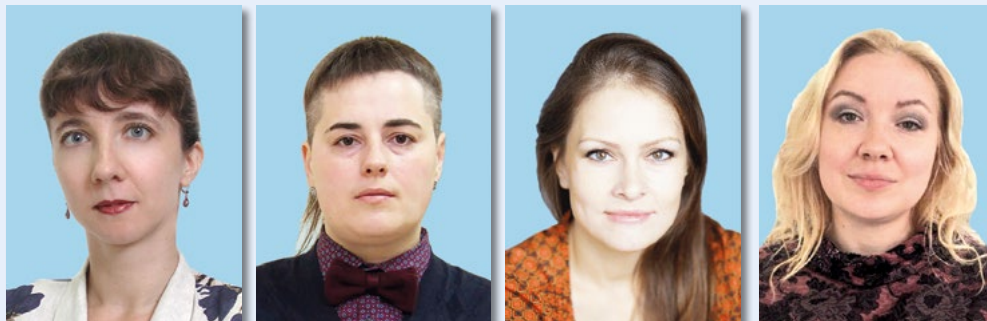
The chronicle of life and creativity is a special scientific genre, a basic material that not only focuses on the biography of the poet but also his creative heritage. Decades of study on the works of B.L. Pasternak now allow us to carry out a collection for a chronological codex. However, the distribution of such materials over different periods of Pasternak’s life is uneven. His early years, especially before the publication of the book “My Sister’s Life,” lack much needed sources, with the exception of ego documents. Such cases often necessitate the use of the poetry itself as a material. The compilation of the “Chronicle” reveals various additional sources and introduces archival documents into scientific circulation. As such, we can expand our vision not only of Pasternak’s life and works, but also of the entire cultural epoch.

Keywords: Boris Pasternak, “The chronicle of life and creativity”, biography, identification of dating

REFERENCES

1. Pasternak E.B. Boris Pasternak: Materialy' dlya biografii. Moscow: Sovetskij pisatel', 1989 (in Russian).
2. Barnes Ch.J. Boris Pasternak: a literary biography. In 2 vol. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004.
3. By'kov D.L. Pasternak. Moscow: Molodaya gvardiya, 2005 (in Russian).
4. Sergeeva-Klyatis A.Yu. Pasternak. Moscow: Molodaya gvardiya, 2015 (in Russian).
5. Pasternak B.L. Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. Moscow: Slovo, 2003–2005 (in Russian).
6. Boris Pasternak i Sergej Bobrov: Pis'ma chety'ryox desyatiletij. Stanford: Stanford Slavic Studies. Vol. 10. 1996.
7. Boris Pasternak. Pozhiznennaya privyazannost': Perepiska s O.M. Frejdenberg. Moscow: ART-FLEKS, 2000 (in Russian).
8. Czvetavaeva M., Pasternak B. "Dushi nachinayut videt'": Pis'ma 1922–1936 g. Moscow: Vagrius, 2004 (in Russian).
9. Boris Pasternak: Pis'ma k roditelyam i sestram. 1907–1960. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004 (in Russian).
10. "Sushhestvovan'ya tkan' skvoznaya": B. Pasternak. Perepiska s Evg. Pasternak, dopolnennaya pis'mami k E.B. Pasternaku i ego vospominaniyami, Moscow: Redakciya Eleny' Shubinoj, 2017 (in Russian).
11. Pasternak A.L. Vospominaniya. Moscow: Progress-Tradiciya, 2002 (in Russian).
12. Pasternak Zh.L. Xozhdenie po kanatu. Moscow: Tri kvadrata, 2010 (in Russian).
13. Pasternak B.L. Sochineniya. Moscow: Knizhnaya palata, 2001. S. 9–60 (in Russian).
14. Iz dnevnika S.D. Spasskogo // Pasternakovskij sbornik. Vyp. 1. Moscow: izd-vo RGGU, 2011. S. 421–450 (in Russian).
15. [B.a.] A.F. Kerenskij v Moskve // Utro Rossii. 27 maya 1917. № 130. S. 1 (in Russian).
16. Sergeeva-Klyatis A.Yu. Maj 1917-go v stixotvorenii Pasternaka "Vesennij dozhd'": mezhdou intertekstual'nost'yu i real'no-istoricheskim kommentariem // Perelom 1917 goda: revolyucionny'j kontekst russkoj literatury': issledovaniya i materialy', 1917–2017. Moscow: IMLI RAN, 2017. S. 290–298 (in Russian).
17. Polivanov K.M. "Svistki milicionerov": real'ny'j kommentarij k odnomu stixotvoreniyu knigi "Sestra moya zhizn'" // Polivanov K.M. Pasternak i sovremenniki. Biografiya. Dialogi. Paralleli. Prochteniya. Moscow: ID GU VShE', 2006 (in Russian).

Индекс УДК 11.161.1/42:811.161.1'38
Код ГРНТИ 16.21.21
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-87-100

В.В. КАТЕРМИНА, Н.А. РЯБЧЕНКО, О.П. МАЛЫШЕВА, А.А. ГНЕДАШ*

Лингвистические модели социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве

Цель исследования — на основе комплексного анализа сетевых данных выявить и описать новые лингвистические модели социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве; определить сущность и роль дискурсивных полей в образовании и развитии конструктивного и деструктивного коммуникативного потенциала социального действия; на основе качественного и количественного анализа сетевых данных выявить и описать модели функционирования дискурсивных полей; типологизировать лингвистические паттерны как конструктивный и деструктивный потенциалы влияния дискурсивных полей на развитие социально-политических систем в эпоху «постправды».

Цифровой контекст эпохи «постправды», обусловленный сетевизацией и дигитализацией всех сфер жизни, трансформирует сетевой контент, составляющий основу дискурсивных полей в онлайн-пространстве. Исследуемый кейс предвыборной кампании Д. Трампа в социальной сети Twitter в марте–июне 2020 г. визуализирует, как дискурсивные поля и продуцируемые ими лингвистические паттерны инициируют социально-политические действия/практики, направленные на поддержку или протест в отношении действующего президента и кандидата на пост Президента США, в условиях латентного развёртывания иммиграционных вопросов и под давлением распространяющейся пандемии COVID-19.

* **Катермина Вероника Викторовна** — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (КубГУ), руководитель проекта «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (20-012-00033).

E-mail: katermina_v@mail.ru

Рябченко Наталья Анатольевна — кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования КубГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: rrrnatali@mail.ru

Малышева Ольга Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии КубГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: malisheva_83@mail.ru

Гнедаш Анна Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: anna_gnedash@inbox.ru

Делается вывод о том, что стратегия использования рекуррентных сообщений для формирования дискурсивных полей в онлайн-пространстве в условиях назревших внутренних государственных проблем и глобальной внешней угрозы приводит к возникновению «разрывов» на границе ядра дискурсивного поля. Данные разрывы создают условия для возникновения альтернативных дискурсивных полей, имеющих высокий потенциал инициации трансформаций социально-политических систем за счёт продуцирования комплексных, устойчивых конструкторов – лингвистических паттернов.

Инновационный анализ сетевых лингвистических данных был осуществлён на примере исследования асинхронного дискурсивного поля Pizzagate. Исследование кейса Pizzagate позволило нам определить, что асинхронные дискурсивные поля обладают жизненным циклом, способны длительное время сохранять и накапливать лингвистические паттерны, а при появлении (случайном или намеренном) триггерного объекта могут породить социальные действия конструктивного или деструктивного характера как в онлайн-, так и в офлайн-пространстве.

Ключевые слова: online-пространство, дискурсивные поля, лингвистические паттерны, теория коммуникации, предвыборная кампания, Дональд Трамп, сетевой анализ, реляционный анализ, визуальный анализ, лингводискурсивный анализ, рекуррентные сообщения, Pizzagate

Результаты теоретико-фундаментального уровня исследования

Сетевые лингвистические данные в онлайн-пространстве образуют непрерывную среду – асинхронное дискурсивное поле, состоящее из дискретных сообщений, посредством которых взаимодействуют акторы публичной сферы. Асинхронное дискурсивное поле включает сеть асинхронных дискурсов, вектор развития которых определяется социальными акторами (онлайн-пользователями), принимающими участие в дискурсе и прямо или опосредованно влияющими на его развитие. Степень влияния, которое оказывают участники онлайн-коммуникации (акторы интернет-дискурса), определяется их ролью – «лидер мнения», «сенсор», «реализатор», «читатель», «репутационный игрок». Лидеры мнения создают контент; сенсоры, основываясь на доверии, оказываемом ими пользователями, которых считают «лидерами мнения», тиражируют контент, при этом модифицируя его, что приводит к искажениям и дезинформации.

Реализаторы – распространители дискурса, не привносящие личностных оценок. Обычное поведение таких пользователей – это репост. Они вовлекают в определённое дискурсивное поле максимально возможное количество участников. Читатели – пассивные участники дискурса, «конечные потребители» информации, основная масса всех участников дискурса и социального действия находятся в офлайн [13].

Взаимодействующие и пересекающиеся дискурсы задают векторы развития всего дискурсивного поля, в том числе возможность пересечения и взаимодействия данного поля с другими полями. Дискурсы, функционирующие в рамках дискурсивного поля посредством определённых спланированных или хаотичных лингводискурсивных стратегий и тактик, порождают лингвистические паттерны социального действия с высоким прагматическим потенциалом, который в силу особенностей сетевых лингвистических данных не зависит от интенций говорящего, так как сообщение, как и направление дискурса, не подлежит контролю

отправителя сообщения. Любой участник дискурса попадает под действие силового поля, что влияет на когнитивный аспект принятия решений — «дискурсивные поля оказывают мощное влияние на организацию потребления тех, кто в них оказался» [12].

Лингвистический паттерн определяется нами как многомерный социально-когнитивный конструкт с высоким прагматическим потенциалом, способный вызывать конструктивное или деструктивное социальное действие; он формируется в сознании индивида в результате потребления определённого триггерного объекта, которым может являться индивидуальный визуальный, аудиальный, графический, языковой символ, образ или их совокупность, являющийся символьной репрезентацией определённого феномена или события [10]. При этом сознание пользователя детерминировано силовым полем в дискурсе, под воздействием которого он находится. Дискурсивные поля накапливают в онлайн-пространстве потенциал социального действия. Случайный пользователь, находящийся под воздействием другого дискурсивного поля, потребляя определённый лингвистический паттерн, интерпретирует его в соответствии со своими фоновыми знаниями, концептуально-когнитивными фреймами, схемами и стратегиями принятия решений, может неверно его истолковать, провоцируя таким образом непрогнозируемые деструктивные последствия.

Дискурсивные поля в онлайн-пространстве, являющиеся асинхронными в силу асинхронного жизненного цикла сетевых лингвистических данных, порождают лингвистические паттерны, содержащие определённый потенциал социального действия [5].

Отличительная особенность асинхронных дискурсивных полей, формирующихся в онлайн-пространстве, состоит в том, что генерируемый дискурсами лингвистический контент (сетевые лингвистические данные) подкрепляется

невербальными формами коммуникации — эмоджи, графики, аудио и видео. Они могут быть рассмотрены в качестве сетевых лингвистических данных, так как представляют систему символов, обеспечивающих передачу смыслов, отношений, мнений. Наличие невербальных форм коммуникации усиливает прагматический потенциал дискурсов и повышает вероятность накопления и реализации потенциала социального действия в офлайн [9].

В период с 1 марта 2020 г. по 30 июня 2020 г. мы собрали и сформировали для последующего анализа два дата-сета сетевых данных, которые и составили эмпирическую базу исследования [1, 2]. Первый (март 2020 г.) и второй дата-сеты (июнь 2020 г.) состоят из сетевых данных, полученных методом сплошной выгрузки сообщений, публикуемых пользователями социальной сети Twitter и содержащих ключевое слово «trump», через программный интерфейс приложения Twitter (API Twitter) за соответствующие периоды — март и июнь 2020 г. Сетевые данные (около 100 000 сообщений) представлены в виде cvs-файлов и gexf-файлов (Graph Exchange XML Format — формат, позволяющий анализировать данные как социальный граф). Сетевые данные, входящие в полученную эмпирическую базу, содержат следующие массивы:

- сообщения, публикуемые пользователями указанных сетей;
- динамику ответов (ретвитов) на публикуемые сообщения;
- данные о пользователях, публикующих эти сообщения, с фиксацией их взаимодействия для анализа их активности как социального графа;
- используемые пользователями хештеги для маркирования и классификации информации в социальных сетях;
- часто употребляемые слова и словосочетания с фиксацией их взаимодействия для анализа активности их употребления как социального графа

с целью выявления доминирующих тематик в сетевом дискурсивном поле, составляющем основу лингвистической модели политической коммуникации в отношении Д. Трампа.

Эти эмпирические данные позволили описать лингвистическую модель политической коммуникации как многослойную динамическую сеть, функционирующую в нелинейном пространстве, — Интернета. Каждый слой многослойной динамической сети (слой пользователей, слой сообщений, слой часто употребляемых слов, слой хештегов, слой эмоджи) является частью глобального или локального дискурсивного поля и способен сгенерировать новые дискурсивные поля и новые лингвистические паттерны.

Результаты прикладного исследования

Часть I (март 2020 г.)

Визуализация хабов ядра лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа за период март 2020 г., иллюстрирующем часто употребляемые слова и словосочетания, с фиксацией их взаимодействия для анализа активности их употребления как социального графа с целью выявления доминирующих тематик в сетевом дискурсивном поле, составляющем основу лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа (рис. 1).

Лингвистическая модель политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа в марте 2020 г. включает три дискурсивных поля, определённых на основе анализа полученных хабов ядра:

- выборы 2020 и призывы/протесты в поддержку/против Трампа;
- «баталии» и дискуссии между противниками и сторонниками Байдена, Сандерса и Трампа;
- пандемия коронавируса, охватившая весь мир.

Первое дискурсивное поле (тема выборов) занимает больше место в данном дата-сете: в твитах встречаются как положительные комментарии, так и резко негативные.

Второе дискурсивное поле — баталии и дискуссии между пользователями: сторонниками и противниками Джо Байдена, Берни Сандерса и Дональда Трампа. В большинстве случаев Байден и Сандерс называются только по именам, в то время как Трамп — исключительно по фамилии.

В теме выборов неминуемо оценивается личность Джо Байдена. Как и везде, данная тематика получает как положительную, так и отрицательную коннотацию. Возраст и проблемы, связанные с ним, проходят красной нитью через многие твиты.

В некоторых связанных твитах ядра даются прогнозы на будущее: делается акцент на тот факт, что ввиду корпоративной жадности интересы рабочего класса опять не берутся во внимание. В результате этого возможны забастовки и волнения.

Третья тематика твитов в ядре лингвистической модели — пандемия коронавируса, охватившая весь мир.

Часть пользователей связывают угрозу коронавируса с Трампом как президентом, человеком, занимающим самый высокий пост в стране, от которого зависит благосостояние населения — они видят нежелание президента предпринять решительные меры в борьбе с ним.

В отдельных твитах звучит мысль о том, что правительство и президент знали о надвигающейся опасности заранее — об этом было известно в январе — но они проигнорировали это. Президента обвиняют в некомпетентности. Данная халатность уже привела и может привести ко многим смертям.

Часть II (июнь 2020 г.)

Визуализация хабов ядра лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа за июнь 2020 г. (рис. 2),

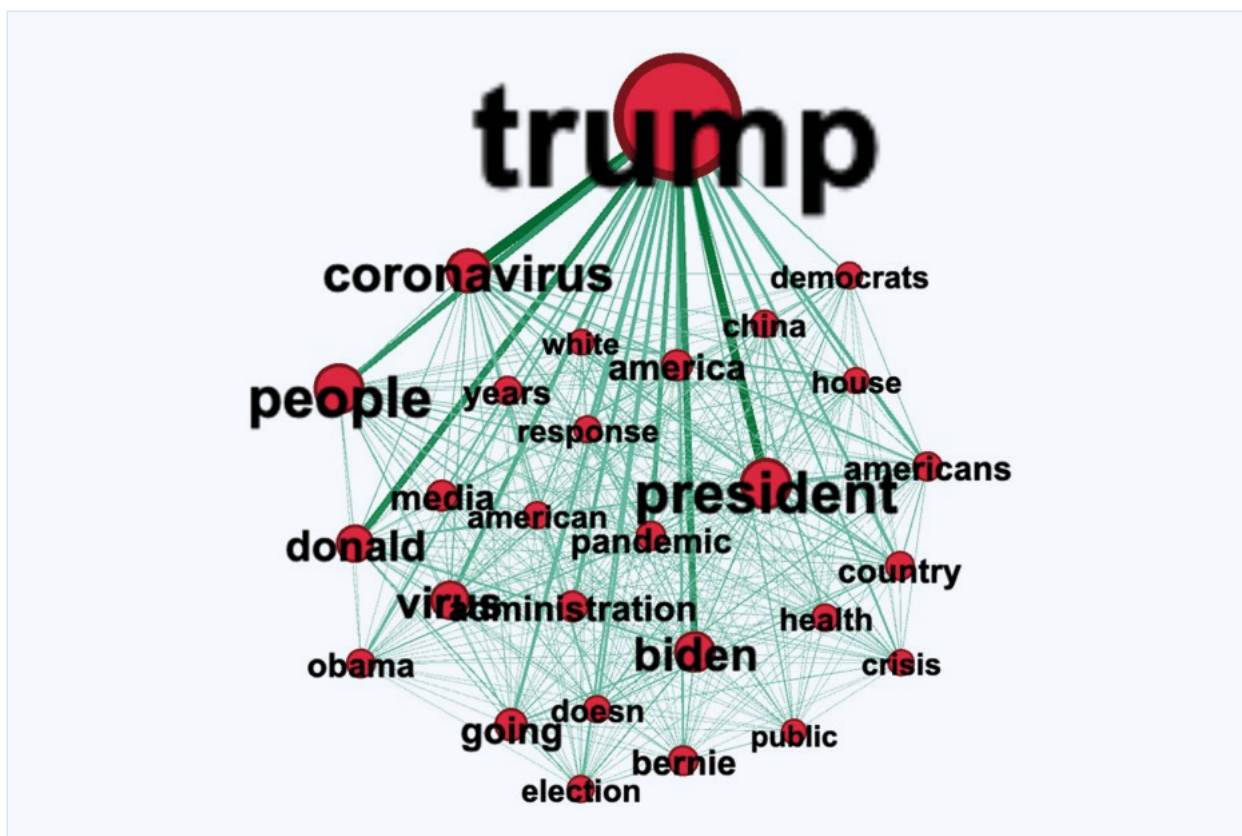

Рис. 1. Социальный граф хэбов ядра лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа за март 2020 г.

иллюстрирующего часто употребляемые слова и словосочетания с фиксацией их взаимодействия для анализа активности их употребления как социального графа с целью выявления доминирующих тематик в сетевом дискурсивном поле, составляющем основу лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа.

Лингвистическая модель политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа в марте 2020 г. включает четыре дискурсивных поля, определённых на основании анализа полученных хэбов ядра:

- выборы 2020 и призывы/протесты в поддержку/против Трампа (продолжающаяся тема с марта 2020 г., но с явным уклоном в сторону критики президента Трампа);
- нарастание дискуссии вокруг протеста и акций #BlackLivesMatter и критика позиции Трампа;

- «баталии» и дискуссии между противниками и сторонниками Байдена и Трампа (Берни Сандерс «уходит» из тематического поля);
- пандемия коронавируса, охватившая весь мир, – тема минимальна.

Как и в марте, дискурсивное поле, связанное с предстоящими ноябрьскими выборами президента, – основная тема; продолжаются дебаты сторонников и противников Президента США Д. Трампа: если в марте мы констатируем большинство положительных твитов в отношении действующего президента, то в июне дискурсивное поле характеризуется критическими и отрицательными твитами.

Второе дискурсивное поле – конец июня – наблюдается слияние «старого» дискурса, связанного с выборами, с «новым» дискурсом – тема #BlackLivesMatter и критика Д. Трампа как президента и как кандидата.

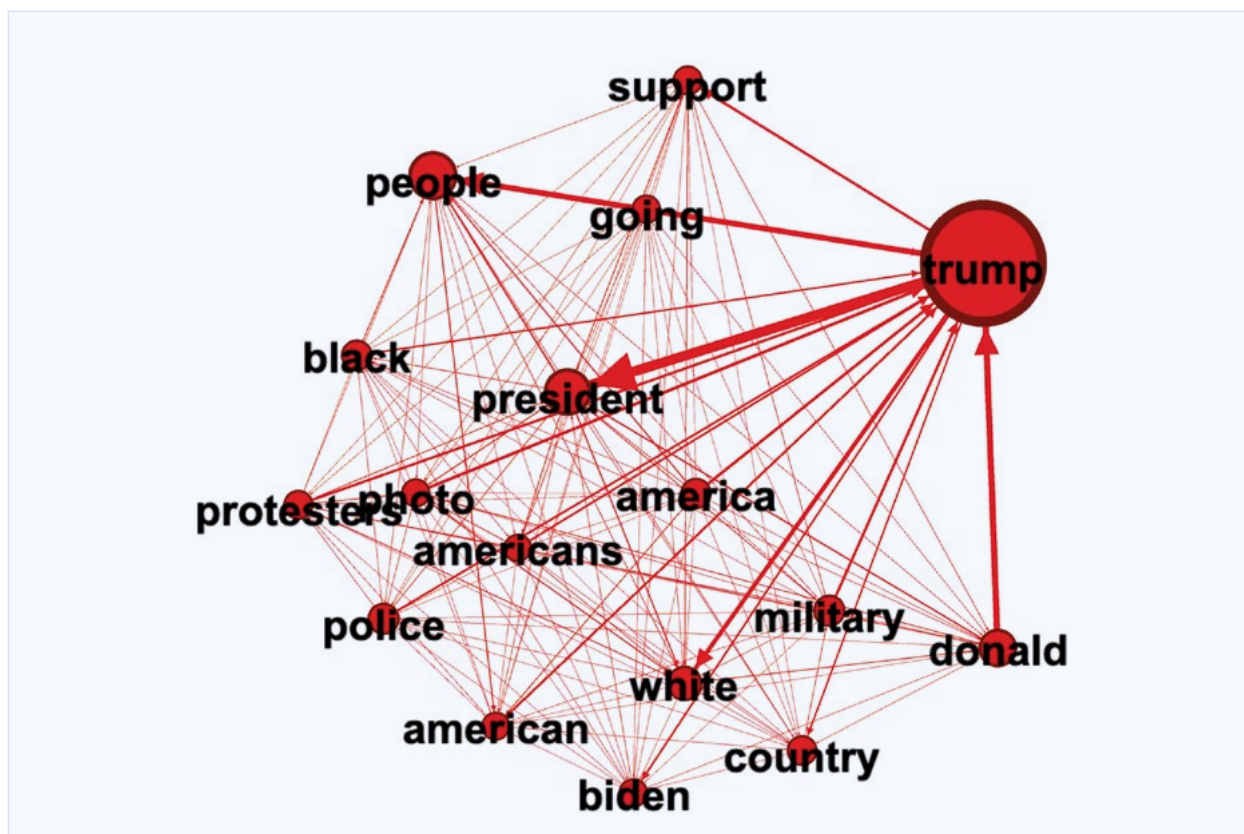

Рис. 2. Социальный граф хабов ядра лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа за март 2020 г.

Расовый вопрос затрагивается почти в каждом третьем твите. Пользователи убеждены, что Трамп не уважает афроамериканское население, следовательно, он не может являться «его» президентом.

Дискурсивное поле «баталии» и дискуссии между противниками и сторонниками Байдена и Трампа (Берни Сандерс «уходит» из тематического поля) — остаётся в ядре, но со второго места по популярности и обсуждаемости переходит на третье.

Основной вывод связан с усилением роли социальных медиа в формировании политических дискурсов и векторов политической коммуникации в современных странах. Особо значимая и конгруэнтная работа с массовым сознанием в интернет-пространстве должна осуществляться в период предвыборных кампаний и сохраняющейся ситуации пандемии.

На примере приведённого сетевого и лингводискурсивного анализа лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа за период март–июнь 2020 г. мы показали, как позитивные и около-критичные дискурсы в отношении Д. Трампа как действующего президента и кандидата в президенты сменились на отрицательный дискурс, в котором предвыборные дискуссии фактически заменились обсуждением протеста и акций #BlackLivesMatter и резкой критикой Д. Трампа со стороны всех групп населения. Дискурс коронавируса и критика действий президента и власти в марте 2020 г. также перетекает в тематическое поле #BlackLivesMatter в июне 2020 г. Данное событие стало катализатором обсуждения проблем различных групп американского населения в Twitter; консолидация пользователей в онлайн

способствовала массовым протестам и беспорядкам в офлайне в июне 2020 г. Твиты и ретвиты как комментарии пользователей к указанным событиям запустили новый виток негативного отношения к властям различного уровня в стране, к президенту Д. Трампу и двум кандидатам на пост президента США (выборы в США в 2020 г.) [17].

Основными характеристиками лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа в марте 2020 г. являются:

- в основном положительные твиты;
- твиты, связанные с обсуждением кандидатов на пост президента США (предвыборные программы, предложения, статистика и т.д.);
- используемые приёмы: мелиоративная оценка; капитализация; интенсификаторы; оппозиция «мы–они» и «свой–чужие»; акцент на пожилom возрасте кандидатов; использование религиозных коннотаций; алармистские настроения в отношении коронавируса; патриотический настрой.

Основные характеристики лингвистической модели политической коммуникации пользователей Twitter в отношении Д. Трампа в июне 2020 г.:

- в основном негативные твиты;
- твиты, связанные с обсуждением #BlackLivesMatter, критикой Трампа как президента США;
- используемые приёмы: активное использование эмоджи небелых цветов; акцент на проблемах «небелого» населения; отрицательные коннотации и лексика; расистская тематика; капитализация; патриотические настроения; религиозные коннотации; призывы к отставке президента и блокировке Трампа как кандидата; призывы не голосовать за Трампа; необходимость действовать; риторические вопросы; статистические примеры; исторические примеры; негативные оценочные номинации президента.

Результаты инструментально-эмпирического уровня реализации исследования

На инструментально-эмпирическом уровне нами были разработаны и апробированы гибридная методология и операциональный инструментальный анализ дискурсивных полей (сетевая методология, лингводискурсивный анализ, медиалингвистический метод, реляционная социология).

Социально-политическое онлайн-пространство, являясь глобальным дискурсивным пространством с точки зрения потенциала совокупности дискурсивных полей, образующих данное пространство, обеспечивает связь между акторами – интернет-пользователями – и является сферой их функционирования. Важная отличительная особенность дискурсивного пространства – высокий потенциал инициации социального действия в офлайне, вызывающего трансформации социально-политических систем за счёт продуцирования комплексных, устойчивых конструкторов, т.е. лингвистических паттернов, имеющих повторяющийся эмоциональный компонент, который оказывает эффективное влияние на образное мышление реципиента, его когнитивные установки, в том числе принятие решений, и обуславливающих высокий прагматический потенциал и устойчивую тональность дискурсивного поля, порождающего данный паттерн.

Сетевой дискурс возникает в том случае, когда определённое явление действительности начинает обсуждаться, цитироваться, тиражироваться, трансформироваться благодаря обогащению личностными оценками/мнениями. Дискурсивные поля в онлайн-пространстве возникают как реакция на действительность или реальность, когда количество участников дискурсивного взаимодействия достигает «критического числа» пользователей и формируется «силовое поле» дискурса, предполагающее

оказание влияния на участников дискурсивного взаимодействия — их реакции, мнения и, в конце концов, принятие решений [6–8].

Мощное влияние дискурсивных полей на организацию потребления контента может служить прочной манипулятивной базой: политические, идеологические, психологические, когнитивные установки внедряются в массовое сознание посредством формирования и обеспечения функционирования определённого дискурсивного поля. «Силовой характер» онлайн-дискурсивных полей обеспечивается их функционированием в так называемом пузыре фильтров и комплексными лингвокогнитивными структурами, порождаемыми дискурсивным полем — инновационными лингвистическими паттернами [15].

Разработка и апробация гибридной методологии анализа сетевых лингвистических данных, порождающих дискурсивные поля и лингвистические паттерны социального действия, как результат их целенаправленного взаимодействия в онлайн-пространстве даст возможность выявления типологизации лингвистических паттернов с точки зрения конструктивного и деструктивного потенциала влияния; описания структуры и определения ключевых компонентов лингвистического паттерна, обуславливающих его высокий прагматический потенциал; идентификации лингвистических паттернов деструктивного потенциала и нивелирования их влияния в дискурсивном онлайн-пространстве современных государств; идентификации лингвистических паттернов конструктивного потенциала и усиления их влияния для укрепления развития социально-политических систем в эпоху «постправды».

Инновационный подход в лингвистике представляет собой комплексную методику сетевых лингвистических данных, включающую лингводискурсивный анализ, сетевой анализ и фолксономический анализ.

Инновационный анализ сетевых лингвистических данных был осуществлён на примере исследования асинхронного дискурсивного поля Pizzagate [10].

В 2016 г. во время предвыборной кампании на пост президента США в онлайн-пространстве было создано дискурсивное поле Pizzagate. Данное дискурсивное поле содержало контент о том, что влиятельные сторонники Х. Клинтон якобы имеют отношение к тайной организации, осуществляющей насильственные действия над детьми. Основой этого контента были конспиративная теория, основанная на выдержках из электронной переписки Джона Подесты, который являлся начальником штаба Х. Клинтон, и спекуляции на том, что некоторые из слов, регулярно встречающихся в переписке Подесты, представляют собой кодовые слова, означающие насилие и торговлю детьми. Дискурсивное поле Pizzagate охватило такие платформы, как 4chan, Twitter и Reddit [4, 11]. Масштабы дискурсивного поля были настолько глобальными, что оно вышло за пределы социальных платформ и охватило мейнстримные новостные сайты — Godlike Productions, YourNewsWire, SubjectPolitics, Conservative Daily Post, The New York Times, которые имеют достаточно высокий рейтинг доверия у пользователей.

Дискурсивное поле Pizzagate было создано с целью дискредитации кандидата в президенты Х. Клинтон посредством формирования лингвопрагматического паттерна «Не голосуй за Клинтон, Голосуй за Трампа, поскольку сторонники Клинтон занимаются порочащей их деятельностью». Однако сформированный паттерн оказался многослойным в плане импликаций и модальностей и, помимо прогнозируемого и ожидаемого посыла не голосовать за Х. Клинтон, он обращался к морали и нравственности, а также мотивировал на другое социальное действие — борьбу за права детей, подвергаемых насилию. Результатом потребления данного лингводискурсивного паттерна

стало то, что 28-летний уроженец Северной Каролины Эдгар Мэддисон Уэлч 4 декабря 2016 г. произвёл в пиццерии Comet Ping Pong выстрелы из крупнокалиберного оружия, думая, что освобождает детей, которых держат в подвале. Причиной оказалось дискурсивное поле «пиццагейт» в онлайн-пространстве и потребление побочного лингводискурсивного паттерна «спасай детей от педофилов», в конечном счёте приведшие его к частному расследованию (self-investigation) и вооружённому самосуду. В современных условиях массового распространения дезинформации — в «эпоху постправды» (the Post-truth Era) — понятие «самостоятельное расследование» (self-investigation) раскрывает суть кардинально новых отношений между гражданами, истиной/правдой и социальным действием. Миллионы людей отказываются от критического отношения к источникам информации, находясь в так называемом пузыре фильтров (filter bubble), применяют подход «сделай сам» (DIY approach) в процессе поиска и верификации информации и фактов, что приводит к неконтролируемым и непрогнозируемым каскадам социальных действий [14, 16].

Сбор сетевых лингвистических данных может быть произведён путём формирования сплошной выборки в онлайн-пространстве или через определение точки входа для сужения объёма собираемых данных. Сплошная выборка сетевых лингвистических данных неизбежно приводит к возникновению проблемы обработки больших данных (BigData). Определение точки входа в онлайн-пространство позволяет вести направленный майнинг сетевых лингвистических данных с возможностью его расширения после обработки первых полученных датасетов (dataset).

Точка входа или критерии майнинга разделяются на технологические (количественные) критерии и смысловые (качественные). К технологическим

критериям относят, например, выбор какой-то конкретной социальной сети или определённого типа данных (текст, видео, комментарии, публикации). К смысловым критериям относят ключевые слова, хэштеги, именованные сущности, даты.

Для анализа жизненного цикла дискурсивного поля Pizzagate майнинг сетевых лингвистических данных основывался на смысловом критерии — #pizzagate и технологическом критерии — социальная сеть Twitter [3].

Используя смысловой критерий #pizzagate и технологический критерий — социальная сеть Twitter — мы сформировали блок сетевых лингвистических данных — dataset «tweet», содержащий сообщения, публикуемые в социальной сети Twitter в январе 2020 г. и имеющие хештег #pizzagate. Применяв технологии сетевого анализа к dataset «tweet», мы сформировали новые блоки сетевых лингвистических данных: dataset «emoji», dataset «hashtag», dataset «mention», dataset «wordcloud».

Dataset «emoji» позволяет проанализировать эмоджи, используемые в сообщениях из dataset «tweet», оценить невербальную коммуникацию в дискурсивном поле Pizzagate и его эмоциональный фон.

Особенностью онлайн-пространства является высокая скорость генерации контента, вследствие этого сетевые лингвистические данные представляют собой большие массивы данных. Применяя инструменты сетевого анализа к данным dataset «tweet», мы получили dataset «wordcloud», который содержит часто употребляемые слова и словосочетания в дискурсивном поле Pizzagate. Визуализация dataset «wordcloud» как социального графа позволила сделать вывод о том, что дискурсивное поле Pizzagate (рис. 3) не однородно с точки зрения функционирующих в нём дискурсов и состоит из множества дискурсивных полей (дискурсивных субполей).

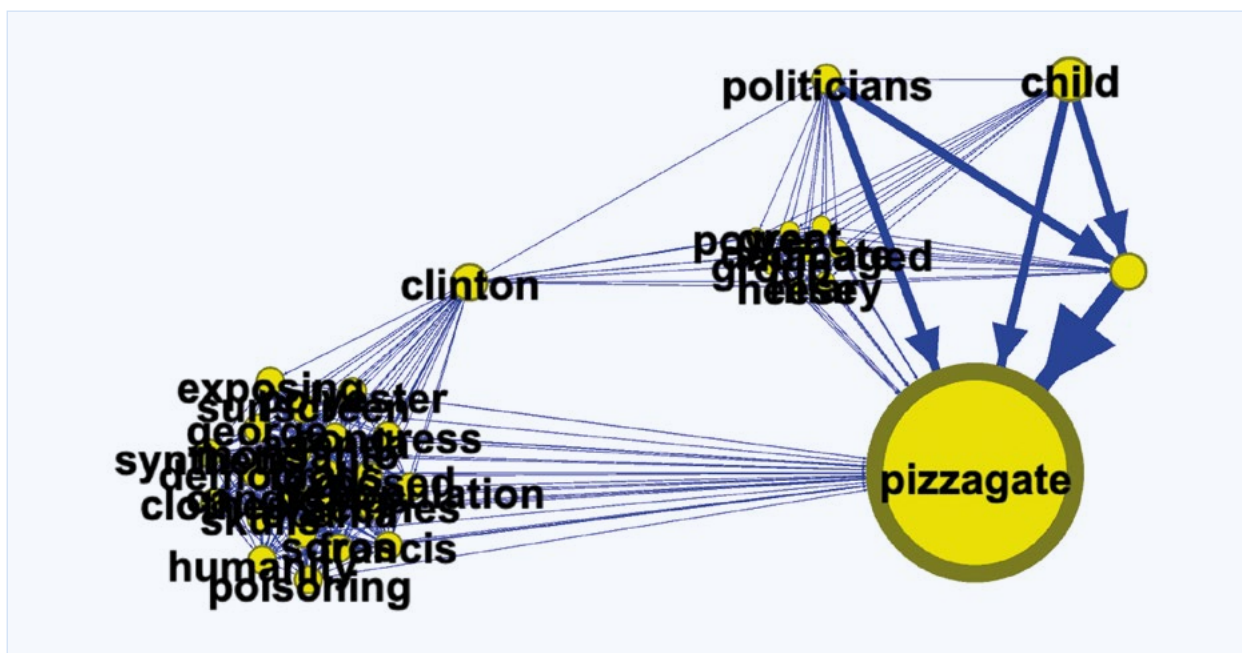

Рис. 4. Дискурсивное субполе Clinton

Проанализировав дискурсивное субполе Clinton (рис. 4), мы пришли к выводу, что несмотря на то, что со времени инцидента с Эдгаром Мэддисоном Уэлчем прошло четыре года, однако лингво-прагматический паттерн «Не голосуй за Клинтон, голосуй за Трампа, поскольку сторонники Клинтон занимаются порочащей их деятельностью» сохраняется. Доказательством этого служит дискурсивное субполе Clinton.

При этом необходимо отметить, что официальная страница президента США Д. Трампа в социальной сети Twitter (@realdonaldtrump) является активным участником дискурсивного поля Pizzagate – об этом свидетельствует анализ dataset «mention».

Исследование dataset «hashtag», содержащего хештеги, используемые в сообщениях из dataset «tweet», позволило нам проанализировать пользовательскую классификацию контента, публикуемого в рамках исследуемого дискурсивного поля. В анализе ключевых слов упоминается Х. Клинтон, поэтому мы выделили

целое дискурсивное субполе Clinton. Однако в дискурсивном поле Pizzagate отсутствуют хештеги, содержащие слово «clinton». Это может означать, что дискурсивное субполе «Не голосуй за Клинтон, голосуй за Трампа, поскольку сторонники Клинтон занимаются порочащей их деятельностью» (Clinton) находится в состоянии гибернации¹ и при необходимости может быть выведено на арену политических событий. Это также показывает необходимость многомерного анализа сетевых лингвистических данных ввиду их нелинейности и многослойности.

Исследование кейса Pizzagate позволило нам определить то, что асинхронные дискурсивные поля обладают жизненным циклом, способны длительное время сохранять и накапливать лингвистические паттерны, а при появлении (случайном или намеренном) триггерного объекта могут порождать социальные действия конструктивного или деструктивного характера как в онлайн-, так и в офлайн-пространстве.

¹ В данном случае мы эксплицируем термин ИТ-сферы: гибернация (англ. hibernation — «зимняя спячка») — энергосберегающий режим операционной системы компьютера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Donald J. Trum Twitter. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump> (дата обращения: 30.09.2021).
2. Donald J. Trump Facebook. URL: <https://www.facebook.com/DonaldTrump> (дата обращения: 30.09.2021).
3. Enli G. Twitter as arena for the authentic outsider: exploring the social media campaigns of Trump and Clinton in the 2016 US presidential election // *European Journal of Communication*. 2017. № 32 (1). P. 50–61. DOI: 10.1177/0267323116682802
4. Kallas P. Top 15 Most Popular Social Networking Sites and Apps. URL: <https://www.dreamgrow.com/top-15-most-popular-social-networking-sites> (дата обращения: 30.09.2021).
5. Katermina V., Gnedash A. Linguistic models of social and political communication in the online-space: cognitive and pragmatic aspect // *SHS Web of Conferences*. 2020. Vol. 88. ID 01003. DOI: 10.1051/shsconf/20208801003.
6. Lee C. Discourse of Social Tagging // *Discourse, Context & Media*. 2018. № 22. P. 1–3. DOI: 10.1016/j.dcm.2018.03.001.
7. Maglione G. Discursive fields and subject positions: becoming ‘victim’, ‘offender’ and ‘community’ in restorative justice // *Restorative Justice*. 2014. Vol. 2. Iss. 3. P. 327–348. DOI: 10.5235/20504721.2.3.327.
8. Masías V.H., Hecking T. & Hoppe H.U. Exploring the Relationship Between Social Networking Site Usage and Participation in Protest Activities // *Frontiers in Applied Mathematics and Statistics*. 2018. P. 4 (56). DOI: 10.3389/fams.2018.00056.
9. Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Malysheva O.P. Political content management: new linguistic units and social practices // *Church, communication and culture: scientific journal*. 2019. Vol. 4. № 3. P. 305–322. DOI: 10.1080/23753234.2019.1664916.
10. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P. Innovative Approaches In Linguistics: Network Analysis of Linguistic Data // 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. 2020. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.138.
11. Social Media Stats in United States of America – August 2020. URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/united-states-of-america#> (дата обращения: 30.09.2021).
12. Ильин В.И. Потребление как дискурс. URL: <http://www.old.jourssa.ru/2007/СВ5/Ilyin.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).
13. Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Мальшева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. № 3. С. 139–162.
14. Рябченко Н.А., Мальшева О.П. Трансформация социально-политической коммуникации: структурно-реляционный анализ феномена Fake News // *Материалы IX Международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», 20–21 марта 2019 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 46–52.*
15. Рябченко Н.А., Мальшева О.П. Характеристики современной политической коммуникации в онлайн-пространстве // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 2. С. 101–113.
16. Рябченко Н.А., Мальшева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // *Политические исследования*. 2019. № 2. С. 92–106. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.07.
17. Катермина В.В., Рябченко Н.А., Липириди С.Х., Гнедаш А.А., Мальшева О.П. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении президента США Д. Трампа в марте – июне 2020 г. // *Политическая лингвистика*. 2020. № 5 (83). С. 87–107. DOI: 10.26170/pl20-05-09.

ENGLISH

**Linguistic Models of Social and Political Communication
in Online Space**

Veronika V. Katermina – Doctor of Science (Philology), Professor at the Kuban State University, head of the project “Linguistic Models of Sociopolitical Communication in Online Space: Discursive Fields, Patterns and Hybrid Methodology of Network Data Analysis” (20-012-00033).

E-mail: katermina_v@mail.ru

Natalia A. Ryabchenko – Candidate of Science (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Social Work, Psychology and Pedagogy of Higher Education at the Kuban State University, executor of the same project.

E-mail: rrrnatali@mail.ru

Olga P. Malysheva – Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of English Philology at the Kuban State University, executor of the same project.

E-mail: malisheva_83@mail.ru

Anna A. Gnedash – Candidate of Science (Political Science), Associate Professor of the Department of Public Policy and Public Administration at the Kuban State University, executor of the same project.

E-mail: anna_gnedash@inbox.ru

This study seeks to identify and describe new linguistic models of online social and political communications on the basis of a comprehensive analysis of network data, and to determine the essence and role of discursive fields in the formation and development of constructive and destructive communicative potential of social action. Based on qualitative and quantitative analysis of network data, the mechanisms of discursive fields are identified and described. Linguistic patterns are typologized as constructive and destructive potentials in terms of influence on the development of socio-political systems in the era of “post-truth.” This digital context conditioned by the networking and digitalization of all spheres of life transforms the content into the basis of online discursive fields. For example, the investigation of D. Trump’s election campaign on Twitter in March–June 2020 visualizes how discursive fields and its linguistic patterns initiate socio-political actions. In this case, the aim was to support or protest the incumbent president and presidential candidate amid the latent deployment of immigration issues and under the pressure of the spreading Covid-19 pandemic. Thus, the strategy of using recurrent messages to form online discursive fields during pressing internal state problems and a global external threat leads to “gaps” at the borders. These gaps facilitate the emergence of alternative discursive fields with a high potential for initiating transformations of socio-political systems by producing complex, stable constructs; that is, linguistic patterns. In this study, an innovative analysis of network linguistic data is carried out on “Pizzagate,” an example of the asynchronous discursive field. Analysis of this case reveals that asynchronous discursive fields have a life cycle and can preserve and accumulate linguistic patterns. As such, when a trigger object (accidentally or intentionally) appears, discursive fields can generate social actions of a constructive or destructive nature, both online and offline.

Keywords: online space, discursive fields, linguistic patterns, communication theory, election campaign, Donald Trump, US elections, 2020, network analysis, relational analysis, visual analysis, linguistic discursive analysis, recurrent messages, Pizzagate

REFERENCES

1. Donald J. Trum Twitter. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump> (data obrashcheniya: 30.09.2021).
2. Donald J. Trump Facebook. URL: <https://www.facebook.com/DonaldTrumppp> (data obrashcheniya: 30.09.2021).
3. Enli G. Twitter as arena for the authentic outsider: exploring the social media campaigns of Trump and Clinton in the 2016 US presidential election // *European Journal of Communication*. 2017. № 32 (1). P. 50–61. DOI: 10.1177/0267323116682802.
4. Kallas P. Top 15 Most Popular Social Networking Sites and Apps. URL: <https://www.dreamgrow.com/top-15-most-popular-social-networking-sites> (data obrashcheniya: 30.09.2021).
5. Katermina V., Gnedash A. Linguistic models of social and political communication in the online-space: cognitive and pragmatic aspect // *SHS Web of Conferences*. 2020. Vol. 88. ID 01003. DOI: 10.1051/shsconf/20208801003.
6. Lee C. Discourse of Social Tagging // *Discourse, Context & Media*. 2018. № 22. P. 1–3. DOI: 10.1016/j.dcm.2018.03.001.
7. Maglione G. Discursive fields and subject positions: becoming ‘victim’, ‘offender’ and ‘community’ in restorative justice // *Restorative Justice*. 2014. Vol. 2. Iss. 3. P. 327–348. DOI: 10.5235/20504721.2.3.327.
8. Masías V.H., Hecking T. & Hoppe H.U. Exploring the Relationship Between Social Networking Site Usage and Participation in Protest Activities // *Frontiers in Applied Mathematics and Statistics*. 2018. P. 4 (56). DOI: 10.3389/fams.2018.00056.
9. Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Malysheva O.P. Political content management: new linguistic units and social practices // *Church, communication and culture: scientific journal*. 2019. Vol. 4. № 3. P. 305–322. DOI: 10.1080/23753234.2019.1664916.
10. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P. Innovative Approaches In Linguistics: Network Analysis of Linguistic Data // 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. 2020. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.138.
11. Social Media Stats in United States Of America – August 2020. URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/united-states-of-america#> (data obrashcheniya: 30.09.2021).
12. Il'in V.I. Potreblenie kak diskurs. URL: <http://www.old.jourssa.ru/2007/CB5/Ilyin.pdf> (data obrashcheniya: 30.09.2021) (in Russian).
13. Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Politicheskij kontent sotsial'nykh dvizheniy v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatel'skaya praktika // *South Russian Journ. of Social Sciences*. 2018. № 3. S. 139–162 (in Russian).
14. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P. Transformacija social'no-politicheskoy kommunikacii: strukturno-reljacionnyj analiz fenomena Fake News // *Materialy IX mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii “Social'naja inzhenerija: kak sociologija menjaet mir”, 20–21 marta 2019 g. / Otv. red. A.V. Kuleshova. Moscow: VCIOM, 2019. S. 46–52* (in Russian).
15. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P. Harakteristiki sovremennoj politicheskoy kommunikacii v onlajn-prostranstve // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* 2020. № 3. S. 101–113 (in Russian).
16. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. Upravlenie politicheskim kontentom v sotsial'nykh setyakh v period predvybornoy kampanii v epokhu postpravdy // *Polis. Political Research*. 2019. № 2. P. 92–106 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.02.07.
17. Katermina V.V., Ryabchenko N.A., Lipiridi S.Ch., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Issledovanie lingvisticheskoy modeli politicheskikh kommunikacij v social'noj seti “Twitter” v otnoshenii prezidenta SShA D. Trampa v marte – ijune 2020 g. // *Political Linguistics*. 2020. № 5 (83). S. 87–107 (in Russian). DOI: 10.26170/pl20-05-09.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Индекс УДК 159.922.7

Код ГРНТИ 15.31.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-101-109

Е.В. КУФТЯК*

Здоровье и благополучие в детском возрасте: вклад привязанности

Эмоциональная связь с близким взрослым (матерью) – привязанность, будучи нормативным образованием в ходе развития, выступает основой для анализа индивидуальных вариаций адаптации на протяжении всей жизни. Актуальность темы исследования определяется важностью влияния характера первичных эмоциональных взаимоотношений с матерью на психическое развитие и благополучие ребёнка. В статье исследуется вклад привязанности в психическое здоровье и психологическое благополучие в период детства. Исследование включает две серии. В первой из них, осуществлённой с участием детей старшего дошкольного возраста, установлено, что принятие матерью ребёнка и её эмоциональная чуткость являются значимым предиктором просоциального поведения у дошкольников, а недостаточная поддержка матерью своего ребёнка и малая потребность в присутствии матери повышают вероятность эмоциональных нарушений и проблем с поведением у дошкольников. Во второй серии, проведённой на выборке младших школьников, показано, что чуткость и внимательность матери к ребёнку вносит значимый вклад в достижение высокого уровня удовлетворённости жизнью, физического и социального функционирования ребёнка.

Ключевые слова: привязанность к матери, психическое здоровье, благополучие, удовлетворенность жизнью, предикторы, дети, школьники

Ранние эмоциональные отношения с близкими взрослыми, в особенности с матерью, способствуют благополучному развитию личности, прогрессивной адаптации и активной

социализации ребёнка как в период детства, так на протяжении всей жизни [1, 2]. В психологии остро стоит вопрос расширения теоретических и практических знаний в области привязанности и её роли

* **Куфтяк Елена Владимировна** — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии РАНХиГС, руководитель проекта «Привязанность в детском возрасте и связь с проблемами психического здоровья» (18-013-01101).
E-mail: kuftyak@yandex.ru

в жизнедеятельности человека. Одним из интересных аспектов изучения привязанности является исследование влияния привязанности на состояние здоровья человека, в том числе в период детства [3].

Основываясь на ранних переживаниях, связанных с близкими людьми, к которым проявляется привязанность, дети развивают определённые типы поведения с целью получения желаемой ответной реакции [4]. Со временем навыки взаимодействия трансформируются в ментальное представление опыта отношений или внутренние рабочие модели привязанности. Внутренние рабочие модели включают убеждения и ожидания, связанные с любовью, уважением к себе и доступом к лицам, обеспечивающим уход, наряду с различными нормами, регулируемыми модели поведения [5].

Большинство авторов указывают, что в зависимости от типа привязанности формируются рабочие модели себя и других, которые определяют дальнейшее развитие личности и отношений с миром. Внутренние рабочие модели человека с надёжным типом привязанности включают доверие к объектам привязанности и уверенность в том, что другие люди всегда для них доступны, восприимчивы и могут помочь при неблагоприятных или стрессовых ситуациях. Согласно Дж. Боулби, ненадёжная привязанность понимается как защитное состояние в ответ на ранний социальный опыт, ограничивающий возможности личности адаптивно контактировать с другими людьми, формировать здоровую привязанность и рассматривать мир как безопасное место [6].

К настоящему времени западными психологами установлено, что привязанность оказывает влияние на когнитивное и социальное развитие, а также вовлечённость в школьную жизнь [7]. Надёжные отношения с матерью помогают ребёнку чувствовать себя более позитивно в школе, быть успешным в учёбе [8]. Ненадёжная привязанность на разных

этапах развития позволяет прогнозировать проявления дезадаптации в социальной и эмоциональной сферах [9].

Отмечая особое значение привязанности для развивающейся личности, её психического и личностного развития, можно ожидать, что надёжность отношений с матерью, очевидно, повышает благополучие и собственный потенциал личности, предопределяя здоровье ребёнка.

Цель нашего исследования состояла в изучении привязанности к матери как общей основы психического здоровья и психологического благополучия в детском возрасте. Были поставлены следующие задачи: 1) установить особенности здоровья и благополучия с учётом типа привязанности в дошкольном и младшем школьном возрасте; 2) определить вклад привязанности в психическое здоровье и психологическое благополучие.

В исследовании прогнозирование здоровья и благополучия младших школьников рассматривается с учётом как эмоциональных, так и поведенческих проявлений (характеристик) привязанности. Исследование состояло из двух серий.

Организация исследования и методы

Первая серия была посвящена исследованию соотношения показателей привязанности к матери с показателями психического здоровья детей дошкольного возраста. В исследовании участвовали полные однодетные семьи. Исследование проводилось на базе ДОУ Костромы; в нём приняли участие 97 дошкольников (49 мальчиков и 48 девочек) в возрасте 6–7 лет ($M_{\text{возр}} = 6,6$; $SD = 0,6$). Участие детей в исследовании происходило после получения информированного согласия их родителей.

Во второй серии приняли участие 178 детей (85 мальчиков и 93 девочки) в возрасте 10–11 лет ($M_{\text{возр}} = 10,2$; $SD = 0,36$).

Участие детей в исследовании происходило после получения информированного согласия их родителей.

Был использован «Опросник оценки типов привязанности к матери» [10]. Опросник включает суждения, содержащие описание проявлений привязанности в отношениях с матерью, а также 7 субшкал, отвечающих сферам проявления привязанности: эмоциональная близость с матерью; взаимодействие с матерью в социальном контексте; восприятие матери как источника помощи и поддержки; принятие матерью; потребность в присутствии матери; эмоциональная чуткость матери к ребёнку; совместная деятельность (гармоничность либо конфликтность совместной деятельности). Общий показатель привязанности позволяет определить тип привязанности (надёжный, ненадёжный).

Была проведена комплексная оценка здоровья медицинским работником (с определением группы здоровья). Экспертную оценку психологического здоровья давал психолог с использованием опросника «Лист оценивания психологического здоровья» [11]. С помощью методики оценивали три показателя психологического здоровья (модификация Е.В. Куфтяк): личностный, эмоциональный и социальный компоненты, что позволило включить в исследование разные содержательные характеристики здоровья. «Методика диагностики тревожности, включающая наблюдение» (методика Р. Сирса) позволила определить уровень тревожности у дошкольников [11].

Для оценки психического здоровья детей использовали опросник «Сильные стороны и трудности» Р. Гудмана [12], направленный на изучение интернальных и экстернальных проблем у детей. Опросник имеет пять шкал: эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, гиперактивность/невнимательность, проблемы со сверстниками и просоциальное поведение. Оценка психического здоровья детей в настоящем исследовании была проведена матерями (87,6%) и отцами (12,4%), а также психологами образовательных учреждений (100%). Для ана-

лиза использовали средний балл (среднее арифметическое) шкал опросника по оценкам взрослых.

Для исследования психологического благополучия детей младшего школьного возраста были применены методики: шкала измерения удовлетворённости жизнью школьников (Huebner's Student Life Satisfaction scale – SLSS); общий опросник – Pediatric Quality of Life Inventory (PedsQL™ 4.0), опросник «Сильные стороны и трудности» (SDQ).

Оценка удовлетворённости жизнью проводилась с использованием Шкалы удовлетворённости жизнью школьников (SLSS) [13].

Качество жизни школьников изучалось с помощью опросника Pediatric Quality of Life Inventory [14], позволяющего оценить следующие показатели качества жизни: физическое функционирование, эмоциональное функционирование, социальное функционирование, школьное функционирование, психосоциальное здоровье, общий балл.

Статистическая обработка данных проводилась с применением критерия Манна–Уитни и множественного регрессионного анализа пошаговым методом (Stepwise) с использованием пакета программ математической статистики SPSS 19.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Первая серия

Прежде всего, на основе оценки типа привязанности детей к своим матерям были выделены две группы детей: с надёжным и ненадёжным типом привязанности. Группу детей с надёжным типом привязанности составили 62,9% дошкольников. Сравнение двух групп детей выявило значимые различия по шести сферам проявления привязанности (рис. 1): в группе с надёжной привязанностью эмоциональная связь с матерью обеспечивает детям безопасность, комфорт и доверие в отношениях с ней ($p = 0,000$).

Рис. 1. Показатели проявления привязанности у дошкольников

Они имеют более высокий уровень эмоциональной близости и взаимодействия с матерью, воспринимают мать как принимающую, чуткую, дружелюбную, вникающую и поддерживающую. В свою очередь, дети с ненадёжной привязанностью склонны не обращаться за помощью к матери, будучи не уверенными в её преданности, принятии и поддержке. Полученные данные соотносятся с исследованиями, в которых указывается на зависимость типа привязанности от доступности, постоянства и проявления внимания фигурой привязанности (матерью) в ситуациях трудностей или новых условий [15].

На следующем этапе исследования нами были выявлены особенности здоровья дошкольников с учётом типа привязанности к матери. Сравнение психического здоровья детей с надёжной и ненадёжной привязанностью показало, что у вторых были достоверно более выражены эмоциональные симптомы ($p = 0,003$), проблемы поведения

($p = 0,008$) и общения со сверстниками ($p = 0,001$). Просоциальное поведение более выражено у дошкольников с надёжной привязанностью по сравнению с ненадёжной ($p = 0,03$).

В целом, данные указывают на высокий уровень экстернатальных проблем или деструктивных отклонений в поведении у детей с ненадёжной привязанностью к матери, что соответствует более низким итогам развития и адаптации, а это, в свою очередь, прогрессивно снижает прогноз в отношении будущего [16].

Сравнение выраженности тревожности у детей с учётом типа привязанности показало, что у детей с ненадёжной привязанностью достоверно более высокий уровень тревожности.

При сравнении оценки психологического здоровья оказалось, что дети с надёжной привязанностью характеризуются более высоким уровнем адаптированности и социально-одобряемым поведением ($p = 0,05$), значительно меньше имеют поведенческие нарушения.

В целом здоровье детей с надёжной привязанностью оказалось лучше, чем с ненадёжной.

В ходе исследования также были выявлены корреляционные взаимосвязи психического здоровья, его характеристик и показателей привязанности к матери в разных группах детей.

Надёжная эмоциональная связь с матерью оказалась фактором защиты от тревожности ($p \leq 0,01$) независимо от типа привязанности. Отсутствие со стороны матери чуткости к настроению, поведению и потребностям ребёнка предрасполагает к росту интернальных и экстернальных проблем у детей с ненадёжной привязанностью ($p \leq 0,001$).

Надёжность в отношениях с мамой положительно коррелирует с высоким уровнем просоциального поведения ($p \leq 0,01$). Установлено, что дети с надёжным типом привязанности способны и сами оказывать помощь и сопереживать другому человеку, а также обращаться к матери за помощью и поддержкой.

У детей с ненадёжной привязанностью доверительность и близость в отношениях с матерью оказываются связаны с «гиперактивностью» ($p \leq 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют, что доверительные, открытые и близкие отношения с матерью уменьшают симптомы импульсивного поведения у ребёнка.

На следующем шаге анализа был определён вклад сфер проявления привязанности в показатели психологического здоровья дошкольников (рис. 2).

Были выявлены интересные эффекты совокупного влияния сфер проявления привязанности на выраженность показателей психического здоровья. Так, в группе дошкольников с надёжной привязанностью эмоциональная близость с матерью и совместная с ней деятельность оказывают совокупное влияние на проявление тревожности ($R = 0,54$, $R_2 = 0,29$, при $p = 0,023$, $F = 11,803$). Неудовлетворённость близкими и тёплыми отношениями с матерью может

провоцировать появление тревожности у дошкольников ($\beta = -0,420$, при $p = 0,000$), а общая деятельность с матерью выступать фактором защиты от тревожности ($\beta = 0,263$, при $p = 0,023$).

Эмоциональная близость с матерью оказывает влияние на проявление просоциальности в поведении ребёнка ($R = 0,31$, $R_2 = 0,09$, при $p = 0,015$, $F = 6,215$). Тесная и доверительная связь с матерью побуждает надёжно привязанного ребёнка быть внимательным и отзывчивым по отношению к другим людям, оказывать им помощь ($\beta = 0,309$, при $p = 0,015$).

В группе детей с ненадёжным типом привязанности было установлено влияние эмоциональной близости с матерью на проявление тревожности у детей ($R = 0,88$, $R_2 = 0,77$, при $p = 0,000$, $F = 116,277$). Так, недостаточно близкие взаимоотношения с матерью у дошкольников с ненадёжным типом привязанности способствует проявлению у них тревожности ($\beta = -0,880$, при $p = 0,000$).

Эмоциональная чуткость матери и восприятие матери как источника помощи и поддержки выступают факторами защиты в отношении эмоциональных расстройств у ребёнка с ненадёжной привязанностью ($R = 0,67$, $R_2 = 0,45$, при $p = 0,000$, $F = 13,4$). Восприятие близкого взрослого как заботливого, чуткого ($\beta = -0,539$, при $p = 0,000$) и надёжного источника помощи ($\beta = -0,296$, при $p = 0,033$) снижает проявление эмоциональных симптомов у дошкольников.

Вторая серия

Исследование распространённости типа привязанности в выборке младших школьников выявило следующее соотношение надёжной и ненадёжной привязанности: надёжная привязанность отмечается у 71,3% детей, ненадёжная – у 28,6%. Сравнение показателей сфер проявления привязанности показало такие же различия, как и в группе дошкольников.

Далее было проведено исследование психологического благополучия с учётом типа привязанности: оказалось,

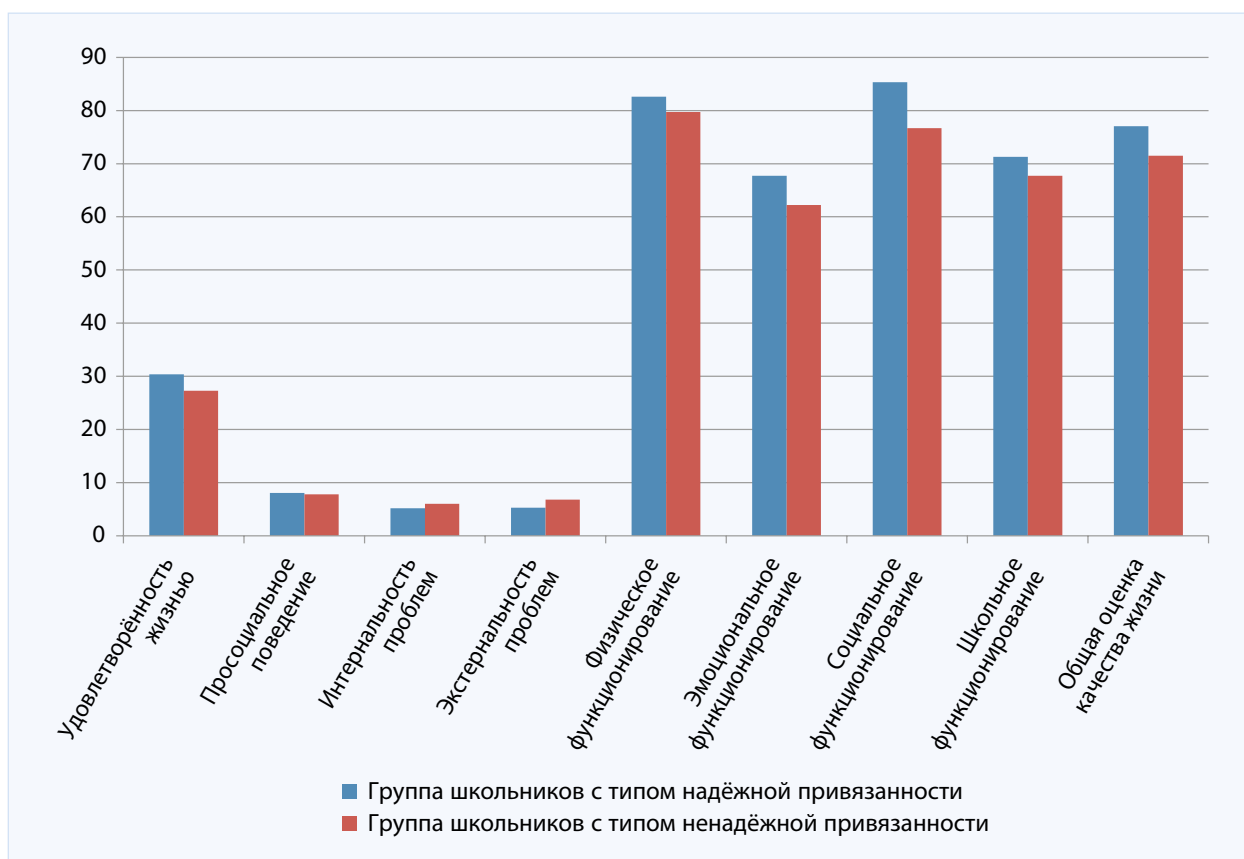

Рис. 2. Показатели психологического благополучия детей с разным типом привязанности

что в целом дети с надёжной привязанностью имеют более высокий уровень социального функционирования ($p = 0,02$) и общий показатель качества жизни ($p = 0,02$), и на уровне тенденции выше оценивают удовлетворённость жизнью ($p = 0,08$) и эмоциональное функционирование ($p = 0,07$). В группе детей с ненадёжным типом привязанности чаще отмечаются экстернальные проблемы ($p = 0,04$).

Осуществлённый затем регрессионный анализ определил вклад сфер проявления привязанности в показатели психологического благополучия младших школьников.

Оказалось, что высокий уровень чувствительности матери к эмоциональному состоянию ребёнка вносит больший вклад в удовлетворённость жизнью ($\beta = 0,20$, при $p = 0,02$), физическое ($\beta = 0,204$, при $p = 0,021$) и психосоциальное ($\beta = 0,22$, при $p = 0,011$) функционирование, а также общее качество жизни

($\beta = 0,197$, при $p = 0,02$). Это означает, что эмоциональная чувствительность, отзывчивость и эмпатичность матери по отношению к ребёнку, обеспечивая ему чувство защищённости и безопасности, способствует социальной активности и удовлетворённости.

Основной вклад в просоциальное поведение школьников с надёжной привязанностью вносит гармоничность совместной деятельности с матерью ($\beta = 0,163$, при $p = 0,05$). Так, гармоничность взаимодействия, когда оба участника получают удовольствие от совместных занятий, развивает у детей способность к сотрудничеству и взаимодействию.

В группе школьников с ненадёжной привязанностью предикторами удовлетворённости жизнью выступают показатели «Взаимодействие с матерью в социальном контексте» ($\beta = 0,293$, при $p = 0,06$) и «Потребность в присутствии матери» ($\beta = 0,278$, при $p = 0,04$). Недостаточные

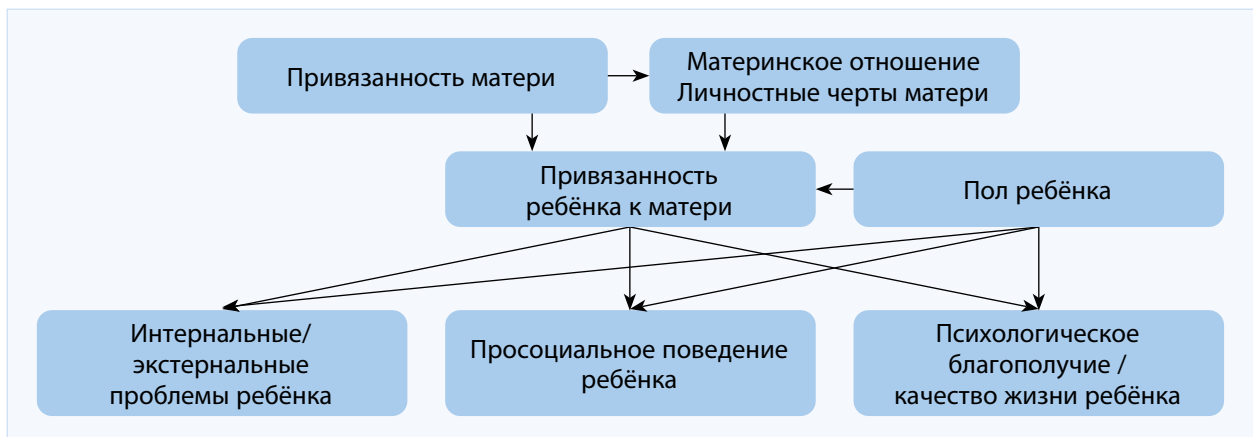

Рис. 3. Модель благополучия ребёнка в контексте ранних отношений с матерью

включённость близкого взрослого в мир отношений и участие в делах ребёнка объясняют сниженный уровень удовлетворённости жизнью у детей с ненадёжной привязанностью.

Обнаружилось, что низкий уровень включённости матери во взаимодействие с ребёнком вносит вклад в социальное функционирование ($\beta = 0,273$, при $p = 0,04$). Иными словами, проблемное взаимодействие с матерью стимулирует социальную дезадаптированность.

Выделено также, что недостаток эмоциональной близости ($\beta = 0,37$, при $p = 0,009$) и неудовлетворённость совместной деятельностью с матерью ($\beta = 0,26$, при $p = 0,05$) снижают интегральную характеристику качества жизни школьников с ненадёжной привязанностью, что впоследствии может формировать модель будущей жизни детей.

Итак, полученные результаты подтверждают наличие влияния привязанности к матери на психологическое благополучие, а также типологическую специфику этого вклада. При этом наиболее существенную роль в достижении высокого уровня удовлетворённости жизнью, физического и социального функционирования ребёнка, общего качества жизни играют чуткость и внимательность матери к ребёнку. Отсутствие у матери такой характеристики, как доступность, когда дети не чувствуют близости с ней, в комплексе с конфликтным взаимодействием

с ней, выступают предиктором нарушений физического, эмоционального и социального функционирования, низкого качества жизни.

Таким образом, наше исследование позволяет сделать вывод, что надёжная привязанность предсказывает благополучие в сфере здоровья, высокую когнитивную оценку удовлетворённости жизнью и оптимальные социально-эмоциональные результаты развития. Анализ показал, что ненадёжная привязанность снижает удовлетворённость жизнью, способствует поведенческим нарушениям и психоэмоциональным реакциям, сказывается на ограничении социальных контактов и качестве жизни. Наиболее весомый вклад в здоровье и благополучие в период детства вносит проявление чуткости и внимательности со стороны матери. В совокупности полученные результаты свидетельствуют о том, что модель благополучия ребёнка, учитывающая различные личностные и экологические факторы, может быть наиболее полезной для понимания пути достижения благополучия детьми (рис. 3).

Результаты исследования могут быть полезны при разработке валеологических программ, программ по поддержанию и улучшению психического здоровья, при проведении детско-родительского консультирования с учётом эмоционально-поведенческих проявлений привязанности в детском возрасте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурменская Г.В. Привязанность ребёнка к матери как основание типологии развития // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 4. С. 17–31.
2. Куфтык Е.В. Привязанность ребёнка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1 (86). С. 78–83.
3. Куфтык Е.В., Задорова Ю.А. Привязанность дошкольников к матери и её влияние на психическое здоровье [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 169–185. DOI: 10.17759/cpse.2020090109.
4. Karen R. Becoming attached. First relationships and how they shape our capacity to love. New York: Oxford University Press, 1998.
5. Mayseless O. Attachment patterns and their outcomes // Human Development. 1996. Vol. 39. P. 209–223.
6. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
7. Dobbs J., Arnold D. Relationship between preschool teachers' reports of children's behaviour and their behaviour toward those children // School Psychology Quarterly. 2009. Vol. 24. № 2. P. 95–105.
8. King R.B., Ganotice F.A. The social underpinnings of motivation and achievement: Investigating the role of parents, teachers, and peers on academic outcomes // The Asia-Pacific Education Researcher. 2013. Vol. 23. P. 745–756. DOI: 10.1007/s40299-013-0148-z.
9. Al-Yagon M. Maternal emotional resources and socioemotional well-being of children with and without learning disabilities // Family Relations. 2010. Vol. 59. P. 152–169.
10. Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
11. Хухлаева О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции. М.: Издательский центр «Академия», 2011.
12. Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. Russian child mental health a cross-sectional study of prevalence and risk factors // European child & adolescent psychiatry. 2005. Vol. 14. № 1. P. 28–33. DOI: 10.1007/s00787-005-0420-8.
13. Toporkova I.V., Slobodskaya H.R., Petrenko E.N., Loginova S.V., Kornienko O.S. Development of scales for assessing well-being of preschool and primary school children // Poster presented at the 13th European Conference on Psychological Assessment. Zurich, 2015.
14. Баранов А.А. Изучение качества жизни в педиатрии. М.: ПедиатрЪ, 2010.
15. Imran S., MacBeth A., Quayle E., Chan S.W.Y. Secondary attachment and mental health in Pakistani and Scottish adolescents: a moderated mediation model // Psychology and psychotherapy. 2020. Vol. 93. P. e12280. DOI: 2443/10.1111/papt.12280.
16. Гудман Р., Скотт С. Детская психиатрия. М.: ТриадаХ, 2008.

ENGLISH

Health and Well-Being in Childhood: Role Attachment

Elena V. Kuftyak – Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of General Psychology at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, head of the project “Attachment in childhood and relationship with mental health problems” (18-013-01101).

E-mail: elena.kuftyak@inbox.ru

The emotional bond or attachment with a close adult (mother) is a normal phenomenon during child development and represents the basis for the analysis of individual adaptation variations throughout life. This research subject is relevant because of the importance of the nature of the primary emotional relationship with the mother and its influence on the child's mental development and well-being. This study, which consists of two series, investigates the

contribution of emotional attachment to mental health and psychological well-being during childhood. Series 1 was conducted on older preschool children. It was established in this series that the mother's emotional sensitivity and acceptance of her child are significant predictors of prosocial behavior in preschoolers. In contrast, the lack of support by the mother for her child, as well as the child's lack of need for the presence of the mother increase the probability of emotional disturbances and behavioral problems in preschoolers. Series 2 involved a sample of elementary school children. It was revealed in this series that the mother's sensitivity and attentiveness to her child makes a significant contribution to the child's achievement of a high level of life satisfaction, as well as a high level of physical and social functioning.

Keywords: attachment to mother, mental health, well-being, life satisfaction, predictors, children, schoolchildren

REFERENCES

1. Burmenskaya G.V. Privyazannost' rebenka k materi kak osnovanie tipologii razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2009. № 4. S. 17–31 (in Russian).
2. Kuftyak E.V. Privyazannost' rebenka k materi i otnosheniya privyazannosti blizkikh vzroslykh // Sibirskii vestnik psikhologii i narkologii. 2015. № 1 (86). S. 78–83 (in Russian).
3. Kuftyak E.V., Zadorova Yu.A. Privyazannost' doskol'nikov k materi i ee vliyanie na psikhicheskoe zdorov'e // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education. 2020. T. 9. № 1. S. 169–185 (in Russian). DOI: 10.17759/cpse.2020090109.
4. Karen R. Becoming attached. First relationships and how they shape our capacity to love. New York: Oxford University Press, 1998. 512 p.
5. Maysless O. Attachment patterns and their outcomes // Human Development. 1996. Vol. 39. P. 209–223.
6. Boulbi Dzh. Privyazannost'. Moscow: Gardariki, 2003 (in Russian).
7. Dobbs J., Arnold D. Relationship between preschool teachers' reports of children's behaviour and their behaviour toward those children // School Psychology Quarterly. 2009. Vol. 24. № 2. P. 95–105.
8. King R.B., Ganotice F.A. The social underpinnings of motivation and achievement: Investigating the role of parents, teachers, and peers on academic outcomes // The Asia-Pacific Education Researcher. 2013. Vol. 23. P. 745–756. DOI: 10.1007/s40299-013-0148-z.
9. Al-Yagon M. Maternal emotional resources and socioemotional well-being of children with and without learning disabilities // Family Relations. 2010. Vol. 59. P. 152–169.
10. Pupyreva E.V. Emocional'naya privyazannost' k materi kak faktor stanovleniya avtonomii lichnosti v mladshem shkol'nom vozraste: dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2007 (in Russian).
11. Huhlaeva O.V. Osnovy psihologicheskogo konsul'tirovaniya i psihologicheskoy korrekcii. Moscow: Akademiya, 2011 (in Russian).
12. Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. Russian child mental health a cross-sectional study of prevalence and risk factors. European child & adolescent psychiatry. 2005. Vol. 14. № 1. P. 28–33. DOI: 10.1007/s00787-005-0420-8.
13. Toporkova I.V., Slobodskaya H.R., Petrenko E.N., Loginova S.V., Kornienko O.S. Development of scales for assessing well-being of preschool and primary school children // Poster presented at the 13th European Conference on Psychological Assessment. Zurich, Switzerland, 2015.
14. Baranov A.A. Izuchenie kachestva zhizni v pediatrii. Moscow: Pediatr, 2010 (in Russian).
15. Imran S., MacBeth A., Quayle E., Chan S.W.Y. Secondary Attachment and Mental Health in Pakistani and Scottish Adolescents: A Moderated Mediation Model // Psychology and psychotherapy. 2020. Vol. 93. P. e12280. DOI : 2443/10.1111/papt.12280
16. Gudman R., Skott S. Detskaya psihiatriya. Moscow: TriadaX, 2008 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс УДК 94

Код ГРНТИ 03.09.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-110-121

И.И. ЕРЕМЕЕВ*

Предварительные итоги археологических исследований средневекового Усвята в 2019–2021 гг.

Статья знакомит с результатами новейших археологических исследований древнерусского города Усвята, первое упоминание о котором в русских летописях относится к 1021 г. Город расположен на юге Псковской области на западном берегу Усвятского озера. За три года раскопок здесь удалось обнаружить культурный слой X – начала XI в. и синхронный языческий курганный могильник. Обнаружены и изучены фортификационные сооружения XII в. и связанный с ними участок городской застройки XII–XIII вв. Основные работы развернулись на городском христианском некрополе XII–XVII вв., где изучены 143 сохранившихся погребения. В пойме выявлен участок влажного культурного слоя и начато его изучение. Археологические данные подтверждают существование на Усвятском озере во второй половине X – начале XI в. крупного укрепленного торгово-ремесленного поселения, заметную роль в котором играли выходцы из Скандинавии. В XII в. в топографии поселения фиксируются радикальные изменения, связанные с христианизацией. Языческий некрополь сносится и застраивается, а самая престижная часть поселения передается церкви и отводится под христианское кладбище. Выявленные здесь следы большой постройки XI–XII вв. предположительно интерпретированы как остатки деревянной церкви.

Ключевые слова: древнерусский город Усвят, Полоцкая земля, путь «из варяг в греки»

В октябре 2021 г. Двинско-Волховская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН завершила полевой сезон на юге Псковской области¹. Из предусмотренных проектом РФФИ трёх лет в совокупности восемь месяцев длились археологические раскопки. Главным их объектом стало расположенное на западном берегу Усвятского озера в 2 км к югу

от современного посёлка Усвяты урочище Юрьевы Горы (ил. 1), получившее своё название, будто бы, от бывшей здесь в старину Георгиевской церкви. Именно тут, согласно документам конца XVI в., находилось «городище старое Усвятское» [2, с. 445], т.е. древнерусский город Усвят, первое упоминание о котором в русских летописях относится к 1021 г. С 1889 г., когда догадку о локализации города

¹ Ввиду того, что на момент написания этой статьи (14–20 октября 2021 г.) коллекции были не только не обработаны, но даже не распакованы после возвращения экспедиции из поля, приходится воздержаться от подробного описания находок 2021 г.

* **Еремеев Иван Игоревич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела славянско-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, руководитель проекта «Усвят: древнерусский город на Новгородско-Полоцком пограничье» (19-09-00085а).

E-mail: eremeev_iimk@mail.ru

Ил. 1. Урочище Юрьевы Горы. Вид с севера

высказал В.П. Сапунов [1, с. 29, 30], она получает всё больше подтверждений.

Сообщение сравнительно поздних летописей Новгородско-Софийской группы о передаче Ярославом Мудрым полоцкому князю Брячиславу Изяславичу в 1021 г. Усвята и Витебска [3, с. 110–111], как известно, оторвано от основного массива древнейших русских летописных известий об эпохе Ярослава и стоит в текстологических исследованиях в ряду «неизвестно откуда взятых», т.е. попросту сомнительных повествований. Несмотря на обширную историографию, выдвигающую ряд текстологических аргументов в пользу достоверности известия [1, с. 121–132], прочно обосновать её только на основании критики текстов вряд ли возможно. Нужно как минимум, на местности отыскать Усвят 1021 г., а затем на археологическом материале постараться оценить его экономическое и политическое значение для Руси. Ведь, если верить Новгородской IV летописи и родственным ей сводам, Усвят в этот исторический момент оказался в центре масштабной военно-политической коллизии, разворачивавшейся на огромном пространстве между Полоцком, Новгоро-

дом и Киевом. Отражение этих событий принято видеть и в скандинавском источнике — знаменитой Пряди об Эймунде Хрингссоне. Чем объяснить столь яркое появление Усвята в истории Руси; какую роль он тогда играл? Ответить на эти вопросы может только археология.

Основной упор в работе над проектом не случайно был сделан на полевые исследования. Вряд ли нужно дополнительно обосновывать исключительную ценность для отечественной культуры введения в научный оборот материалов практически не исследовавшегося ранее древнерусского города, летописная политическая история которого восходит к началу XI в. Средневековый Усвят до последних лет мало привлекал внимание археологов. Небольшие исследования 1940–1980-х гг. Я.В. Станкевич, А.М. Микляева, Р.С. Минасяна и два наших разведочных раскопа, заложенные в 2013 г., дали весьма скромный материал [4, 6]. Полученные данные подтверждали догадку В.П. Сапунова, но не позволяли судить о хронологической динамике становления города, даже не отвечали на вопрос — был ли Усвят городом уже в эпоху Ярослава Мудрого?

Ил. 2. Раскоп 2019 г. на южном мысу. Вид с севера

Урочище Юрьевы Горы представляет собой слабохолмистое моренное плато, сложенное валунным суглинком, который перекрыт тонким слоем супесей, что весьма удобно для земледелия. С юга и севера этого плато находятся два крутых мысовых всхолмления, форма которых обусловлена антропогенными факторами – неоднократными подсыпками и подрезками грунта. Вокруг южного мыса на аэрофотоснимках на пашне заметна поверхность сnivelированного распашкой вала в виде полосы светлого песка. Северный мыс оконтурен рвом, хорошо читающимся в современном рельефе. С этими мысами и связаны, как оказалось, два основных этапа в истории древнерусского города.

За три полевых сезона экспедицией были заложены три раскопа. Первый из них, площадью 268 м², располагался на наиболее возвышенном южном мысу коренного берега Усвяцкого озера – на «старом Усвяцком городище» (ил. 2). Раскопки здесь проводились в 2019–2020 гг. Впервые были открыты дерево-земляные укрепления городка XII–XIII вв., состоящие из ряда городней,

заполненных песком и дёрном (ил. 3). С напольной стороны городни были присыпаны песком. Со стороны площадки ряд городней оставался открытым, и к нему вплотную подступала жилая и хозяйственная застройка, образующая несколько строительных горизонтов [5, с. 453, рис. 4]. Выяснилось, что культурный слой сохраняет дерево, хотя и в виде, непригодном для дендроанализа.

Здесь были расчищены 4 срубные постройки XII–XIII вв. и найден многочисленный материал этого времени, характерный для древнерусской городской культуры: бусы и стеклянные браслеты, костяные гребни, бронзовые украшения, фрагменты амфор. Важно отметить, что более поздних материалов, чем XIII в., в раскопе не найдено. Надо полагать, в середине – второй половине этого столетия город прекратил своё существование, возможно, во время одного из литовских набегов. Очевидно, с XIV в. городское поселение было перенесено на более защищённую Замковую гору на территории современного посёлка Усвяты.

В первый же год раскопок по проекту стало понятно, что культурного слоя, ко-

торый можно было бы соотнести с поселением эпохи Ярослава Мудрого в древнерусском городке на «старом Усвяцком городище» нет. Городни вала стояли прямо на погребённой почве, правда, покрытой странными неровностями явно антропогенного происхождения. Кроме того, в культурном слое XII–XIII вв. встречались некоторые более ранние находки — сердоликовые бусы, фрагменты лепной и раннегончарной керамики. Объяснение всему этому нашлось при зачистке погребённой почвы. Выяснилось, что укрепления и постройки XII–XIII вв. поставлены поверх курганного могильника с сожжениями. Остатки полуразрушенных насыпей, ровиков и создавали неровности рельефа, зафиксированные под городнями; ранние же находки принадлежали разрушенным погребениям. Удалось проследить, что полусферические вершины курганов специально срезались, выравнивались и использовались для установки срубов жилых домов. Таких домов XII в., поставленных прямо на полузасытые курганы, в раскоп попало два.

При этом в раскопе полностью оказался один курган с трупосожжением, произведённым на месте насыпи, содержавший железную пряжку. Ещё два кургана исследованы частично [5]. Между насыпями обнаружены следы ритуальных костров и каких-то столбовых конструкций, многослойные скопления костей животных, фрагменты лепной и раннегончарной керамики (ил. 4). Несомненно, могильник функционировал в X в., но, возможно, содержит и более ранние захоронения. Найдены среди курганов и грунтовые трупосожжения, принесенные со стороны — в ямках и под небольшими набросами грунта, которые сложно назвать курганом. В одном из таких погребений найдена скандинавская бронзовая булава (или копоушка) с личиной в стиле Борре [5, с. 455]. Таким образом, ясно, что могильник имел сложную структуру и функционировал длительное время. Где же располагалось связанное с ним поселение?

В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к северному мысу урочища, имевшему сравнительно небольшие

Ил. 3. Раскоп 2019 г. на южном мысу. Разрез внутривальных городней, уложенных в понижение рельефа антропогенного происхождения (вероятно, ровик кургана). Слева — городня, забутованная песком с прослойками дернин; справа (за вертикально поставленной масштабной рейкой) — городня, полностью заложённая дерном

Ил. 4. Отреставрированная керамика из раскопок 2019 г.:
 1, 2 — лепные сосуды из погребений; 3 — фрагмент гончарного сосуда из ровика кургана

Ил. 5. Раскоп 2020/2021 г. на северном мысу. Вид с юга

размеры (ил. 5). Раскопки здесь велись в 2020–2021 гг. (исследованная площадь — 160 м²). Первые результаты оказались неожиданными — перед нами открылись правильные ряды мощных надмогильных валунных кладок, часто почти недоступных для раскопок вручную (ил. 6)¹. В древнерусском городе подобные погребальные сооружения встречены впервые. В Новгородской и Полоцкой землях каменные выкладки известны исключительно на сельских могильниках (на севере их называют жальниками). Обычно валуны на таких могильниках значительно меньше по размерам. Ниже оказался многослойный кладбищенский горизонт.

Всего за два года нами исследовано 143 целых погребения. Количество переотложенных захоронений пока подсчитывается, но едва ли оно составит меньшую цифру. Все погребённые лежат

головой на юго-запад, большей частью в гробовищах, скреплённых коваными гвоздями (ил. 7)². Несмотря на то что погребения с вещами в могильнике единичны, инвентарь их позволяет очертить хронологию кладбища. Оказалось, что первые погребения на мысу начали совершаться не позднее второй половины XII в. Первоначально это было, видимо, обычное христианское кладбище с преобладанием безинвентарных погребений в гробах. Валунные кладки появляются позже — в XIII в. К этому времени относятся довольно многочисленные находки в захоронениях разнообразных (бронзовых, серебряных, серебряных с позолотой) тиснёных нашивных бляшек от головных венчиков.

Кладбище, судя по нумизматическим находкам, функционировало и в более позднее время — в XVI–XVII вв. Сложным

¹ Огромные валуны невозможно было извлечь из раскопа, и их приходилось постепенно скатывать на изученные до материка участки.

² Дерево в культурном слое северного мыса не сохраняется, гробы прослеживаются, главным образом, по расположению гвоздей.

Ил. 6. Валунные надмогильные выкладки после снятия наносного грунта. Вид с юга. В восточном секторе раскопа виден лежащий на каменной могильной плите четырёхконечный крест. Август 2020 г.

Ил. 7. Погребение христианского некрополя, совершённое в более раннюю могилу

является вопрос о наличии в могильнике хронологической лакуны между группой погребений XII–XIII вв. и группой XVI–XVII вв. Судить о непрерывности использования могильника можно будет, вероятно, только на основании датирования костных остатков естественно-научными методами.

Выяснилось, что погребения на некоторых участках впущены в некую насыпь из переотложенного материкового красноватого суглинка, которая имела высоту не менее 1,5 м и располагалась на оконечности мыса. Конфигурация и назначение этой насыпи пока неясны. Скорее всего, это остатки фортификационных сооружений. Именно благодаря тому, что погребения отчасти совершались в этой насыпи, они не смогли окончательно, до материка, разрушить занимавший мыс ранний культурный слой. Последний, как выяснилось, и был целью наших поисков.

Итак, вышеупомянутая насыпь перекрыла культурный слой мощностью до 0,5 м. Он содержал лепную и раннегончарную керамику, а также множество находок, уверенно относящихся напластования к X – началу XI в. Здесь найдены саманидские дирхемы, два железных амулета в виде «молота Тора», рубленый бисер, бусы-лимонки и глазчатая бусина с восьмёрковидным «переплётом», множество бронзовых трапециевидных подвесок.

Из находок, связанных с переотложенным могилами слоем, можно отметить фрагменты амфор, две ланцетовидные стрелы и одну двушипную втульчатую стрелу, каменную вставку в перстень с арабской надписью, византийский медный фоллис (подожду определять его до окончания реставрации), бронзовую ромбовидную подвеску на плетёной цепочке, обломки костяных наборных гребней второй группы, по О.И. Давидан, фрагмент оселка из полосатого

Ил. 8. Ремённая накладка в стиле Борре, X в. Раскопки 2020 г.

слоистого камня. Большой интерес представляет накладка на ремённую сбрую из позолоченной бронзы с орнаментальной композицией в стиле Борре (ил. 8). Набор находок не оставляет сомнений в том, что на изученном нами участке обитали выходцы из Скандинавии, связанные с дальней торговлей – та самая русь, о которой писал в своем известном сочинении Константин Багрянородный. В культурном слое и материке исследовано несколько ям различного назначения, в том числе два крупных подпольных котлована, связанных с какими-то большими постройками X в., контуры стен которых, к сожалению, не читались (ил. 9).

Таким образом, экспедицией обнаружен укрепленный центр раннегородского поселения. Что касается синхронного ему торгово-ремесленного посада, то он был открыт и исследован нами небольшим раскопом ещё в 2013 г. Материалы раскопок на посаде, относящиеся к X в., полностью опубликованы [4]. Для исследованного там участка характерна концентрация фрагментов тиглей и отходов бронзолитейного производства. Довольно часто встречались фрагменты тиглей и в слое X в. на северном мысу.

На Юрьевых Горах располагалось крупное торгово-ремесленное поселение X в., на котором доминировали (обитали

Ил. 9. Раскоп на северном мысу 2021 г. Подпольная яма жилой постройки X – начала XI в. (через неё проходят крестообразные контрольные бровки) и перекрывающая её большая постройка на столбах XI–XII вв.

в наиболее престижной, укрепленной его части) норманны. Понятно, что только для них могли иметь значение «молоточки Тора», выпавшие в культурный слой. Перед нами памятник, стоящий в одном ряду с такими поселениями, как Гнёздово или Рюриково Городище, фактически — на пути, их соединяющем. Ближайшей аналогией Усвяту является расположенный неподалеку Городок на Ловати [6]. Уже в X в. Усвят, очевидно, был важным звеном в системе торгово-административных коммуникаций, известных как путь «из варяг в греки». Здесь же, по-видимому, располагалась и княжеская резиденция, в которой останавливались князья и их приближенные на пути между Киевом и Новгородом. Ценность этой территории для Полоцка несомненна: Усвят был лакомым куском, за который стоило побороться.

Раскоп на северном мысу задал ещё одну загадку, пока не решённую. Культурный слой X – начала XI в. был здесь перекрыт горизонтом пожара того же времени. При расчистке его поверхно-

сти зафиксированы прорезающие углестый слой большие столбовые ямы, расположенные попарно (всего 6 ям). В ямах в виде гумусных пятен обнаружены остатки столбов, диаметр которых достигал 0,5 м. К западу от больших ям со столбами, уже не в культурном слое и материке, а только в материке, выявлена система столбовых ям меньших размеров. В целом следы столбов очерчивают контуры большой постройки размерами не менее 7,5×5,5 м (см. ил. 9). Постройка ориентирована короткими стенами на юго-запад, так же, как и могилы городского кладбища. Сооружение лежит вне вышеупомянутой насыпи из красноватого суглинка, законсервировавшей участок культурного слоя X – начала XI в., поэтому могилы повредили постройку очень сильно. Основания некоторых столбов едва читались на дне могильных ям.

Сразу после завершения раскопок, пожалуй, следует воздержаться от реконструкции постройки. Наиболее сложен вопрос о назначении столбовых ям — предназначались ли они для кар-

касно-столбовой конструкции или же для сруба, поставленного на обрубке брёвен — «стулья»? Может быть, имело место какое-то сочетание двух строительных технологий? Думаю, после обработки полевой документации и коллекций эти вопросы можно будет уточнить. Тем не менее неясность пока остаётся хотя бы потому, что северный угол постройки оказался за пределами раскопанной площади.

Постройка поставлена после пожара, вероятно, имевшего место не позднее начала XI в. Многочисленные погребения кладбища, среди которых имеются могилы XII–XIII вв., перекрывают её; следовательно, хронологический диапазон, в котором она могла существовать, охватывает XI–XII вв. Несомненно, постройка несколько раз ремонтировалась — в больших столбовых ямах зафиксированы следы нескольких столбов, видимо, укреплявших постепенно подгнивающие первоначальные опоры. Отопительного устройства в постройке не было. Культурного слоя, связанного с ней, не выявлено. Конечно, многое перемешано кладбищем, но если бы такой слой имелся, его удалось бы проследить, хотя бы фрагментарно. Смогли же мы кое-где между могилами зафиксировать участки напластований X — начала XI в. с линзами рыбьей чешуи, развалами сосудов, золлистыми прослойками и прочими следами домашнего быта (см. ил. 9).

Какие же находки можно связать с большой постройкой? Очевидно те, что не могут принадлежать ни подстилающему её культурному слою X в., ни погребениям XII–XVII вв. Такие находки есть, их две категории — бронзовые книжные застёжки (4 экз.) и древнерусские свинцовые вислые печати (3 целых экземпляра и 1 фрагмент). Всё вышесказанное: нежилой характер, отсутствие следов хозяйственной деятельности, связь с неким архивом и книжным собранием и, главное, расположение на кладбище, согласованность ориентировки могил

и постройки, наводят на мысль, что нами открыто основание храма. Окончательно этот вопрос, разумеется, решить пока не представляется возможным, поскольку находки допускают разное толкование. Книжные застёжки и печати можно встретить, например, и на богатых усадьбах XII–XIII вв., причём не только на городских [7, с. 409; 8, с. 55, 56]. Необходимо продолжить исследования этого участка.

Осталось упомянуть ещё об одном раскопе, который был заложен нами в 2021 г. в пойме Усвятского озера у подножия северного мыса. Здесь, под слоем позднесредневековых озёрно-аллювиальных отложений, был обнаружен влажный торфянистый культурный слой X в., содержащий, помимо обычных находок лепной и гончарной керамики, обломков амфор и шлаков, фрагменты обработанной древесины. Участок площадью 36 м² оказался расположен как вне застройки, так и вне хозяйственных сооружений. Найдены следы плотницкой работы — слои щепы, обрубки веток, колья и т.п. Из интересных находок можно отметить деревянную счётную бирку. Важен сам факт наличия на Юрьевых Горах влажного культурного слоя. Очевидно, что перспективы его исследования огромны, и важные находки из органических материалов — исключительно вопрос времени, настойчивости и научной удачи.

Итоги нашего трёхлетнего проекта, как уже говорилось, подводить рано. Основная работа по обработке коллекции (как археологической, так и антропологической) ещё впереди. Работа задумывалась как анализ истории города, возникающего на культурно-историческом и политическом пограничье. Тема пограничья действительно выступила очень отчётливо, например, в вопросе о появлении в городе такого редкого погребального обряда, как массивные валунные надмогильные кладки. Полагаю, в данном случае их следует связывать с литовскими влияниями.

Но начало разработки неизученной научной темы всегда ставит новые, неожиданные вопросы. Уже сейчас можно наметить и главную тему в усвятской проблематике, тему, разработка которой сулит, на мой взгляд, наиболее интересные результаты. Это крещение центральных областей Руси, в частности Полоцкой земли, и связь христианизации этих областей с процессом градообразования. Вряд ли можно объяснить такое событие в ранней истории Усвята, как появление христианского кладбища на месте престижной укрепленной части языческого поселения, не прибегая к допущению, что передача церкви этой земли произошла под влиянием внешних сил, скорее всего, с санкции княжеской власти. То же самое относится и к сносу языческого курганного некрополя и постройке на его месте нового укрепленного городского центра.

После трёх полевых сезонов древнерусский город Усвят предстал перед нами из небытия в динамике своего становления, с основными элементами городской топографии — древним языческим и новым укрепленными городскими центрами, языческим и христианским

некрополями. Мы видим, как они меняются местами, знаменуя радикальную смену мировоззрения и, возможно, отражая какие-то демографические катаклизмы XI в. на Новгородско-Полоцком пограничье. Остаётся дорабатывать хронологические детали этих событий, имевших место в XI – начале XII в., но общая картина вряд ли уже претерпит кардинальные изменения.

Важно отметить ещё одну намечающуюся проблему. Это связь норманнизированного торгово-ремесленного центра X в. с более ранними славянскими поселениями усвятской округи, неплохо изученными [9, с. 18–25]. В наших раскопках раннеславянский культурный горизонт проступает лишь в виде отдельных находок, встреченных вне комплексов: пряслиц с широким отверстием, слабопрофилированной архаичной лепной керамики, литейной формочки для отливки примитивных свинцово-оловянистых украшений. Всё это говорит о том, что где-то на Юрьевых Горах существуют следы славянских поселений VII–IX вв. или даже более раннего времени. Их поиск — интереснейшая задача для будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапунов В.П. Усвят (местечко Витебской губернии) и святыня его. Витебск, 1889.
2. Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1. Отделение II. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Калужской, Орловской, Тульской.
3. Новгородская четвёртая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. IV. Ч. 1.
4. Еремеев И.И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015.
5. Еремеев И.И. Новый этап исследований средневекового Усвята // Экспедиция працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага / уклад. і навук. рэд.: М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. Мінск: Колорград, 2021. С. 447–465.
6. Горюнова В.М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб., 2016.
7. Клімаў М.В. Археалагічны комплекс Лучна-1 у акрузе Полацка (XI–XVI стст.). Мінск, 2019.
8. Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В. Рюриково Городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017.
9. Еремеев И.И., Фурасьев А.Г. Древнерусский Усвят: в поисках города Ярослава Мудрого. СПб., 2021.

ENGLISH

**Preliminary Results of Archaeological Research
on the Medieval Town of Usvyat in 2019–2021**

Ivan I. Eremeev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archaeology at the Institute for the History of the Material Culture (Russian Academy of Sciences), head of the project “Usvyat: the Ancient Rus Town at the Novgorod-Polotsk Frontier” (19-09-00085).

E-mail: eremeev_iimk@mail.ru

The article introduces the results of the new archaeological research on the Ancient Rus town of Usvyat. This town was first mentioned in Russian medieval chronicles in 1021. The city is located in the south of the Pskov Region on the western shore of Lake Usvyatsky. During the three years of archaeological excavations, they found a fortified settlement of the 10th – beginning of the 11th century AD and a synchronous pagan burial mound cemetery. Fortifications of the 12th century and the associated urban site of the 12th–13th centuries were discovered and studied. The main works unfolded at the Christian necropolis of the 12th–17th centuries, where 143 preserved burials were studied. A wet cultural layer was identified in the floodplain and its study has begun. Archaeological data confirm the existence of a large crafts and trades settlement on Lake Usvyatsky in the second half of the 10th – beginning of the 11th century, where the Varangians played a significant role. In the 12th century, radical changes related to Christianization were recorded in the topography of the settlement. The pagan necropolis was demolished and rebuilt, and the most prestigious part of the settlement was transferred to the church and allocated for a Christian cemetery. The traces of a large building dated back to the 11th–12th centuries revealed here are presumed to be the remains of a wooden church.

Keywords: the Ancient Rus city of Usvyat, Polotsk Land, the way from the Varangians to the Greeks

REFERENCES

1. Sapunov V.P. Usvyat (mestechko Vitebskoj gubernii) i svjatynja ego. Vitebsk, 1889 (in Russian).
2. Pistsovyje knigi Moskovskogo gosudarstva. St. Petersburg, 1877. Ch. 1. Otdelenie II. Mestnosti gubernij: Jaroslavskoj, Tverskoj, Vitebskoj, Kaluzskoj, Orlovskoj, Tulskoj (in Russian).
3. Novgorodskaja chetvertaja letopis // Polnoe sobranie russkikh letopisej. Moscow, 2000. T. IV. Ch. 1. (in Russian).
4. Eremeev I.I. Drevnosti Polotskoj zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltijskogo regiona. St. Petersburg, 2015 (in Russian).
5. Eremeev I.I. Novj etap issledovanij srednevekovogo Usvyata // Expeditsija pratsaglostiju u zitse. Minsk, 2021. S. 447–465 (in Belarusian).
6. Gorunova V.M. Gorodok na Lovati X–XII vv. (k probleme stanovlenija goroda Severnoj Rusi). St. Petersburg, 2016 (in Russian).
7. Klimau M.V. Archealagichni kompleks Luchna-1 u akruze Polatska (XI–XVI stst). Minsk, 2019 (in Belarusian).
8. Nosov E.N., Plochov A.V., Chvoshinskaya N.V. Rurikovo Gorodishche. Novie etapi issledovanij. St. Petersburg, 2017 (in Russian).
9. Eremeev I.I., Furasiev A.G. Drevnerusskij Usvyat: v poiskah goroda Jaroslava Mudrogo. St. Petersburg, 2021 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-122-126

Л.И. ЖУРОВА, И.А. ШИПИЛОВ*

IV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвящённая 90-летию академика РАН Н.Н. Покровского (Новосибирск, 9–11 ноября 2020 г.)**

IV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», состоявшаяся 9–11 ноября 2020 г. в Институте истории СО РАН, была посвящена 90-летию выдающегося учёного академика Н.Н. Покровского, основателя сибирской археографической и источниковедческой школы. В ней приняли участие более 100 специалистов из ведущих научных центров, университетов, архивов, музеев, библиотек. Рассматривался широкий круг вопросов по истории древнерусской книжности, источниковедческой исследовательской и эдиционной практике, отечественной истории, культуре старообрядческих согласий и социальной истории Русской православной церкви.

Ключевые слова: Н.Н. Покровский, источниковедение, археография, история России, старообрядческая культура, Русская православная церковь

В истории гуманитарной науки XX в. с именем выдающегося учёного академика Николая Николаевича Покровского (фото) связаны разработки новых принципов и подходов к изучению разнообразных источников, организация и проведение археографических работ на просторах Сибири, открытие Судного списка Максима Грека и уникального (Томского) списка Степенной книги, организация серий на-

учных изданий («Археография и источниковедение Сибири», «История Сибири: Первоисточники», «Архивы Кремля»), многочисленные труды, определившие перспективы дальнейших комплексных исторических исследований, в том числе старообрядческой книжной культуры, и особенности отечественной источниковедческой школы.

IV Всероссийская научная конференция, посвящённая 90-летию Н.Н. Покров-

* **Журова Людмила Ивановна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, заместитель председателя оргкомитета конференции. E-mail: zhurovansk@mail.ru

Шипилов Илья Александрович — младший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, секретарь оргкомитета конференции. E-mail: Shipilof@yandex.ru

**Проект 20-09-20001.

ского, в формате онлайн собрала более 100 участников из 16 городов страны: историков, филологов, археологов, богословов, архивистов, искусствоведов из разных научных центров России, вузов, музеев, архивов, митрополий, библиотек. Среди них академики, члены-корреспонденты, доктора и кандидаты наук, научные сотрудники, аспиранты и магистранты. В течение трёх дней были проведены два пленарных заседания, 12 заседаний пяти секций, круглый стол, посвящённый памяти Н.Н. Покровского¹. Издан большой сборник статей, в который вошли материалы конференции и воспоминания об историке его учеников, коллег, друзей и родственников² и опубликовано сообщение о юбилейном мероприятии³.

Конференцию открыл директор Института истории СО РАН В.М. Рынков, подчеркнувший значение личности и трудов Н.Н. Покровского для современной науки и образования. С приветственным словом к участникам обратился академик В.И. Молодин, воссоздавший образ Н.Н. Покровского, крупного учёного, непростой жизненный путь которого отразил многие закономерности развития советского государства и отечественной науки во второй половине XX в. На пленарном заседании серия докладов была посвящена личности и деятельности Н.Н. Покровского (Б.И. Пивоваров, Н.С. Гурьянова). Большой интерес вызвал проект исследования и научного издания обширного мемуарного и эпистолярного наследия академика (д.и.н. Н.П. Матханова, к.ф.н. Л.В. Титова). Новые источники по истории экспедиции Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 г.

Фото. Академик РАН Н.Н. Покровский

в Сибирь были представлены в докладе чл.-корр. РАН И.В. Тункиной. О приёмах составления Лицевого летописного свода, выявленных в результате исследования его источников, увлекательно рассказал чл.-корр. А.В. Сиренов. Д.ф.н. Е.Л. Конявская подняла актуальный вопрос о новом издании завещаний и договоров русских князей XIV–XVI вв., о современных направлениях в подготовке публикаций древнерусских грамот. На основании результатов текстологического анализа д.и.н. А.И. Алексеевым охарактеризован начальный этап истории «Просветителя». Крупной теоретической проблеме — выявлению модернизационных процессов разных исторических эпох — был посвящён доклад д.и.н. И.В. Побережникова.

¹ Программу конференции см.: URL: <http://confs.iisoran.ru/images/Data/IVactual200109/programma-iv-konferencii-aktualnye-problemy-otechestvennoj-istorii.pdf> (дата обращения: 24.12.2021).

² Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск, 2020. — 788 с. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 39). URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/Books/ais_39.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

³ Журова Л.И., Шипилов И.А. «Задать источнику правильный вопрос» (IV Всероссийская научная конференция, посвящённая 90-летию академика Н.Н. Покровского) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 4. С. 117–120.

Таким образом, на пленарных заседаниях обсуждались ключевые вопросы, исследованные в трудах Н.Н. Покровского: источник, его анализ и научное издание.

Тематика секций во многом была обусловлена подходами, разрабатываемыми академиком Н.Н. Покровским. Обсуждались памятники книжности Древней Руси, исследовательские практики в источниковедении, широкий спектр вопросов по отечественной истории, проблемы изучения культуры старообрядческих согласий и новое направление в истории Русской православной церкви – историческая биографика. Были доложены новые результаты исследований.

Большой круг проблем изучения книжной культуры XV–XVII вв. обсуждался на первой секции. Так, был отмечен парадоксальный факт происхождения ранних списков памяти о митрополите Петре, ставшего символом Москвы, в уставных месяцесловах тверской и новгородской письменности (И.М. Грицевская). Пересмотрена устоявшаяся в медиевистике точка зрения о влиянии творчества Максима Грека на послания старца Артемия Троицкого (Л.И. Журова). Приведены важные свидетельства начитанности, глубоких знаний патристики, культивирования языка элиты в кругу родовитой знати Ивана Грозного (О.С. Сапожникова). Обоснована постановка вопроса о восприятии и толковании иконного образа в русской книжности XVI–XVII вв. (О.В. Чумичева). Сделана интересная попытка восстановления хода работ по копированию миниатюр в лицевом Житии Сергия Радонежского (В.Г. Подковырова). Пересмотрена датировка сборника проповедей «Статир» (Л.С. Соболева). Исследована уникальная практика исправления опечаток в издании XVI в. Евангелия учительного Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца (А.Г. Мосин). Обсуждался проект публикации ораторской прозы Димитрия Ростовского (М.А. Федотова). К некоторым явлениям книжной культуры переходного времени привлекли вни-

мание молодые исследователи (А.И. Попович, Е.С. Дилигул).

Исследовательские и эдиционные практики в работе с источниками XVII–XX вв. рассматривались на второй секции. Показано, насколько данные структуры таможенных книг Великого Новгорода XVII в. и формуляров их отдельных статей важны для изучения истории торговли XVII в. (А.И. Раздорский). «Записная книжка» московского дворянина 1660–1670-х гг. князя Г.В. Козловского квалифицирована как прообраз дневника (И.А. Поляков). Определена важность формулярных списков и судебно-следственных дел XVIII в. для изучения социальной истории России (А.В. Дмитриев). Прослежен процесс утверждения роли контракта с иностранными специалистами как гаранта их прав и привилегий в России XVIII – первой половины XIX в. (О.К. Ермакова). Характеристики документов Главного управления Западной Сибири рассмотрены с точки зрения их значимости для изучения государственно-конфессиональной политики в XIX в. (Т.Г. Недзелюк).

Содержанием целого ряда докладов стали эго-документы. Письма рассматривались с позиции их информационной значимости для истории общественных практик и выстраивания коммуникативных стратегий в профессиональном и культурном общении (П.А. Афанасьев, Н.Г. Суворова, А.А. Кузьменко, С.Г. Петров, И.С. Чернова).

Анализ пересечений публикаций оперативных документов периода Гражданской войны, архивных материалов и периодической печати позволил выявить особенности и определить значимость каждой группы источников (В.М. Рынков). Изучение «Губернских ведомостей» 1918–1919 гг. показало, как использован противниками большевиков опыт изданий дореволюционной России (Д.Л. Шереметьева). На основе приёмов корпусного анализа детской литературы о Сибири 1880–1890-х гг. в качестве исторического источника выявлены базовые

репрезентации региона (Н.Н. Родигина). Актовые и картографические материалы, фото- и киноисточники стали предметом ряда ярких, прекрасно иллюстрированных выступлений (О.Н. Катионов, В.И. Баяндин, Е.В. Головнёва, И.А. Головнёв).

На секции, посвящённой проблемам отечественной истории, выделилось несколько тематических блоков. Вопросы государственной службы в Сибири XVII в. (служилых людей, детей боярских Шульгиных, будущего дипломата Степана Александрова) были подняты в ряде выступлений (А.А. Бродников, И.П. Каменецкий, Т.А. Опарина). Историко-биографические исследования составили целый цикл докладов: как С.Д. Нечаев избежал наказания за свою причастность к движению декабристов (В.А. Шкерин), как сибирский купец А.И. Деньгин осваивал Русский север (Е.В. Комлева), каков нравственный тип декабриста И.Д. Якушкина (Е.Н. Туманик), какое самое важное достижение А.С. Ваховича, русского дипломата в Китае (В.Г. Шаронова). Описаны меры организации обороны Поморья во время нападения датской флотилии в 1623 г. (С.А. Никонов).

Выявлены способы разрешения электоральных конфликтов российского дворянства с губернской администрацией в первой четверти XIX в. (Д.В. Тимофеев). В исторической динамике рассмотрен сословный состав городов Восточной Сибири (Т.А. Кискидосова). Оценена значимость кооперативного самоуправления в хозяйственно-экономической и социально-культурной сферах сибирского города (Г.М. Запорожченко). Представлены некоторые итоги исследований материалов Второй Камчатской экспедиции (А.Х. Элерт, И.А. Шипилов). Метрические книги городских приходов за 1880–1919 гг., сведения о состоянии здравоохранения в Западной Сибири и медицинского обслуживания в годы Великой Отечественной войны составили содержание работ по демографии (Е.М. Главацкая, М.А. Семёнов).

Историографическая тематика была представлена при освещении англоязычной концепции освоения Советской Арктики, в которой позитивно оценён опыт СССР (Д.А. Ананьев), а также при анализе российской и казахстанской историографических школ в постсоветский период на примере изучения аграрной колонизации Степного края (М.К. Чуркин). Систематизация источников по изучению аграрного сектора экономики Новосибирской области в 1990-е гг. позволила установить степень их достоверности (С.Н. Андреенков). Особый интерес вызвали историко-экономический доклад о стратегии и практике хозяйственного освоения восточных регионов России в XX в. (Е.Т. Артёмов) и историко-методологический доклад о смене в России трёх моделей аграрного строя в XX в. (В.А. Ильиных).

Истории старообрядческих согласий было посвящено специальное заседание. Высокий уровень обсуждения был задан постановкой проблемы определения границ согласий в системе поповщины и беспоповщины на основе исследования их отношения к книге и типа чтения старообрядцев (Е.И. Дергачёва-Скоп, А.Ю. Бородихин). Установлена доля крюковых певческих рукописей урало-сибирского старообрядчества, бытовавших и создававшихся в региональных собраниях Сибири и Дальнего Востока до конца XX в., открыты новые имена мастеров знаменной каллиграфии (Т.Г. Казанцева). Обнародованы новые факты из биографии Гавриила и Никифора Семёновых (В.И. Байдин). В самостоятельную проблему выделена малая изученность старообрядческих изданий второй половины XIX в. (И.В. Починская). Выявлены полемические сочинения томско-чулымских странников, и представлен сравнительный анализ социальных стратегий таёжных монастырей (Е.Е. Дугчак). Дана оценка современному изобразительному творчеству молодого поколения староверов-часовенных на Енисее (Е.В. Быкова). Рассмотрены некоторые особенности

конфессионального текста староверов-титовцев (А.А. Пригарин, А.А. Стороженко).

Проблемы исторической биографики и социальной истории составили содержание докладов, посвящённых истории Русской православной церкви. Рассмотрены особенности распределения в Сибири конца XVII в. судебных полномочий между архиерейской и воеводской ветвями власти (И.А. Никулин). Уточнено время рукоположения первого сибирского епископа, и показан процесс формирования административно-территориального деления Сибирской епархии (И.Л. Манькова). Представлены особенности формирования агиографической традиции в Сибири XVII и начала XX в. (А.В. Полетаев, Н.К. Чернышова). Большое внимание в ходе работы секции было уделено общественно-политической, учебной и просветительской деятельности приходского духовенства, монашества, духовной

профессуры и мирян XIX–XX вв. (А.В. Мангилева, Д.В. Долгушин, С.Ю. Акишин). Предложено решение вопроса издания раритетного источника по истории монашества первой половины XX в. (С.Г. Петров).

Особые сюжеты на заседаниях конференции составили доклады об истории книжных собраний государственных, церковных, монастырских библиотек, коллекций музеев и архивов (Н.В. Соколова, П.И. Мангилев, В.А. Есипова, Ю.С. Белянкин, М.С. Крутова, Т.П. Карташова, В.В. Подопригора, А.Н. Коваленко, А.А. Юдин, Д.С. Московская, В.Л. Портных, О.С. Демитриева, Н.А. Старухин). Участники конференции отметили ценность археографических изысканий и обсудили перспективы такой работы.

На закрытии конференции состоялась презентация изданий, подготовленных сотрудниками Института истории СО РАН при поддержке РФФИ.

ENGLISH

The 4th All-Russian Academic Conference: "Actual Problems of National History, Source Study, and Archaeography" Dedicated to the RAS Academician N. Pokrovsky's 90th Birthday (Novosibirsk, November 9–11, 2020)

Lyudmila I. Zhurova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Archaeography and Sources Sector at the History Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Vice-Chairman of the Organizational Committee.

E-mail: zhurovansk@mail.ru

Ilya A. Shipilov – Junior Researcher of the Sector of Archaeography and Source Study at the History Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Secretary of the Conference Organizing Committee.

E-mail: Shipilof@yandex.ru

The 4th All-Russian Academic Conference: "Actual problems of national history, source study, and archaeography" that took place on November 9–11, 2020 at the SB RAS History Institute was dedicated to the 90th birthday of the RAS academician N. Pokrovsky, a prominent scholar and the founder of the Siberian archaeography and source study scholar school. The conference was attended by more than a hundred specialists from leading scholar centers, universities, archives, museums, and libraries. A wide range of issues related to Old-Russian book culture, source study and editorial practices, national history, Old Believers culture, and the social history of the Russian Orthodox Church was addressed.

Keywords: N. Pokrovsky, source study, archaeography, Russian history, Old Believers culture, Russian Orthodox Church

Индекс УДК 001.3

Код ГРНТИ 12.21.21; 02.31.01.

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-127-131

Л.В. ШИПОВАЛОВА*

Второй Международный конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2020 г.)

Статья посвящена проведённому в 2020 г. в СПбГУ Второму Международному конгрессу Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо». Актуальность конгресса связана с фундаментальной современной трансформацией науки как общественного института. Новизну и фундаментальность дискуссий, организованных на конгрессе, характеризуют два обстоятельства. Во-первых, было реализовано объединение традиционно изолированных друг от друга предметных областей и исследовательских подходов: социологии науки, этики науки, социальной психологии, методологии, а также истории науки. Во-вторых, центральный тезис конгресса о науке как общественном благе стал предметом именно философской проблематизации. Идея науки как общественного блага получила конкретизацию в контексте обсуждения способов преподавания истории и философии науки и техники в вузе, проблем управления научными исследованиями и организации научной коммуникации, взаимодействия науки с иными социальными институтами и познавательными практиками. В статье представлен обзор всех мероприятий конгресса, отмечено значение состоявшихся дискуссий.

Ключевые слова: конгресс, философия и история науки, научная коммуникация

Актуальность Второго Международного конгресса Русского общества истории и философии науки, проведённого в Санкт-Петербургском государственном университете, связана с фундаментальной современной трансформацией науки как общественного института. Главную тему обсуждения на конгрессе выражал его лозунг «Наука как общественное благо». Основное предназначение науки состоит в производстве знания, однако кроме этого наука является значимой силой

общественных преобразований, проблематично отличимым от иных социальным институтом. Производство наукой когнитивного разнообразия, отсутствие монополии на научное знание, баланс общественной и частной собственности в науке, определяемый развитостью института науки и институтов гражданского общества, делают науку условием устойчивого развития и благом для всех. На конгрессе обсуждался фундаментальный мировоззренческий вопрос-проблема: способна ли наука вернуть себе

* Шиповалова Лада Владимировна — доктор философских наук, заведующая кафедрой философии науки и техники СПбГУ, руководитель проекта «Второй Международный конгресс Русского общества истории и философии науки “Наука как общественное благо”» (20-011-22064), сопредседатель программного и организационного комитетов конгресса.

E-mail: ladaship@gmail.com

Фото. Ведущие пленарного заседания: председатель программного комитета И.Т. Касавин и заместитель председателя оргкомитета Е.Э. Чеботарёва

утраченную миссию – статус передового познающего субъекта и сообщества исследователей, стремящихся к истине, в современном экономически ориентированном информационном обществе? Какие ресурсы современной науки могут обеспечить реализацию этой миссии?

В работе конгресса приняли участие более 50 иностранных философов и ученых из 25 стран мира и более 400 специалистов из 36 субъектов Российской Федерации. Ключевые доклады представили выдающиеся исследователи науки из Великобритании (С. Фуллер), Нидерландов (А. Мол), США (О. Буэно, А. Чакравартти, Т. Бристол), Бразилии (Ж.И. Безье), Португалии (Н. Гонтье), России (И.Т. Касавин, А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский, С.С. Илизаров, В.Ф. Петренко, В.А. Бажанов, А.А. Печёнкин, И.С. Дмитриев, Г.Л. Тульчинский, В.И. Маркин, М.М. Шахнович, Н.И. Кузнецова, В.А. Суровцев и др.) Отметим, что Русское общество

истории и философии науки (РОИФН) с августа 2019 г. является ассоциированным членом Международного союза по истории, философии науки и технологии (<http://www.dlmpst.org>). Ответственный секретарь союза Бенедикт Лёве входил в программный комитет конгресса и выступал на его открытии. Обсуждение проблематики конгресса осуществлялось на пленарном заседании (фото), 14 секциях, девяти круглых столах и постерной сессии. Материалы конгресса представлены на сайте СПбГУ (<https://events.spbu.ru/events/rshps>).

Новизну и фундаментальность дискуссий, организованных на конгрессе, характеризуют два обстоятельства. Во-первых, было реализовано объединение традиционно изолированных друг от друга предметных областей и исследовательских подходов: социологии науки. Во-вторых, центральный тезис конгресса о науке как общественном благе стал предметом

именно философской проблематизации. При этом был сделан акцент на различных его интерпретациях, включающих эпистемологическую, этическую и социально-политическую составляющие, а также на вопросе о необходимом балансе между познавательной значимостью и социальной полезностью научных исследований. Идея науки как общественного блага получила конкретизацию в контексте обсуждения способов преподавания истории и философии науки и техники в вузе, проблем управления научными исследованиями и организации научной коммуникации, взаимодействия науки с иными социальными институтами и познавательными практиками.

Общим философским, методологическим и историческим проблемам естествознания и математики было посвящено четыре секции конгресса: «История, философия и методология естествознания», «Антропологические, социологические и этические аспекты современного естествознания», «Философские проблемы современной физики», «История и философия математики». Кроме традиционных, но остающихся актуальными вопросов методологии и онтологии квантовой механики, взаимодействия истории и философии науки, интерпретации отдельных историко-научных исследований, раскрытия природы математических закономерностей, в фокусе дискуссий были конструктивизм в физической теории, нравственные детерминанты научной карьеры, влияние социальных факторов на развитие современного естествознания, проблематика математического образования.

Вопросы философии и истории социальных и гуманитарных наук обсуждались на двух секциях: «История и философия социально-гуманитарных наук» и «История и философия психологии». Особое место занимали проблемы психологических и гуманитарных экспертиз, ещё нуждающихся в дополнительной легитимации в современном мире. Содержание докладов и дискуссий по-

казали, что для философии и истории наук социальные и гуманитарные науки представляют нетривиальный материал для анализа и осмысления. Конструктивистские тенденции в научном познании обсуждались на круглом столе «Трансцендентальный метод и современная наука». Актуальные вопросы взаимодействия философии с конкретными научными исследованиями были в фокусе дискуссий на секции «Философия сознания и когнитивных наук». Исследователей отечественной философии объединил круглый стол «История и философия науки в отечественной традиции».

Секция «Взаимодействие науки и общества: история и современность» также репрезентировала основную тематику конгресса, связывающую науку и общественные контексты её функционирования. Исторический взгляд на взаимодействие науки и общества, присутствующий в названии секции, задал пересечение в докладах тенденций исторической и социальной эпистемологии, определяя новые перспективы междисциплинарных взаимодействий этих исследовательских областей.

Обсуждение общественного и профессионального статуса учёного на круглом столе «Наука как призвание и профессия» было сфокусировано на актуальных вопросах, звучащих в контексте утраты понимания смысла научной деятельности в общественном сознании. Круглый стол «Научное сообщество: коммуникативные аспекты» был посвящён широко обсуждаемой в современной философии науки и науковедении проблеме научной коммуникации. В фокусе оказался необходимый поиск новых форм современной научной коммуникации, обусловленный меняющейся ролью науки в обществе, возникновением новых форм научного этоса, ростом дифференциации науки в связи с развитием экономики знания. Наука становится неотъемлемой частью современного капитализма, что создаёт новые возможности

для научно-технического прогресса, но в то же самое время несёт и риски для науки как чистого поиска истины.

На четырёх секциях конгресса — «Риторика науки», «Философская логика», «История логических методов в науке», «Византийская логическая традиция и наука», а также на круглом столе «Логические парадоксы и современная эпистемология» была широко представлена логическая проблематика, обсуждались актуальные и малоизученные исторические аспекты исследования роли логических методов в науке. Акцент был сделан на выявлении логического аспекта современных коммуникаций как внутри дифференцированной науки, так и между наукой и обществом. Хотелось бы подчеркнуть, что благодаря научной и организационной деятельности РОИФН, а также инициативе И.Н. Грифцовой и Г.В. Соринной в нашей стране открылось новое направление философско-методологических исследований — «Риторика науки».

Междисциплинарная секция «Философские проблемы цифровой реальности и информационных технологий» объединила российских и зарубежных ученых кругом вопросов о трансформации труда, отдыха, коммуникации, частной жизни и гражданского взаимодействия в мире цифровых технологий. В центре обсуждения оказался феномен роста технологических показателей при проблематичности встраивания их в жизненный мир человека: вынужденный приспособляться экономически, экологически и эпистемологически к новой технической реальности, человек оказывается перед задачей конкуренции с машинами и алгоритмами, которую он неизбежно проигрывает. В этом контексте преобразования, вносимые цифровизацией, оказываются поводом для исследования сложившихся форм социально-политической власти, отношения к человеческим модусам существования и познания.

Философский анализ новых технологий в их связи с научными практиками

и нормами был конкретизирован на секции «Этические проблемы медицины и биотехнологий», а также на круглом столе «Этика и нормативность в условиях научно-технологических трансформаций». В фокусе были такие значимые сферы современной биомедицины, как трансплантология, реаниматология, медицинская генетика и электронное здравоохранение. Темой обсуждения стали также новые формы биополитики и биосоциальности, возникающие под влиянием биотехнологий на различные сферы человеческой жизни.

Связь науки с другими областями человеческой деятельности обсуждалась на круглых столах «Наука и религия» и «Наука и искусство». В первом случае дискуссии концентрировались вокруг проблем науки о религии в России, развивающейся сначала в условиях духовной цензуры и преследований светского изучения религии, затем — в условиях гонений на религию, а в современности — в контексте взаимодействия науки о религии с новыми открытиями в области естествознания, когнитивных наук, археологии и палеоантропологии. Во втором случае в центре внимания были концепты, выступающие основаниями взаимодействия науки и искусства — творчество, чувственная репрезентация, стиль, а также такой неоднозначный феномен современных практик и теоретического осмысления, как *science art*.

В дискуссиях на круглом столе «Проблемы преподавания истории и философии науки в вузе» в фокусе внимания было осознание трудностей реальных процессов преподавания курсов по философии науки и техники, среди которых недостатки существующих программ читаемых курсов, слабая подготовленность и низкая мотивация для освоения подобных курсов слушателями различных вузов. Были отмечены существенная несостыковка программ преподавания курсов по философии, а также по истории и философии науки и техники на различных

уровнях обучения, отсутствие ясной программы и учебных пособий по философии техники, несмотря на значимость изучения современной технонауки в зарубежной практике. Обсуждался вопрос об инвариантном и вариативном составе программ по истории и философии науки и техники, а также об их необходимой связи со специализацией вуза и осваиваемыми слушателями профессиями, определяющей во многом успех преподавания.

В целом, конгресс продолжил реализацию задачи консолидации исследователей в области истории и философии науки как важного элемента современной образовательной, исследовательской, издательской и просветительской деятельности. Состоявшийся конструктивный диалог между учёными и различными исследователями науки будет способствовать повышению статуса

философии и истории науки в отечественном и мировом интеллектуальном пространстве, а также решению фундаментальных задач, стоящих перед этими областями знания.

Научные результаты конгресса значимы в теоретическом смысле для развития истории, философии и методологии науки в целом, а также таких областей исследований науки, как эпистемология добродетелей, формальная эпистемология, исследования науки, технологий и общества (STS), science art, историческая эпистемология и др. В практическом смысле результаты форума имеют непосредственное отношение к принятию решений в сферах управления научными исследованиями, формирования условий публичной научной коммуникации и определения перспективных стратегий в области высшего образования.

ENGLISH

The Second International Congress of Russian Society for History and Philosophy of Science “Science as a Public Good” (Saint Petersburg, November 27–29, 2020)

Lada V. Shipovalova – Doctor of Science (Philology), Head of the Department of Philosophy of Science and Technology, St. Petersburg State University, head of the project “The Second International Congress of Russian Society for History and Philosophy of Science “Science as a Public Good” (20-011-22064), co-chairman of the program and organizing committees of the Congress.
E-mail: ladaship@gmail.com

This article focuses on the Second International Congress of the Russian Society for History and Philosophy of Science entitled “Science as a Public Good,” held in 2020 at St. Petersburg University. The significance of the Congress was the fundamental transformation of science as a public institution. Two circumstances characterized the novelty and fundamental nature of the discussions organized at the Congress. Firstly, the Congress presupposed intersections of different areas of science studies such as the sociology of science, ethics of science, social psychology, methodology, as well as the history of science. Secondly, the central thesis of the Congress on the science as a public good became the subject of precisely philosophical problematization. The participants considered the idea of science as a public good, discussing the methods of teaching history and philosophy of science and technology in the university, the problems of managing scientific research and organizing public science communication, the interaction of science with other social institutions, and cognitive practices. This article provides an overview of all the events at the Congress and describes the meanings of the discussions held.

Keywords: congress, philosophy and history of science, scientific communication

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-132-136

А.С. МИНАКОВ*

Раздорский А.И. Печатные всеподданнейшие отчёты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: Сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. — 976 с.**

Ключевые слова: Российская империя, историческая библиография, губернаторы, губернаторские отчёты, архивы

Библиографические ресурсы давно признаны профессиональным сообществом одним из базовых элементов информационного обеспечения исторической науки. Особенно велико их значение для обработки масштабного междисциплинарного поля, когда традиционный библиографический инструментарий становится наиболее оптимальным вариантом сохранения актуальной научной информации [1]. Такое замечание в полной мере относится к ежегодным отчётам о состоянии губерний, областей, градоначальств и других административно-территориальных единиц Российской империи. Они хорошо знакомы исследователям досоветской политической и социально-экономической истории, так как изобилуют множеством фактических и аналитических сведений о состоянии страны в XIX – начале XX в. Известно, что данные документы

буквально разбросаны по различным российским и зарубежным архивным, библиотечным, а также музейным собраниям. Несмотря на существенную историографическую и источниковедческую изученность, состав корпуса этих интересных источников всё ещё вызывает множество вопросов. До сих пор достоверно неизвестно, сколько отчётов было подготовлено в хронологическом и территориальном измерении? Каковы их сохранность и доступность? Наконец, самое главное, — в какой мере всеподданнейшие отчёты по отдельным регионам и за разные временные отрезки сопоставимы между собой, а в целом могут считаться комплексными документами высокой репрезентативности? Существующий научно-справочный аппарат архивов и библиотек не всегда позволяет объективно и исчерпывающе раскрывать эти предметы. Поэтому у исследовательской

* **Минаков Андрей Сергеевич** — доктор исторических наук, заместитель директора Дирекции изучения истории Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры истории России.

E-mail: minakovas@bk.ru

**Проект 20-19-00202д.

аудитории сформировалось противоречивое представление об этих ценных исторических источниках. Теперь разрешение некоторых накопившихся вопросов научно-практического использования всеподданнейших отчётов стало возможно благодаря выходу сводного каталога их печатных вариантов. Он подготовлен опытным специалистом по исторической библиографии, ведущим научным сотрудником Российской национальной библиотеки, кандидатом исторических наук А.И. Раздорским.

Объектом систематизации автор выбрал те губернаторские отчёты, которые изготавливались типографским способом. Конечно, это значительный сегмент корпуса названных документов, хотя и качественно не отражающий его содержательное многообразие. Однако доля таких отчётов, в силу обстоятельств их полиграфического исполнения, оказалась наиболее востребованной частью данного документального массива. По причине тех же условий происхождения печатные отчёты являются привлекательным объектом библиографического описания. Помимо чётких классификационных признаков, они имеют в целом хорошую физическую сохранность и удобны для всесторонней атрибуции. Поэтому композиционно представленный каталог выстроен в классических традициях исторической библиографии. В нём объединены обширное предисловие, два библиографических раздела — «Наместничества и генерал-губернаторства» и «Губернии, области и градоначальства», разнообразные приложения («Печатные отчёты столичных обер-полицеймейстеров (1831–1847 гг.)», «Печатные всеподданнейшие личные отчёты наказных атаманов казачьих войск (1896–1911 гг.)» и «Печатные всеподданнейшие отчёты губернаторов Великого княжества Финляндского на шведском языке (1884–1885 гг.)»), а также комплекс указателей и реестров.

Предисловие к изданию имеет самостоятельное историографическое,

источниковедческое и археографическое значение. А.И. Раздорский обращает внимание читателя на достаточную репрезентативность отчётов как комплексного статистического источника. В связи с этим он отметил такие важные аспекты, необходимые для их всестороннего источниковедческого анализа, как эволюция формуляра отчётов и его не всегда точное соблюдение губернаторами. Действительно, начальники губерний зачастую пренебрегали установленной законодательством программой отчётов. Однако это говорило не столько о губернаторских «вольностях» и, тем более, об их небрежности, а, наоборот, о стремлении разнообразить документ высочайшего внимания интересными деталями о жизни управляемого региона. Центральная власть считала это нарушением. Соответствующие циркуляры МВД всякий раз напоминали губернаторам о необходимости неукоснительно соблюдать формуляр. Впрочем, такая директивная тактика повышения эффективности всеподданнейших отчётов и, тем самым, укрепления обратной связи внутри властной вертикали оказалась тщетной. К концу XIX столетия стало ясно, что даже самый подробный и универсальный формуляр не мог соответствовать стремительной динамике социально-экономического преобразования страны и резким контрастам в развитии её регионов [2, с. 214–219]. На наш взгляд, современные историки должны быть благодарны таким отступлениям от нормы, которые превратили эти документы в интересную, насыщенную событийным контекстом панораму жизни российских территорий. Детальное воспроизведение оглавлений отчётов, которое даёт каталог, только подкрепляет данное утверждение.

А.И. Раздорский совершенно обоснованно пытается разобраться в терминологическом калейдоскопе заголовков отчётов. Фактически имперское законодательство не предусматривало единого

названия этих документов. Не стоит забывать, что отчёты начала XIX в. вообще были внутриведомственными документами Министерства внутренних дел (МВД). Лишь позднее, когда их стали подавать на высочайшее имя, они получили название «всеподданнейшие». К концу XIX столетия в бюрократическом словаре практически равнозначные места занимали понятия «Всеподданнейший отчёт N-го губернатора за N-ый год» и «Всеподданнейший отчёт о состоянии N-й губернии за N-ый год» (включая их разновидности в зависимости от названия должности руководителя или территориальной единицы). С этими вариантами в основном и сталкивался автор при составлении каталога. Впрочем, часто употреблялся и заголовок «Отчёт начальника губернии», а в обиходе отчёты просто называли «губернаторские» или «годовые». Все эти названия с разной периодичностью можно встретить не только на титулах отчётов или в служебной переписке, но и на страницах мемуарных и эпистолярных источников. По поводу употребления другого распространённого названия — «рапорт», следует уточнить, что оно имело вполне объективное объяснение. Губернаторы, в действительности, слабо различали понятия «отчёт» и «рапорт». Последнее пришло в русскую лексику из французского языка, где слово «rapport» имеет несколько синонимичных значений: «рапорт», «отчёт», «доклад» [3, с. 443]. Популярность заголовка «Рапорт» усиливали и укоренявшиеся годами канцелярские правила. Так, по «Общему наказу гражданским губернаторам» 1837 г. представление «общих годовых отчётов» сопровождалось подачей «всеподданнейшего рапорта». Оба документа воспринимались как неразрывное целое — «Всеподданнейший рапорт NN гражданского губернатора с представлением годового отчёта» и приложение к нему — «Годовой

отчёт NN гражданского губернатора о состоянии вверенной ему губернии. За 18__ год»¹. Поэтому, хотя по программе 1870 г. был введён иной заголовок — «Всеподданнейший отчёт начальника N губернии», губернаторы могли придерживаться привычного старого порядка.

Автор поднимает и другие важные вопросы, например проблему сохранения конфиденциального статуса документов. На примере губернаторских отчётов, современная историография располагает убедительными свидетельствами существования в правительстве канала (или каналов) утечки конфиденциальной информации. Иначе трудно объяснить проникновение материалов всеподданнейших отчётов на страницы оппозиционных газет и журналов, в том числе, выходящих за рубежом [2, с. 281–282]. Кроме того, отмеченные в каталоге факты изготовления некоторых отчётов в частных типографиях поднимают вопрос соотношения секретности содержания отчётов и размещения таких заказов.

Рецензируемое издание вполне может стать хорошим прикладным подспорьем при разработке самых широких направлений в исследовании общественно-политической и социально-экономической истории царской России. В чём же его основная практическая ценность? Во-первых, каталог помогает отыскать необходимые документы в архивном и библиотечном многообразии. Эту задачу помогают решить не только библиографические записи, но и весьма ёмкий научно-справочный аппарат (указатели имён, типографий и мест хранения отчётов).

Учитывая неразрешённые вопросы архивной эвристики губернаторских отчётов, А.И. Раздорский обоснованно уделил особое внимание фондам Российского государственного исторического архива (РГИА), поскольку они являются основным хранилищем этих документов в целом. Применительно к печатным

¹ ПСЗ II. Т. XII. Отд. 1. СПб., 1838. № 10303. С. 431. § 319; ПСЗ II. Т. XII. Отд. 2. СПб., 1838. № 10303. С. 63–65.

отчётам, он подробно проанализировал состав и содержание коллекции печатных отчётов из фонда I Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, которая хранится в читальном зале РГИА. Сегодня – это один из наиболее востребованных читателями ресурсов. Издание дополняют два реестра сводных данных о наличии отчётов в РГИА: о составе основных собраний печатных всеподданнейших отчётов и их фондовый список.

Поскольку многие всеподданнейшие отчёты хранятся в составе конволютов, каталог сообщает интересные дополнительные данные о содержании последних. В них можно обнаружить множество интересных материалов (разного рода тематические ведомости, справки, записки и др.). Всё это позволяет представить «среду обитания» данных документов, попытаться воспроизвести делопроизводственные взаимосвязи, прояснить редакторские и канцелярские аспекты их подготовки.

В соответствующих случаях библиографические записи также раскрывают внутреннюю рубрикацию отчётов. Располагая даже общими предварительными данными о структуре отчётов, можно попытаться реконструировать актуальную политическую и народнохозяйственную повестку региона в конкретный временной отрезок. Появляется возможность сопоставления данных по динамике развития регионов, в том числе в макроисторическом контексте. Весомый багаж фактов могут дать штампы хранения и экслибрисы, которые помогают воспроизвести историю оборота отчётов. Некоторые документы содержат сфрагмистические материалы, дающие эпиграфические уточнения бытования документов.

Существенный источниковый потенциал заключён в высочайших резолюциях и разнообразных делопроизводственных пометах, наличие которых также отражено в каталоге. Стоит подчеркнуть, что царские маргиналии и другие знаки

высочайшего внимания на отчётах свидетельствовали о большом значении данных документов в правительственной политике. Нередко они становились отправными точками в разработке важнейших внутриполитических новаций [2, с. 273–278].

Наконец, сводный каталог отличается удобным пользовательским интерфейсом. Внутри разделов библиографические записи размещены в алфавитном порядке. В каждой записи даны библиографическое описание, сиглы хранилищ и примечания (резолюции, адресаты, штампы, дефекты и др.)

Очевидные достоинства рецензируемого издания во многом обусловлены значительным объёмом личной энергоёмкой работы, проделанной автором. А.И. Раздорский систематизировал и описал свыше 5,5 тыс. экземпляров печатных отчётов наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников. В целом, его многолетние изыскания подтвердили наличие годовых всеподданнейших отчётов в 50 хранилищах 28 городов России и ряда зарубежных стран. Кроме того, в разрезе этой работы было установлено, что по 20 административно-территориальным образованиям Российской империи за совокупный 39-летний период отчёты не составлялись. Впрочем, причины таких лакун историкам ещё предстоит выяснить.

Таким образом, представленный сводный каталог, вместе с опубликованным ранее аналогичным каталогом обзоров губерний [4], существенно дополняет современную историческую библиографию новым массивом ценного материала. Он будет востребован не только профессиональными историками, но и библиографами, архивистами, краеведами. Несомненно, рецензируемое издание станет стимулом для дальнейшего изучения губернаторских отчётов и исследования на их основе широкого круга проблем политической и социально-экономической истории имперской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова Е.А. Библиографическая информация – значимая составляющая информационного обеспечения исторической науки // Библиография. Археография. Источниковедение: Сборник статей и материалов. Вып. 3. / Ред.-сост. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. СПб.; М.: ООО «Старая Басманная», 2017. С. 128–135.
2. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Чернозёмного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орёл: ИД «Орлик», Издатель Александр Воробьёв, 2011. С. 214–219.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3 (Муза – Сят). М.: Прогресс, 1987. С. 443.
4. Раздорский А.И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (Приложения к всеподданнейшим отчётам губернаторов, начальников областей и градоначальников). 1870–1916. Сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

ENGLISH

Razdorsky A.I. Printed Humble Reports of Viceroys, Governorates-general, Governors, and Mayors of the Russian Empire. 1845–1916. The summary catalog. St. Petersburg: Dmirty Bulanin, 2020. 976 p.

Andrei S. Minakov – Doctor of Science (History), Deputy Director of the Directorate for the Study of the History of the Moscow Pedagogical State University, Professor of the Department of Russian History of the Moscow State Pedagogical University.

E-mail: minakovas@bk.ru

Keywords: Russian Empire, historical bibliography, governors, governor's reports, archives

REFERENCES

1. Voroncova E.A. Bibliograficheskaya informaciya – znachimaya sostavlyayushchaya informacionnogo obespecheniya istoricheskoy nauki // Bibliografiya. Arheografiya. Istochnikovedenie: Sbornik statej i materialov. Vyp. 3. / Red.-sost. A.I. Razdorskij, D.N. Shilov. St. Petersburg; Moscow: Staraya Basmannaya, 2017. S. 128–135 (in Russian).
2. Minakov A.S. Gubernatorskij korpus i central'naya vlast': problema vzaimootnoshenij (po materialam gubernij Chernozjomnogo centra vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.). Oryol: Orlik, Izdatel' Aleksandr Vorob'ev, 2011. S. 214–219 (in Russian).
3. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 3 (Muza – Syat). Moscow: Progress, 1987. S. 443 (in Russian).
4. Razdorskij A.I. Obzory gubernij, oblastej i gradonachal'stv Rossijskoj imperii (Prilozheniya k vsepoddannejshim otchyotam gubernatorov, nachal'nikov oblastej i gradonachal'nikov). 1870–1916. Svodnyj katalog. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2011 (in Russian).

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-137-141

С.В. ЛЕЩЁВ, Е.Ю. ХРУСТАЛЁВ*

Инструментально-методический подход к адаптации модели тройной спирали для условий России с учётом исторической ретроспективы: Монография / Под ред. Е.А. Пахомовой. М.: ИНФРА-М, 2021. — 275 с. — (Научная мысль)**

Ключевые слова: тройная спираль, моделирование, Россия

Современные геополитические условия предъявляют требования к практической значимости отечественных исследований в области управления с отчётливо-конкретным характером служения на благо собственной страны. Для прикладных исследований это означает доведение их до конкретного результата, например, методик, пригодных к реальному внедрению на различных иерархических уровнях управления. В конечном итоге подобные исследования должны помочь обновить концептуальные основы стратегического планирования с тем, чтобы внедрять новые подходы к развитию науки, образования, промышленности, предоставляя людям достойную работу, улучшая качество их жизни. Этим условиям отвечает заданный коллективный труд, тем самым обуславливая свою актуальность и научно-практическую значимость.

Монография [1] коллектива авторов под руководством доктора экономических наук Елены Анатольевны Пахомовой

вызывает несомненный интерес, поскольку в ней впервые предложена методология, основанная на математическом моделировании, оценке взаимовлияния триады «Университеты—Бизнес—Власть» (Тройная спираль профессора Стэнфордского университета Г. Ицковица [2]) в условиях России.

Книга представляет результаты научного исследования, новизна которого заключается в содержательном методическом переосмыслении модели Тройной спирали (ТС) Г. Ицковица для российских условий и ментальности с наполнением экономико-математическим инструментарием.

Особая ценность представленного исследования для методолога состоит, помимо явно очерченной практической адаптации, в редкой возможности проследить коэволюционное развитие и реинтеграцию двух теоретических сценариев: ТС-теории и УНР (Университет—Наука—Регион)-аналитики [3–5], изначально имплементирующих смежные

* **Лещёв Сергей Валерьевич** — доктор философских наук, профессор Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ.

E-mail: leshev.sergey@yandex.ru

Хрусталёв Евгений Юрьевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН.

E-mail: stalev777@yandex.ru

**Проект 16-06-00054а.

предметные институциональные и социально-экономические ландшафты абстрактного уровня, в самом отвлечённом исполнении выражаемые триадой «Идея—Воплощение—Контекст». В рамках методологической реконструкции и дисциплинарных вариаций выявляются не только существенные аналогизирующие переходы, связанные с парадигмальной спецификой макроэкономического характера (этактистские и рыночные модели, инновационная культура, бизнес-ориентированные практики), но и конкретный эвристический потенциал УНР-аналитики на референтном поле глобальных и локальных, государственных и региональных решений.

На каждом этапе исследования авторы выделяют ориентиры и институциональные лакуны предполагаемой и имеющейся экономической платформы. Так, например, авторы выявляют необходимые точки принятия решения для рекоординации инновационного образовательного профиля: «стимулирование междисциплинарности, коммерциализация результатов НИОКР до этапа новых промышленных идей и разработок, развитие кооперации, восстановление многоступенчатой системы подготовки кадров, включающей системы непрерывного образования, профессиональной переподготовки и повышения квалификации, образовательные стандарты» (гл. 1).

Основные три компонента исследования таковы: адаптация модели Тройной спирали к российским условиям, учёт исторической ретроспективы, задачи экономического окружения.

Первая компонента решает следующие задачи: определение понятий, наполнение структурных единиц, создание схем их взаимодействия и развития, т.е. создание российского аналога модели ТС, применение инструментального математического аппарата для их описания с использованием различных математических методов — эконометрики, временных рядов, спектрального анализа,

теории поля и т.д. При этом учитывается многоаспектность и иерархичность возникающих задач комплексного исследования.

Математическая и эконометрическая проработка на столь глобальном уровне фактически потребовала от авторов создания своеобразного фазового пространства совмещения гетерогенных институциональных практик. «В отличие от... [модели ТС] мы не только вводим понятие базовой структуры (Университет, Производство, Государство), наделённой своими, присущими только ей, функциями, но и ставим в соответствие каждой базовой структуре своё пространство. Каждая структура существует в своём пространстве, наполненном характеристиками, определяющими качество структуры. Каждая структура, наделённая своей, присущей только ей одной сущностью, выполняет свои функции в пределах своего пространства <...> Взаимодействие структур возможно только в области пересечения трёх пространств, каждое из которых наполнено своими свойствами. При пересечении пространств образуется область, обладающая характеристиками всех трёх пространств, которую определим как область взаимодействия» (гл. 2).

Проработка математической модели требует качественного методологического анализа предметной области, осложняемого как межинституциональными координациями ТС- и УНР-триад, так и совмещением физико-математического аппарата задействованных областей. Примером первой может служить следующая ремарка авторов: «...область взаимодействия должна быть не больше мезоэкономического объекта, который по территориальным размерам соответствует области, округу или региону. Это объясняется масштабно-временным эффектом, определяющим экономическую нецелесообразность развития района, если в часовой доступности от него находится район с количеством

предприятий, способным обеспечить работой жителей соседних районов» (гл. 2). В качестве примера второй следует привести авторскую аналогию (и основанное на этом применение математического аппарата, в частности уравнения непрерывности) гидродинамической модели с региональными экономическими процессами. Проблемы «развёртывания» экономического контента с используемой моделью авторы детально описывают, в том числе, и с математической стороны (см., например, определение псевдоградиента, гл. 2).

Идею второй компоненты лаконично можно охарактеризовать так: осваивать перемены и новые механизмы надо, преодолевая негативные последствия перемен и ошибок, но сохраняя ценное наследие из прошлого. Демонстрируя историческую ретроспективу, авторы апеллируют, среди прочего, к мнению Д. Норта об укоренённости наблюдаемых тенденций в предшествующем ситуативном поле. В монографии математически это адаптируется использованием марковских процессов, суть которых сводится к весовой категоризации временных эпох — буквально, возможности придания большего или меньшего веса традиции и актуальному состоянию изучаемой системы.

Третья компонента гласит, что адаптацию модели ТС следует проводить с учётом не только исторической ретроспективы, но и современных экономических реалий, вследствие чего вырисовывается работа по анализу экономического окружения, т.е. выявлению и исследованию процессов, которые так или иначе сказываются на состоянии нашей экономики. Это экономическое состояние регионов; развитие образования, согласованное с прогнозированием кадровых потребностей; формирование суверенного фонда как возможного источника финансирования крупных проектов; взаимовлияния курса доллара и стоимости нефти и т.д.

Такая концепция структуры книги позволяет охарактеризовать её как «аналитику развития с бережным сохранением национальной идентичности». Последнее особенно остро ощущается в наш беспокойный век с нарастающими разнофакторными вызовами, совокупность которых можно охарактеризовать как жесточайший кризис самоидентификации. Теоретическая траектория институционального и социополитического развития лишь в редчайших случаях является и мотивационным маркером индивидуальной самоидентификации. Необходимо выработка нового экосистемного видения индивидуальности, личности в системе отсчёта «образования—инновативности—практики» (Университет—Наука—Регион), чему безусловно способствует данный труд.

Концептуальная особенность разработанного авторского экономико-математического инструментария, лежащая в области науки о данных — огромного отвлечённого поля, включающего как различные виды алгоритмов, так и познание самих больших данных — структурированных и неструктурированных, — касается анализа данных и унификации статистики. В частности следует исходить из необходимости работы с официальной статистикой и, как следствие, адаптировать математический аппарат, построенный на непрерывных функциях, под формат федеральной и/или региональной статистики. Только в этом случае можно в будущем надеяться на возможность внедрения результатов с целью использования их для анализа и прогнозирования управляющими организациями различных иерархических уровней. В этом смысле представленный труд вносит определённый вклад в развитие прикладного научного вычислительного интеллекта.

В целом, как представляется, вырисовалось широкое методологическое направление, согласующееся с выбранным руководством страны вектором

развития — с опорой на науку, инвестиции под патронатом государства, позволяющее, при создании на его основе распределённого прикладного программного обеспечения, стать пригодным и удобным инструментом поддержки принятия управленческих решений различных иерархических уровней.

Труд представляется весьма оригинальным как с точки зрения изложенных концептуальных подходов (формально теоретической методологии), так и практической методологии, представляющей собой набор приёмов и способов, которые направлены на решение реальных научно-практических задач, оформленных в виде методик. При этом логика построения книги такова, что, с одной стороны, позволяет рассматривать её как инвариант в плане структуры изложения, с другой — актуализировать по мере необходимости, а именно: корректировать сами принципы в первой части (адаптация модели Тройной спирали), добавлять реальные задачи в третьей части (задачи экономического окружения), расширять третью часть (описание исторической ретроспективы).

Книга может быть использована студентами, аспирантами, преподавателями как учебное пособие; научными работниками и специалистами практической

экономики — для решения сложных методических практикоориентированных проблем.

Тематика монографии довольно широкая, а потому представленный труд может оказать влияние на дальнейшее развитие данного научного направления, результаты исследования могут представлять интерес для мирового научного сообщества, а ввиду предложенных оригинальных подходов и методов исследования издание может быть востребовано специалистами разных профилей. Особый интерес книга может представлять для специалистов в области прогнозирования, планирования, стратегического развития на разных иерархических уровнях управления.

В заключение отметим, что представляется небезосновательным авторское дерзновенное мнение об основном результате работы как о методологическом направлении, обладающем не только новизной, но инвариантностью в структурном смысле, а для его применения на желаемом временном отрезке достаточно актуализации по представленным в содержании структурным компонентам, которые, в свою очередь, представляются инвариантами и в пространстве, а тогда и структура исследования инвариантна относительно социально-политической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инструментально-методический подход к адаптации модели тройной спирали для условий России с учетом исторической ретроспективы: монография / Под ред. Е.А. Пахомовой. М.: ИНФРА-М, 2021. 275 с. (Научная мысль). DOI: 10.12737/1371304.
2. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты—предприятия—государство. Инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
3. Пахомова Е.А. Методологические основы оценки влияния вуза на эффективность регионального развития. М.: МЭЙЛЕР, 2010. 725 с.
4. Пахомова Е.А. Методологические и инструментальные основы оценки влияния вуза наукограда на эффективность регионального развития / Saarbrücken (Germany): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 418 с.
5. Бирюлёва Е.П., Лычагина Т.А., Пахомова Е.А., Чудина Е.В. Методы прикладной статистики для решения задач управления вузом // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 4. С. 115–148.

ENGLISH

Instrumental and Methodological Approach to the Adaptation of the Triple Helix Model for the Conditions of Russia, Taking into Account Historical Retrospect: Monography / Ed. by E.A. Pakhomova. Moscow: INFRA-M, 2021. 275 p. (Nauchnaya mysl')

Sergei V. Leshchev – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the National Research Nuclear University MEPhI.

E-mail: leshev.sergey@yandex.ru

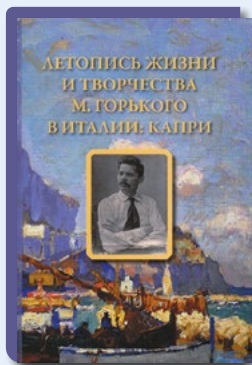
Evgeny Yu. Khrustalev – Doctor of Science (Economics), Chief Researcher of the Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: stalev777@yandex.ru

Keywords: triple helix, modeling, Russia

REFERENCES

1. Instrumental and methodological approach to the adaptation of the triple helix model for the conditions of Russia, taking into account historical retrospect: Monography / Ed. by E.A. Pakhomova. Moscow: INFRA-M, 2021. 275 p. (Nauchnaya mysl'). DOI: 10.12737/1371304.
2. Etkowitz H. Trojnaja spiral'. Universitety – Predpriyatija – Gosudarstvo. Innovacii v dejstvii / Per. s angl. pod red. A.F. Uvarova. Tomsk: Izd-vo Tomsk. Gos. Un-ta sistem upravlenija i radioelektroniki, 2010. 238 s. (in Russian).
3. Pakhomova E.A. Metodologicheskie osnovy otsenki vliyaniya vuza na effektivnost' regional'nogo razvitiya. Moscow: MAILER, 2010. 725 s. (in Russian).
4. Pakhomova E.A. Metodologicheskie osnovy otsenki vliyaniya vuza naukograda na effektivnost' regional'nogo razvitiya. Saarbürcken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 418 s. (in Russian).
5. Biryuleva E.P., Lychagina T.A., Pakhomova E.A., Chudina E.V. Metody prikladnoy statistiki dlya resheniya zadach upravleniya vuzom // Audit i finansovyy analiz. 2009. № 4. S. 115–148 (in Russian).

Д.С. МОСКОВСКАЯ*

Летопись жизни и творчества М. Горького в Италии: Капри (по материалам Архива А.М. Горького) / Авт.-сост. М.А. Ариас-Вихиль. М.: ИМЛИ РАН; ЛЕКСПУС, 2020. — 475 с.**

Ключевые слова: Максим Горький, Капри, Архив А.М. Горького

Издание основано на уникальных архивных документах — газетных статьях, критических отзывах, посвящённых А.М. Горькому, переписке и воспоминаниях, связанных с пребыванием Горького в Италии, выявленных в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН и впервые вводимых в научный оборот.

Указанные материалы были приобретены Архивом А.М. Горького в 1959 г. у итальянского литератора, слависта, переводчика Пьетро Цветеремича. В течение многих лет он и сотрудники созданного при его активном участии Общества дружбы «Италия—СССР» собирали материалы периодики по теме «Горький в Италии». В 1960 г. коллекция Цветеремича была пополнена материалами, приобретёнными у итальянского журналиста Лео Фаббри, посвятившего специальное исследование пребыванию Горького на Капри. «Итальянская коллекция» Архива А.М. Горького, частично легшая в основу настоящего издания, охватывает период с начала 1905 г. (с событий Кровавого воскресенья) до конца 1928 г.

и содержит множество совершенно новых и принципиально важных сведений, до сих пор остававшихся неизвестными горьковедам.

Информация, вводимая рецензируемым изданием в научный оборот, не просто уточняет некоторые факты биографии Горького, — её значение неизмеримо больше. Публикуемые документы выпукло представляют мировое значение этого писателя — представителя революционной России, его влияние на политическое сознание итальянского народа, его революционизирующую роль в самосознании итальянской интеллигенции. Они подробно освещают связи Горького с деятелями итальянской литературы и искусства, в числе которых были актриса Элеонора Дузе, сделавшая свой перевод пьесы Горького «На дне» и сыгравшая в этой пьесе роль Василисы, скульпторы Трентакосте и Кампаньоли, деятели социалистического движения Артуро Лабриола и Энрико Ферри, неаполитанский драматург Роберто Бракко, поэт «из народа», писатель и журналист Джованни Чена, автор поэмы «Мать» (1897), главный редактор

* **Московская Дарья Сергеевна** — доктор филологических наук, заведующая Отделом рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

**Проект 20-112-00150д.

римского литературного журнала «Нуова Антолоджиа» («La Nuova Antologia»), публиковавший переводы произведений М. Горького, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, ратовавшая за женскую эмансипацию его жена писательница Сибилла Алерамо, представительница «веризма» Ада Негри, известная писательница и журналистка Матильда Серао, основавшая самую популярную газету юга Италии «Маттино» («Il Mattino»), и др.

Публикация позволяет впервые реконструировать историю восприятия творчества Горького в Италии, театральную хронику постановок его пьес, которая выявляет роль писателя как духовного вождя демократических кругов Италии, левой итальянской интеллигенции в период 1905–1914 гг. и его глубокое воздействие на итальянскую культуру и политику в этот период.

Издание следует составу архивной коллекции и представляет порой подневную хронику жизни Горького с ареста в 1905 г. по 1914 г. в рефлексии итальянских журналистов. Отзывы прессы, интервью Горького дополнены письмами Марии Андреевой Сибилле Алерамо, письмами Энрико Ферри Максиму Горькому, воспоминаниями Райнер Мария Рильке, Роберто Бракко, Александра Амфитеатрова, Юрия и Екатерины Желябужских, Марии Андреевой, Николая Буренина. Составитель и переводчик М.А. Ариас-Вихиль снабдила публикуемые документы обстоятельным научным комментарием, вводящим в научный оборот широкий круг итальянских контактов Горького, библиографией изданных в Италии его произведений, аннотированным указателем итальянских газет, отражавших жизнь писателя в Италии.

Для научного комментария творческого наследия Горького и его биографии чрезвычайно важен и будет весьма востребован скрупулезно составленный П. Цветеремичем итальянский итинерарий писателя — список гостиниц

и квартир, где он проживал в годы пребывания в Италии. Важным дополнением к публикации исторических свидетельств пребывания Горького в Италии стало предисловие историка В.П. Любина «Италия в начале XX века: “Эра Джолитти”», в котором блестяще представлено состояние принявшей Горького страны. Это экономический и социально-политический очерк находившейся на подъеме, в 1911 г. отметившей 50-летие своего объединения Италии, нового курса, взятого её правительством для достижения социального мира, и отношения к нему главных политических оппонентов — социалистов. Пожалуй, впервые важнейшая историко-литературная тема «Горький и Италия» в хронологических границах 1905–1914 гг. раскрыта в социально-историческом и историко-литературном плане столь детально и с опорой на документальные первоисточники.

Благодаря публикуемым материалам впервые становятся ясны масштабы массовой кампании, которая охватила в 1905 г. Италию в связи с арестом и судебным преследованием Горького. Документы дают точные сведения о волне митингов и собраний, прокатившихся по стране, о потоке обращений, резолюций, протестов против готовящейся царским правительством судебной расправы над Горьким. Газеты печатали передовые статьи под заголовками «Не трогайте Горького!», в Милане и Турине во время спектакля «На дне» происходили демонстрации и разбрасывались листовки, профессура и ректоры ряда итальянских университетов поддержали петицию в Парламенте с просьбой о представлении дипломатической ноты итальянского правительства в защиту Горького. Не остался в стороне наиболее авторитетный итальянский интеллектуал того времени, критик, философ, политик, историк Бенедетто Кроче. Присоединили свои голоса крупнейшие писатели Антонио Фогаццаро и Грация Деледда. Первомайские митинги 1905 г. в Италии

проходили под лозунгом «Спасём Горького!». В книге представлены отчёты о таких же митингах в 16 городах.

Большое число интервью Горького итальянской прессе — по приезде его в Италию и в 1907 г. — даёт возможность полнее представить значение Горького для итальянского общественного движения. Так, Энрико Ферри в газете «Рома» 28–29 апреля 1908 г. напоминает в связи с празднованием 1 мая и манифестацией социалистической партии Италии, что «наиболее запоминающимся, живым и основательным было празднование Первого мая в 1907 г., когда Италия на своей земле увидела и услышала Максима Горького — олицетворение революционной России».

Издание расширяет представления о рефлексии итальянскими критиками имевшего огромное значение для истории русской советской литературы романа Горького «Мать». Так, газета «Рома» 19–20 апреля 1907 г. сообщает, что «несколько дней назад в издательстве Энрико Вогера в Риме вышел новый роман Максима Горького “Мать” — являющий собой прекрасную картину жизни русского пролетариата, этот роман — первая попытка автора создать роман социальной направленности. С любезного согласия переводчика мы рады предложить вниманию наших читателей отрывок из этого произведения, после чего, несомненно, они прочтут весь роман целиком. М<арио> Б<аккаро>».

«Роман Горького вышел в смутное время, — пишет Марио Баккаро, — когда казалось, что вулкан революции погашен, а самодержавие в силах поддержать и увековечить хаос, в котором после расправы над героями хозяйничали бандиты с большой дороги. Тем не менее этот роман, несомненно, ценный сам по себе, включает в себе и ценность исторического документа, потому что в нём воспроизводится начало поворота русского пролетариата к социализму, потому что он проливает свет на обстановку,

которая так мало и так плохо известна в Европе. Всего лишь несколько лет назад революционный лагерь России был занят аристократами и интеллигентами. И в искусстве, от Ивана Тургенева до Льва Толстого, романисты и авторы рассказов в различных видах и различными способами изображали одного и того же героя. Ещё долгое время ходили разные теории белокурых княжон и учёных мужей, которые за свои заговоры против незыблемости трона выслались в Сибирь и начинали жизнь, полную романтических приключений. В то время в искусстве так же, как и в жизни, в списке жертв, павших за революцию, значились великие имена. Тираноубийцы представлялись нам одетыми в шубы, и казалось, что их кровавые дела превосходят постыдную славу Гармония и Шарлотты Корде. “Мать” — это даже не роман, а скорее хроника, ежедневная запись событий, переданная с исключительным мастерством, которое чувствуется, несмотря на свойственные всякому переводу недостатки. Эту тревожную хронику никто не может читать без волнения. На фоне дымной фабрики вырисовываются основные действующие лица романа, члены небольшого нелегального кружка, представляющие широкие круги русского революционного пролетариата. Павел Власов — рабочий, сын Михаила Власова, угрюмого человека, с маленькими, подозрительно смотрящими глазами, отравленного алкоголем и зверски, до крови избивающего каждый вечер жену Пелагею. Может быть мы, латиняне, не сможем полностью понять и, по справедливости, оценить эту книгу. Она описывает душевные состояния, которые никогда не были и не будут похожи на наши, сложнейшие переплетения чувств и идей, которых мы сторонимся. Эта книга, как я уже говорил, проникнута философией абсолюта, как туманом, окутывающей самые непорочные и чистые славянские души. Тем не менее в ней масса художественных достоинств, главное

среди которых характеры» («Аванти!», среда, 4 марта 1908 г.)

У данного издания есть два научных предшественника: исследования К.Д. Муратовой «Горький на Капри. 1911–1913» (Ленинград, 1971) и Л.П. Быковцевой «Горький в Италии» (Москва, 1975). Увидевшие свет более сорока лет назад, они стремились «восстановить страницы творческой биографии А.М. Горького». Настоящее издание поставило в центр восприятие личности и творчества Горького итальянским культурным сообществом и показало, как Горький, находясь в Италии, стал, по сути, революционным знаменем в борьбе итальянских трудящихся за свои права, как русский писатель оказался центром интеллектуального притяжения международного культурного сообщества.

Издание дополнено великолепным изобразительным рядом — редкими фотографиями из коллекции Музея-квартиры А.М. Горького, представляющими бытовую повседневность горьковского пребывания в Италии: исторические виды Неаполя и Капри, собеседников, знакомых и рабочий люд, крестьян, рабочих, рыбаков, окружавших Горького, и самого писателя. Его облик и манеры, исполненные обаяния, простоты, демократизма, неподражаемого юмора, приближают к нам, сегодняшним, этого человека, дают возможность проникнуться энергиями этой уникальной личности.

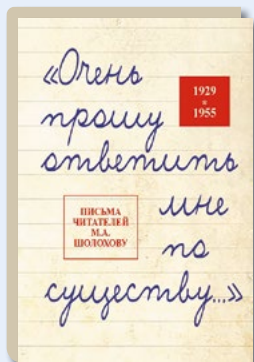
Научная ценность публикуемых в книге документов не вызывает сомнения. Очевидна и необходимость их скорейшего введения в научный оборот.

ENGLISH

Chronicles of Life and Work of M. Gorky in Italy: Capri (based on the materials of the A.M. Gorky's archive). Author-compiler M.A. Arias-Vikhil. Moscow: IMLI RAS, Lexrus. 2020. 475 p.

Darya S. Moskovskaya — Doctor of Science (Philology), Head of the Manuscript Department at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

Keywords: Maxim Gorky, Capri, Archive of A.M. Gorky.

А.С. АКИМОВА*

«Очень прошу ответить мне по существу...» Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955: Научное издание / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 848 с.: ил. **

Ключевые слова: письма читателей, биография М.А. Шолохова, «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за родину»

Книга ««Очень прошу ответить мне по существу...» Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955» открывает научную серию, работа над которой ведётся в рамках нового перспективного направления в изучении истории русской литературы советского периода и является первым и новаторским изданием писем читателей, подготовленным высокопрофессиональным коллективом, давно и плодотворно работающим над изучением и изданием произведений М.А. Шолохова. Письма с отзывами о прочитанных произведениях были выявлены в архиве семьи Шолоховых, который впервые был открыт наследниками для работы над этой книгой, в Государственном музее-заповеднике М.А. Шолохова (станция Вёшенская), в фондах издательств, журналов и газет Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ).

В статье «От редколлегии. Принципы издания» справедливо указано, что данный труд оказался «итогом масштабного проекта по выявлению и подготовке к публикации читательских писем

с отзывами о прочитанных произведениях писателя, адресованных как непосредственно самому Шолохову, так и направленных в различные редакции и издательства» (с. 3). Собранные воедино письма рабочих, крестьян, врачей, учителей, эмигрантов и фронтовиков открывают новое направление исследования «темы восприятия русской литературы XX в. общественным сознанием» (с. 3).

Издание состоит из пяти разделов. В статье «От редколлегии. Принципы издания» перечислены работы, в которых впервые была предложена новая научная проблема — изучение и публикация писем читателей Шолохову, и сформулированы принятые авторским коллективом правила публикации писем и отзывов. В следующем разделе, составленном О.А. Алексеевой, приведены высказывания Шолохова о читателе в письмах, выступлениях, интервью и статьях. Раздел «Письма и отзывы читателей» составили тексты и комментарии к ним, подготовленные учёными Института мировой литературы (О.Я. Алексеевой, О.В. Быстровой, Г.Н. Воронцовой, Н.В. Корниенко,

* **Акимова Анна Сергеевна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
E-mail: a.s.akimova@mail.ru

**Проект 20-112-00229д.

Е.А. Папковой) и сотрудниками Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова (Л.Т. Афанасьевой, Е.Б. Карбышевой, А.М. Кочетовой, Е.Б. Поповой, Л.П. Разогреевой). В первую книгу новой научной серии вошли 520 писем читателей, написанные с января 1929 по 29 декабря 1955 г., т.е. в период, когда Шолоховым были созданы крупнейшие романы — «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за родину».

Публикацию писем и отзывов завершает ранее не публиковавшаяся статья А.М. Топорова «Чародей самоцветного слова (Заметки книголюбца)» (подготовка текста и комментариев И.Г. Топорова).

Пятый раздел тома, «Приложения», открывает статья Н.В. Корниенко «Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи», в которой затрагиваются важнейшие вопросы социально-политической, общекультурной, литературной жизни страны, широкий круг взаимосвязанных и неизученных проблем, но чрезвычайно важных для понимания эпохи: формирование народного читателя («нового человека-читателя»), показанное в историко-литературном и социально-политическом контексте на материале периодики, наркомпросовской литературы (в частности, инструкций по пересмотру книжного состава библиотек); понятие «народности»; объединение издательств, также рассмотренное на материале периодики, стенограмм заседаний и других документов Массового сектора издательства (ГИХЛ) и другие вопросы — все это проблемы, мимо которых «Шолохов как начинающий писатель и участник литературного процесса пройти просто не мог» (с. 648). В статье Н.В. Корниенко изложены факты важные как для понимания публикации шолоховских отзывов о читателе, так и служащие необходимым комментарием к публикации писем и отзывов: о месте читателя в рефлексии Шолохова; о роли писем читателя в писательском самоопределении Шолохова, который в диалоге с читателем искал

свой эстетический язык; дана классификация писем читателей; о начале эпистолярного диалога Шолохова со Сталиным. Особо следует выделить совершенно новаторскую главу «“Чистое искусство” Михаила Шолохова в контексте революционной эпохи», в которой рассматривается наследие представителей русского «чистого искусства» в советскую эпоху и, в частности, шолоховская эстетика «чистого искусства» (с. 765–782).

Публикуемые в основном разделе тома письма снабжены исчерпывающим комментарием: в большинстве случаев установлены имена авторов писем; дана история периодического издания, в котором был опубликован отзыв; объясняются социально-исторические и литературные реалии, упоминаемые в тексте письма; приведены отклики профессиональных критиков. Особо следует отметить, что «указанные в письмах адреса блистательно отражают историю административно-территориальной реформы, идущей в стране с 1922 г.» (с. 6). Административно-территориальное деление 1920–1930-х гг. — это тоже научная проблема, которую приходилось решать составителям при комментировании.

Каждое письмо, отобранное для публикации, — документ эпохи, в котором тексты Шолохова, герои его произведений служат лишь вступлением к диалогу с писателем, разговору о пережитом и увиденном — о Гражданской войне, коллективизации, индустриализации, Великой Отечественной войне, послевоенном времени и о себе («...я еще не встречал изображения той жизни, в которой я жил в действительности. “Поднятая целина” это самая близкая к моей действительности, но всё-таки самого себя и в этой книге я не вижу. Кто же такой я?» (с. 422)).

Лейтмотивом всех писем звучат слова благодарности писателю за ПРАВДУ, правдивое изображение событий, правдивые, жизненные образы. О первой книге романа «Тихий Дон»: «Я не читал,

а переживал драму Натальи, и несчастье Григория. Книга Шолохова ставит читателя перед жизненной правдой» (с. 27); «...книга очень нравится читателям своей правдивостью...» (с. 37). Прекрасное знание «психологии деревенского человека» (с. 51) отмечали простые читатели в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина»: «Всякий читатель, работавший в 1929–30 гг. в деревне, прочитав книгу “Поднятая целина”, скажет, что кусочек произведения касается и моего колхоза, где я работал...» (с. 38). «Как Вы можете с такой точностью знать все обычаи фронтовиков; их разговоры между собой, поговорки...» (с. 427), — писали автору из действующей армии бойцы о романе «Они сражались за Родину»; «...мы были восхищены правдивостью изложенных событий» (с. 432), «Ваши герои — живые люди» (Там же); или: «Только можно быть в самом пекле войны, чтобы так чувствовать её, а главное передать...» (с. 442).

За правду жизни читатели полюбили произведения Шолохова и, судя по словам самого Шолохова, он был благодарен своим читателям: «Среди этих писем есть такие, которые мне как писателю, в какой-то мере уже познавшему литературное ремесло, дали значительно больше, чем литературно-критические статьи заведомо признанных критиков» (с. 12); «Умное читательское письмо мне, писателю, приносит больше пользы, чем иные критические статьи» (с. 15);

«Критика мне ничего не дала <...> В критике же читателя я ощущаю и взволнованную заинтересованность, и проникновение в творческие замыслы, и боль, и радость — человеческая страстность есть в этой критике!» (с. 15). Нередко читатели защищали любимого писателя от нападков критики: например, счетовод из Ленинградской области М.С. Харин писал, что «неправильно в предисловии А. Селивановский накидывается на Шолохова <...> все будут считать Шолохова правым, так как написано просто, картинно, поэтично и жизненно» (с. 33–34), или колхозник Безбородов: «Ничего отрицательного в них (в книгах) нельзя найти. Кажется, что самый ретивый критик и тот не может подкопаться» (с. 68).

Издание снабжено исчерпывающим научно-справочным аппаратом: списком аббревиатур и сокращений, встречающихся в письмах; оглавлением писем; списком иллюстраций; именованным указателем. В книге 43 иллюстрации: это портреты Шолохова, обложки прижизненных изданий, автографы писем и уникальные плакаты 1920-х гг.

Научное издание «“Очень прошу ответить мне по существу...” Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955» стало итогом напряжённого подвижнического труда большого творческого коллектива и, безусловно, является единственным в своём роде изданием, в котором оживает грандиозная эпоха.

ENGLISH

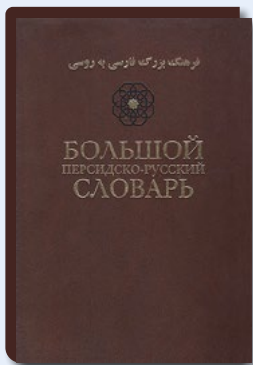
“I Beg You to Reply Me to the Point...” Readers’ letters to M.A. Sholokhov. 1929–1955. Scientific edition. Ed. by N.V. Kornienko. Moscow: IWL RAS, 2020. 848 p.: illustrated

Anna S. Akimova — Candidate of Science (Philology), Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Keywords: reader’s letters, M.A. Sholokhov’s biography, *And Quiet Flows the Don*, *Virgin Soil Upturned*, *They Fought for Their Country*

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-149-152

В.И. МИКОЛАЙЧИК*

**Большой персидско-русский словарь:
В 3 т. Т. 1 / Сост. В.Б. Иванов; Общ. ред.
Е.Л. Гладкова; Ин-т стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука,
2020. — 932 с.****

Ключевые слова: персидская лексикография, лексика классического фарси, динамичное направление иранистики, незаменимое практическое пособие, настольная книга, большой массив новых номинаций, лексикографическая активность, капитальный лексикографический труд, современная общеупотребительная научно-техническая лексика, современные мировые стандарты

Научная и прикладная классификация компонентов лексической системы персидского языка в силу исторических причин традиционно представляла собой наиболее динамичное направление иранистики как одного из самых развитых подразделений частного отечественного языкознания, а лексикографическая практика русских иранистов отличалась завидной периодичностью появления лексикографических изданий и высоким уровнем разработки публикуемых словарей. В настоящее время в распоряжении специалистов, обеспечивающих сотрудничество России и Ирана в различных сферах, имеется достаточное количество качественных словарей.

Важным результатом, подытожившим достижения всех периодов развития отечественной персидской лексикографии, стал вышедший в 1970 г. двухтомный Персидско-русский словарь, подготовленный коллективом авторов (Н.О. Османов, Д.Х. Дорри, Л.Н. Киселёва, С.С. Сарычев,

К.Н. Ерёмина, Г.А. Галимова, А.Е. Бертельс, Г.Ю. Алиев, Л.Н. Муравьёва, Г.И. Козлов), под общей редакцией Ю.А. Рубинчика. Этот выдающийся труд, выполненный на основе самых передовых достижений теоретической и практической лексикографии и полиграфической техники того времени, на протяжении последних десятилетий по праву считался главным лексикографическим трудом в иранистике, пользовался высокой репутацией в научных кругах и среди практических работников; и по сей день он служит незаменимым практическим пособием для отечественных и зарубежных иранистов.

Двухтомный словарь под редакцией Ю.А. Рубинчика на протяжении полувека был настольной книгой иранистов в России, странах СНГ, русистов в Иране и Афганистане, несколько раз переиздавался в Советском Союзе и Иране.

Не потеряли своего практического значения некоторые изданные ранее словари, в частности словарь М.А. Гафарова (1927) и Б.В. Миллера (1953).

* **Миколайчик Владимир Иосифович** — доктор филологических наук, профессор кафедры средневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ.
E-mail: mikolai4ik@yandex.ru

**Проект 20-112-00065д.

Например, словарь М.А. Гафарова, несмотря на свой солидный возраст, до сих пор ценится иранистами за то, что содержит лексику классического языка. Важность этой особенности словаря М.А. Гафарова обусловлена тем, что богатейшее классическое наследие — это важная составная часть духовной жизни образованных общественных слоёв современного Ирана. Ставшая менее используемой в языке повседневного общения, на который в соответствии с обычной лексикографической практикой в общем ориентируются лексикографы, лексика классического фарси была в двухтомнике сильно сокращена в объёме. Как показала практика, такой подход к лексике классического периода оказался необоснованным.

Совершенно очевидно, что изменения в лексическом составе персидского языка за прошедшие полвека после выхода в свет в 1970 г. двухтомного словаря, а также развитие новых концепций и подходов в теоретической и практической лексикографии настоятельно продиктовали необходимость создания нового персидско-русского словаря. Основные изменения в лексическом составе персидского языка за минувшие полвека обусловлены высокой динамикой общественно-политических процессов, быстрым развитием информатики, электронной техники, компьютеризации, мобильной связи. Существенно обновились реалии в военном деле, космонавтике, экономике, искусстве и многих других сферах общественной жизни. Естественно, вышедший в 1970 г. словарь не содержит появившийся большой массив новых номинаций.

Нельзя также не отметить, что с начала последнего десятилетия XX в. в силу известных социальных событий в нашей стране значительно замедлилась лексикографическая активность, которая была свойственна в советское время и при которой такой значительный перерыв в иранской лексикографии вряд ли был возможен. Таким образом, ослабление темпов лексикографической

работы вошло в явное противоречие с возросшей динамикой развития и пополнения лексического состава персидского языка. И именно поэтому заслуживает особой оценки инициатива, энтузиазм и творческая энергия автора рецензируемого словаря, сумевшего в непростых условиях успешно организовать и осуществить титанический труд по созданию данного капитального лексикографического труда.

Необходимость создания нового персидско-русского словаря, таким образом, продиктована в первую очередь значительными изменениями в лексической системе современного персидского языка. Кроме этого, в процессе пользования двухтомным словарём обнаружилось некоторые неудобства. При общей высокой оценке словаря многие переводчики и другие специалисты отмечали в качестве недостатка излишне детальную рубрикацию при классификации идиоматики и фразеологизмов. Эта деталь значительно затрудняла пользование словарём, так как непросто было определить критерий, по которому составители помещали тот или иной фразеологизм в ту или иную рубрику.

В заметной степени устарела принятая в двухтомнике орфография. Кириллическая транскрипция не соответствовала международным стандартам. Намеренное удаление из словника устаревших слов классического периода заметно тормозило работу переводчиков при переводе классики, вынуждая их пользоваться дополнительными лексикографическими источниками. Замедляла работу и излишне детальная рубрикация словарной статьи, разбиение на несколько разделов (выделение разделов именной, глагольной фразеологии, фразеологизмов-предложений).

Автор рецензируемого трёхтомного словаря обнаружил основательное знакомство с современными концепциями и подходами в лексикографии, а также практическое владение методикой

составления современных словарей. Вполне логично выглядит учет автором опыта составителей иранских академических словарей (таких как «Полный словарь персидского языка» под редакцией А.А. Садеги, Тегеран, 2013), так как словарь адресован также и иранским специалистам. В выполненных в соответствии с современной лексикографической практикой словарях словарные статьи строятся так, чтобы подать информацию более наглядно и максимально облегчить работу пользователя: каждое значение слова и фразеологизмы даются с новой строчки, при каждом слове помимо латинской транскрипции указывается ряд других показателей, отражающих место слова в системе языка.

Рецензируемый трёхтомный словарь обобщает результаты лексикографической работы всех предыдущих поколений отечественных и зарубежных иранистов.

В качестве основного исходного материала для рецензируемого Большого персидско-русского словаря был взят словник из двухтомного словаря под редакцией Ю.А. Рубинчика. Информация, содержащаяся в двухтомном словаре, подверглась значительной переработке: исправлено написание сложных слов, европейских заимствований, глагольных форм и многих других лексико-грамматических единиц в соответствии с новой персидской академической орфографией.

Кириллическая транскрипция переведена на латиницу с учётом правил и принципов принятого иранского стандарта (например, в 8-томном словаре Анвари (2002) и Полном словаре персидского языка (2013)). Добавлена транскрипция для примеров и фразеологизмов.

В словник добавлена лексика из других лексикографических источников: не публиковавшегося персидско-русского словаря по информатике (автор В.Б. Иванов), Словаря новых слов (Г.Г. Наджафов, Баку, 2010). Электронный вариант словаря постоянно пополняется

лексикикой из самых различных источников, как современной, так и архаичной, которая нужна при чтении рукописей и документов на классическом персидском языке. В словник добавлено значительное количество слов и фразеологизмов из иранских словарей (Анвары, 2002, Хайям, 2011, Садеги, 2013, Садеги, 2016). Список лексикографических источников приводится в Словаре.

В качестве важнейших достоинств рецензируемого трёхтомного словаря по сравнению с двухтомным словарём под редакцией Ю.А. Рубинчика следует отметить следующее:

- в словаре широко представлена современная общеупотребительная научно-техническая лексика, включая термины и понятия из области электроники и информатики. Это качество следует отметить особо, так как лексикографическим изданиям прежних периодов был присущ заметный филологический уклон, свойственный словарям восточных языков;
- в словарь включено значительное количество лексики, фразеологизмов и речевых оборотов, бытующих в современном языке повседневного общения;
- приведено в соответствие с современной лексикографической практикой построение словарной статьи, что сделало более удобным пользование словарем; словарные статьи содержат больше структурных элементов, чем в ранее опубликованных словарях. Вместо используемой в прежних словарях звездочки изафетный показатель в персидском тексте обозначается стандартной огласовкой, отображаемой также и в транскрипции;
- в орфографии словаря устаревшая кириллическая транскрипция заменена стандартной международной на основе латиницы;
- при соблюдении в целом фонологического принципа транскрипции в словаре даются необходимые пояснения,

касающиеся произношения слов в разговорном языке;

- словарь содержит значительный пласт лексики языка классического периода, что избавляет переводчиков при переводе классики от необходимости обращаться к другим лексикографическим источникам;
- свойственная двухтомнику Ю.А.Рубинчика практика уточнения латинскими терминами названий растений в трёхтомнике продолжена и расширена: многие научно-технические термины (наиболее часто по информатике) даны с английскими (реже с французскими) эквивалентами.

Таким образом, в рецензируемом Большом персидско-русском словаре

в полной мере учтены и творчески применены новейшие принципы и приёмы, присущие лучшим современным разработкам отечественных и зарубежных лексикографов. С учётом практического предназначения рецензируемого словаря, ориентированного также и на иранских русистов, автор основательно изучил и учёл опыт современных иранских лексикографов, которые в своей работе при серьёзной государственной поддержке добились заметных результатов.

В целом рецензируемый словарь представляет собой капитальный лексикографический труд, который выводит отечественную персидскую лексикографию на уровень современных мировых стандартов.

ENGLISH

**The Big Persian-Russian Dictionary. In 3 vol. Vol. 1 / V.B. Ivanov;
General ed. by E.L. Gladkova; Institute of Asian and African Countries
of Lomonosov Moscow State University. Moscow: Nauka, 2020. — 932 p.**

Vladimir I. Mikolaychik – Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Middle Eastern Languages of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.
E-mail: mikolai4ik@yandex.ru

Keywords: Persian lexicography, vocabulary of the classical Farsi, dynamic direction of Iranian studies, an indispensable practical tool, a desktop book, a large array of new nominations, lexicographic activity, capital lexicographic work, modern and commonly used scientific and technical vocabulary, modern world standards

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2021 г.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Основные вехи жизни и творчества Ф.М. Достоевского. — № 3. — С. 9–10.

Андрианова И.С. Рукописное наследие Достоевского: систематизация и описание. — № 3. — С. 11–24.

Есаулов И.А. Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского. — № 3. — С. 25–35.

Кибальник С.А. Достоевский и Россия (в прошлом, настоящем и будущем). — № 3. — С. 51–58.

Тарасова Н.А. Проблемы текстологии и поэтики романов Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток»). — № 3. — С. 36–50.

Фокин П.Е. «Московский дом Достоевского»: новая жизнь легендарного литературного музея. — № 3. — С. 59–70.

4 НОЯБРЯ — ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

Горизонтов Л.Е. Восточнославянский вектор миграционной политики современной Польши в свете её исторического опыта. — № 4. — С. 11–20.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы. — № 3. — С. 21–34.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

Исторические науки

Бухарин М.Д. Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 годов: итоги и перспективы изучения архивных материалов. — № 1. — С. 9–22.

Исаева Е.В., Воронникова И.А., Девятов С.В. Московский Кремль XX столетия. — № 4. — С. 35–56.

Корзун В.П., Ковалёв М.В., Груздинская В.С. Юбилей АН СССР в победном 1945 году: сценарии праздника, коммуникативное поле науки, международный резонанс. — № 2. — С. 22–36.

Смирнова И.Ю., Бутова Р.Б. Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX–XX вв.). — № 2. — С. 9–21.

Шишлина Н.И. «Шерстяной путь» эпохи поздней бронзы: культурный, хронологический и географический контексты. — № 1. — С. 23–38.

Экономика

Александров Г.А., Вякина И.В., Скворцова Г.Г. Устойчивое развитие территории и инвестиционная привлекательность предприятий: логика взаимосвязи. — № 3. — С. 71–81.

Киселёв В.Н., Куклина И.Р. Международные научные коллаборации в проектах «большой науки». — № 2. — С. 37–49.

Философия. Социология. Политология. Правоведение

Дементьев А.Н. Проблемы территориальной организации местного самоуправления как одного из уровней публичной власти. — № 4. — С. 66–75.

Кириллов А.А. Политики медиа. — № 4. — С. 57–65.

Нарбут Н.П., Троцук И.В. Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации. — № 2. — С. 50–64.

Петров А.А. Алгоритмизация преодоления сложных коллизий норм права. — № 2. — С. 75–86.

Сыров В.Н., Аникин Д.А., Головашина О.В., Овчинников А.В. Динамика конструирования исторических травм: методологические основания анализа социально-политического контекста проблемы. — № 3. — С. 82–92.

Тимошина Е.В., Васильева Н.В., Кондуров В.Е., Краевский А.А. Три царства права: теоретические модели действительности и действенности права. — № 3. — С. 93–104.

Шестопад Е.Б. Образы «других стран» в современной картине мира российских граждан. — № 2. — С. 65–74.

Ящук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. — № 1. — С. 39–51.

Филология. Искусствоведение

Галунова С.Н. Иконописное наследие Русского Севера XVII–XVIII веков: взаимосвязь духовного состояния общества и художественной эволюции иконописания. — № 3. — С. 117–136.

Жилякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В., Могилатова М.В. Цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии). — № 2. — С. 87–103.

Иванова М.В., Клушина Н.И. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации. — № 1. — С. 52–62.

Катермина В.В., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Лингвистические модели социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве. — № 4. — С. 87–100.

Кузнецова О.А. Любовь Дмитриевна Блок в поисках призвания. — № 3. — С. 105–116.

Сергеева-Клятис А.Ю., Купцова О.Н. «За пядью пядь»: Летопись жизни и творчества Б.Л. Пастернака. — № 4. — С. 76–86.

Сим Н.М. Эскориал — идея, образ, стиль королевской резиденции Филиппа II. — № 1. — С. 63–78.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

Аникеева Т.Я., Матвеева Л.В., Мочалова Ю.В., Макалатия А.Г., Свитич Л.Г., Борисова Е.Г. Ценностно-смысловые коды культурных представлений о России у молодёжи нашей страны, Украины и Белоруссии. — № 2. — С. 118–129.

Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В., Хавыло А.В. Возможности использования интеллектуальных систем машинного зрения в судебной психологической экспертизе. — № 2. — С. 104–117.

Костромина С.Н., Гришина Н.В., Москвичёва Н.Л., Зиновьева Е.В. Жизненные модели молодёжи: изменения и традиции. — № 1. — С. 79–98.

Куфтяк Е.В. Здоровье и благополучие в детском возрасте: вклад привязанности. — № 4. — С. 101–109.

Шамионов Р.М. Дискриминационные установки: характеристики и факторы. — № 1. — С. 99–108.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Беляев Л.А. Работы Иерихонской археологической экспедиции: 2019–2021 годы. — № 3. — С. 137–153.

Еремеев И.И. Предварительные итоги археологических исследований средневекового Усвята в 2019–2021 гг. — № 4. — С. 110–121.

Комиссаров С.А., Соловьёв А.И., Черемисин Д.В., Кудинова М.А. Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья). — № 1. — С. 109–120.

Эрлих В.Р., Годизов Г.Л. Открытие и начало исследования постдольменного могильника у станицы Севастопольской. — № 2. — С. 130–143.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Беленцов С.И. Международная научно-практическая конференция «Культура мира и ненасилия подрастающего поколения: ракурсы интерпретации и педагогические условия развития» (Курск, 29–30 октября 2020 г.). — № 1. — С. 151–154.

- Дорская А.А., Бондарев В.Г.* Международная научно-практическая конференция «Юридические формы переживания истории: практики и пределы» (Санкт-Петербург, 11–12 сентября 2020 г.). — № 1. — С. 136–140.
- Жигунова Г.В.* Всероссийская научно-практическая онлайн-конференция с международным участием «Социальные риски в современном обществе» (Мурманск, 3–4 декабря 2020 г.). — № 2. — С. 144–148.
- Журова Л.И., Шипилов И.А.* IV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвящённая 90-летию академика РАН Н.Н. Покровского (Новосибирск, 9–11 ноября 2020 г.). — № 4. — С. 122–126.
- Захаров В.Н.* Международная научная конференция «Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения. К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума» (Москва, 26–27 октября 2020 г.). — № 1. — С. 121–125.
- Карпачёв М.Д., Ильиных В.А., Селезнёв Ю.В., Хитров Д.А.* XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Воронеж, 22–26 сентября 2020 г.). — № 1. — С. 126–131.
- Кольба А.И.* Всероссийская научная конференция с международным участием «Политика развития в условиях цифровизации общества» (Краснодар, 22–23 октября 2020 г.). — № 1. — С. 132–135.
- Левашов В.К., Новоженина О.П.* II Декабрьские социально-политические чтения «“Как живёшь, Россия?” Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности» (Москва, 10 декабря 2020 г.). — № 2. — С. 149–154.
- Ломакина С.А.* Всероссийская научная конференция «Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья» (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) (Елец, 24–26 сентября 2020 г.). — № 1. — С. 146–150.
- Хватова С.И.* IV Международная научная конференция «Богослужбные практики и культовые искусства в современном мире»: перспективы развития научного направления (Краснодар, 9–12 ноября 2020 г.). — № 1. — С. 141–145.
- Шиповалова Л.В.* Второй Международный конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2020 г.). — № 4. — С. 127–131.

МИР КНИГИ РФФИ

- Акимова А.С.* — «Очень прошу ответить мне по существу...» Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955: Научное издание / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 848 с.: ил. — № 4. — С. 146–148.
- Житенёв С.Ю.* — Александрийский патриархат и Россия в XIX веке: Исследования и документы / Подг. изд. О.Е. Петрунина, Л.А. Герд, К.А. Вах. М.: Индрик, 2020. — 920 с.: ил. — № 2. — С. 155–159.
- Кондрашин В.В.* — Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2021. — № 3. — С. 154–159.
- Лещёв С.В., Хрусталёв Е.Ю.* — Инструментально-методический подход к адаптации модели тройной спирали для условий России с учётом исторической ретроспективы: Монография / Под ред. Е.А. Пахомовой. М.: ИНФРА-М, 2021. — 275 с. — (Научная мысль). — № 4. — С. 137–141.
- Миколайчик В.И.* — Большой персидско-русский словарь: В 3 т. Т. 1 / Сост. В.Б. Иванов; Общ. ред. Е.Л. Гладкова; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука, 2020. — 932 с. — № 4. — С. 149–152.
- Минаков А.С.* — Раздорский А.И. Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: Сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. — 976 с. — № 4. — С. 132–136.
- Московская Д.С.* — Летопись жизни и творчества М. Горького в Италии: Капри (по материалам Архива А.М. Горького) / Авт.-сост. М.А. Ариас-Вихиль. М.: ИМЛИ РАН; ЛЕКСПУС, 2020. — 475 с. — № 4. — С. 142–145.
- Яблоков Б.В.* — Новый мир в Европе (СССР, ФРГ и Московский договор 1970 г. по документам ЦК КПСС): Сборник документов / Сост., предисл., коммент. И.В. Казариной, М.Ю. Прозументчикова. М.: Кучково поле, 2020. — 800 с.: ил. — № 1. — С. 155–159.
- Академику РАН В.А. Тишкову — 80 лет.* — № 4. — С. 158–159.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» № 5 ЗА 2020 Г.

Панченко В.Я. Значимый проект для российской политологии. — № 5. — С. 9–10.

Федулкина А.П. Эффективный инструмент поддержки политологического сообщества. — № 5. — С. 11–12.

Гаман-Голутвина О.В. Итоги совместных конкурсов РФФИ—ЭИСИ 2019 года в сфере общественно-политических наук. — № 5. — С. 13–19.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОНЛАЙН И ОФЛАЙН ФОРМАТЫ

Петров А.П., Стукал Д.К., Ахременко А.С. Социально-психологические факторы популярности протестных сообщений в социальных медиа: отражение политического кризиса в Венесуэле в сети Твиттер. — № 5. — С. 20–29.

Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Кайда А.Ю., Кузнецов С.А., Максимова Н.Г., Чайковский Д.В. Ультраправая радикализация: методика автоматизированного выявления угроз методами web mining. — № 5. — С. 30–43.

Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Социальная активность и гражданская идентичность населения как важнейшие характеристики гражданского общества в современных сибирских регионах. — № 5. — С. 44–56.

Плотникова М.В. Речевое поведение политического деятеля в сети: эффективный и деструктивный профили. — № 5. — С. 57–66.

ВОПРОСЫ СТАБИЛЬНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СИСТЕМ

Соловьёв А.И., Пушкарёва Г.В. Гражданский сектор государственного управления: новые формы самоорганизации и участия населения в условиях цифровизации публичного пространства. — № 5. — С. 67–75.

Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. Возможности оценки стабильности и устойчивости современных государственных систем. — № 5. — С. 76–83.

Хайкин С.Р. Варианты редизайна политической системы в России: опыт эмпирического исследования. — № 5. — С. 84–91.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА: КАРЬЕРНЫЕ ТРЕКИ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Дука А.В., Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация региональной политической элиты: рекрутирование и профессиональные карьеры. — № 5. — С. 92–104.

Палитай И.С. Современная российская политическая элита: статусно-ролевой анализ поколений. — № 5. — С. 105–116.

Крыштановская О.В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. — № 5. — С. 117–134.

МОЛОДЁЖЬ РОССИИ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

Комаровский В.С. Перспективы будущего страны в представлениях (восприятии) студенческой молодёжи России. — № 5. — С. 135–142.

Пырма Р.В. «Цифровые граждане»: политическое участие российской молодёжи онлайн. — № 5. — С. 143–155.

Григорьева Н.С. Жизненные планы студенческой молодёжи: семья versus карьера. — № 5. — С. 156–165.

Симонова И.А. Социально-политические стратегии молодёжи: между D.I.Y. и институциональными форматами. — № 5. — С. 166–176.

Ищукова Е.А., Толочаненко Е.А., Салманов В.Д. Влияние коммуникационных средств на современных подростков. — № 5. — С. 177–187.

Рябова Т.Б., Клещенко Л.Л. «Они же дети!» Символ детства в политической мобилизации в современной России. — № 5. — С. 188–197.

Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Молодые политические активисты Уральского региона: возможности политической карьеры или перспективы общественных перемен? — № 5. — С. 198–209.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СМЫСЛЫ, МОДЕЛИ, УЧАСТНИКИ

Смулькина Н.В. Формирование символического пространства политической карты мира в российском массовом сознании. — № 5. — С. 210–223.

Докучаев Д.С. Историческая политика на региональном уровне: модели, цели и акторы. — № 5. — С. 224–235.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРЕШЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Никитин А.И., Артеев С.П. Перспективные подходы в международной конфликтологии: коммуникационный аспект. — № 5. — С. 236–245.

Шишелина Л.Н. Современные политические тенденции в Центральной Европе: уроки и вызовы для России. — № 5. — С. 246–259.

Пономарёва Е.Г. «Новое прошлое» Западных Балкан. — № 5. — С. 260–272.

МИР КНИГИ

Авакьян С.А. — Выборы в мире: особенности референдумного процесса. Практика и электоральные технологии / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов; Под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2019. — 278 с. — № 5. — С. 273–275.

Баранов Н.А. — Ачкасов В.А. Российская дилемма: империя или нация-государство: монография. М.: Юрайт, 2019. — 373 с. — № 5. — С. 176–280.

Конкурс на издание лучших научных трудов по общественно-политическим наукам, проводимый совместно РФФИ и АНО ЭИСИ. — № 5. — С. 281–283.

***Академик РАН
Валерий Александрович Тишков***

Академику РАН, научному руководителю Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, академику-секретарю Отделения историко-филологических наук РАН, заслуженному деятелю науки РФ (1999) и Карачаево-Черкесской Республики (2014)

Лауреату Государственных премий в области науки и техники РФ за цикл историко-этнографических работ о народах и религиях мира (2001) и за достижения в области этнологии и социально-культурной антропологии, разработку метода этнологического мониторинга, предупреждения и разрешения этнополитических конфликтов (2014)

Кавалеру медали «За трудовую доблесть» (1981), ордена Русской Православной Церкви святого благоверного князя Даниила Московского III степени (2008), ордена Почёта (2009), ордена Дружбы (2016) и ордена Александра Невского (2021)

Глубокоуважаемый Валерий Александрович!

Российский фонд фундаментальных исследований сердечно поздравляет Вас с юбилеем.

Ваш жизненный путь неразрывно связан с изучением фундаментальных проблем этнической истории и межэтнических взаимоотношений. Каждая из опубликованных Вами монографий является образцом кропотливого, подвижнического труда, результатом целеустремлённого научного поиска, примером объективного и строго научного подхода к решению сложнейших вопросов социально-культурной антропологии современности.

Ваша многолетняя общественно-политическая и научно-организационная деятельность в различных структурах Правительства Российской Федерации и Российской академии наук носит ярко выраженный созидательный характер, она по праву снискала Вам высокий авторитет среди специалистов и широкой научной общественности, отмечена высокими наградами.

Глубокоуважаемый Валерий Александрович, Вы принимаете самое активное участие в работе РФФИ в качестве члена бюро совета Фонда. Под Вашим руководством в РФФИ реализован целый ряд важнейших научно-исследовательских и издательских проектов, среди которых фундаментальная серия «Народы и культуры», издания «Российская нация: становление и этнокультурное многообразие» и «Российский народ: формирование национальной идентичности».

Желаем Вам, дорогой Валерий Александрович, здоровья, долгих лет плодотворной деятельности, благополучия и оптимизма!

Председатель совета РФФИ
академик РАН
В.Я. Панченко

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

**Гуманитарные и общественные науки
2021, № 4 (106)**

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7(499)941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет изготовлен ООО «Эко-Вектор Ай-Пи».
191186, Санкт-Петербург, Аптекарский пер., д. 3, литера А, помещение 1Н,
тел. +7(812)648-83-68. E-mail: info@eco-vector.com

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 60×90^{1/8}.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 1-9416-lv

Отпечатано в ООО «Типография Фурсова».
196084, Санкт-Петербург, ул. Заставская, д. 14А, литера М,
тел.: +7(812)646-33-77. E-mail: lv@express-reklama.ru